

SIGILLVM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG
VE RI TAS
CHRISTO ET ECCLESIAE

Годъ 7-й. Кн. XXIV.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1895, № 1.

подъ редакціей

Секретаря Этнографическаго Отдѣла

Н. А. Янчука.

МОСКВА.
Высочайше утв. Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ. Коммиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ, Петровка, д. Левенсонъ.
1895.

ОЧЕРКИ КРЕСТЬЯНСКАГО БЫТА

Самарскаго уѣзда.

Населеніе Самарскаго уѣзда разнообразно, благодаря большому количеству переселенцевъ, по преимуществу изъ западнаго и юго-западнаго края: хохлы, поляки, литвины живутъ въ смежныхъ селеніяхъ; встрѣчаются поселки отставныхъ солдатъ, нѣмецкія колоніи, татарскія, мордовскія и чувашскія деревни. Всѣ упомянутые поселенцы сохраняютъ вѣроисповѣданіе и обычаи мѣстъ, откуда они пришли. Коренное населеніе состоитъ изъ крестьянъ, бывшихъ крѣпостныхъ, еще въ прошломъ столѣтіи переселенныхъ своими помѣщиками въ Самарскую губернію изъ различныхъ мѣстъ центральной Россіи; съ теченіемъ времени они выработали обычаи, общіе для всего крѣпостного населенія этой губерніи, но такъ какъ среди нихъ много старообрядцевъ всевозможныхъ толковъ, то и въ нравахъ явилась нѣкоторая разница.

Въ этомъ очеркѣ мною собраны нѣкоторыя черты изъ жизни православнаго населенія. При собираніи свѣдѣній мнѣ пришлось ограничиться небольшимъ райномъ, заключающимъ въ себѣ нѣсколько селъ и деревень. Благодаря удаленности этой мѣстности отъ губернскаго города (въ 130 вер. отъ Самары) и отъ желѣзной дороги (въ 70 вер.), населеніе наиболѣе сохранило нравы прежней патріархальной жизни; вся обрядность на свадьбахъ, похоронахъ, пѣсни, примѣты и суевѣрія оберегаются старикамии женщинами, передаются изъ рода въ родъ и горячо отстаиваются. Мужчины менѣе дорожатъ стариною, въ особенности молодое поколѣніе, развивающееся подъ вліяніемъ грамоты, и солдаты, вносящіе въ деревню нравы и понятія городской жизни.

Занятіе здѣшняго крестьянина исключительно земледѣліе; населеніе довольно зажиточное; большинство не довольствуется своимъ

надѣломъ и арендуетъ землю у сосѣднихъ землевладѣльцевъ; сѣютъ рожь, пшеницу, овесъ, полбу; часть хлѣба продаютъ, а себѣ оставляютъ прокормиться до нови, въ крайности до весны. Рядъ неурожайныхъ годовъ тяжело отозвался на населеніи, разоривъ многихъ крестьянъ. Возможность заработка у сосѣда-помѣщика, а зимою извозъ хлѣба служитъ немалымъ подспорьемъ въ хозяйствѣ.

У женщинъ еще сохранился старинный костюмъ: сарафанъ изъ синей пестрядины, съ густыми складками позади; на спинѣ проймы (щепеть) обшиты позументомъ; спереди рядъ металлическихъ пуговицъ; поверхъ сарафана яркій ситцевый фартукъ съ оборкой; на подолѣ фартука нашиты въ нѣсколько рядовъ узкія полоски изъ разноцвѣтныхъ ситцевъ. Голову поверхъ повойника повязываютъ краснымъ платкомъ; старухи носятъ темные цвѣта; дѣвушки въ праздничные дни надѣваютъ головной уборъ—ленту съ бисерной сѣткой —„поднизочкой", спускающейся на лобъ. Мужская одежда дѣлается изъ домашнихъ цвѣтныхъ холстовъ, а армяки, кафтаны и др. верхнее платье, за исключеніемъ шубъ, изъ толстаго, коричневаго домашняго сукна. Въ послѣднее время цвѣтные холсты начинаютъ замѣняться ситцами, а сарафанъ платьемъ городского покроя.

Въ большинствѣ случаевъ слывутъ „богатѣями" и живутъ зажиточно тѣ изъ крестьянъ, которые не дѣлятся, живутъ большими семьями, иногда человѣкъ по 25—30. Семей такихъ осталось уже немного. Порядокъ и благоустройство держатся въ нихъ безпрекословнымъ подчиненіемъ всѣхъ членовъ семьи главѣ дома—«отцу и хозяину» и матери—«хозяйкѣ». Себѣ въ помощники хозяинъ беретъ одного изъ сыновей, болѣе энергичнаго, не всегда старшаго; его зовутъ «большакомъ», а жена его «большуха»—помощница хозяйки. На обязанности хозяйки лежитъ распредѣленіе работъ женщинамъ и стряпня у печи, въ чемъ ей помогаетъ большуха. Снохи и дочери обязаны принести стряпухамъ воды, дровъ, убирать скотину и исполнять другія работы по хозяйству. Лѣтомъ, когда женщины уходятъ на работы въ поле, дома остается только хозяйка и на ея попеченіи малыя дѣти. Хозяинъ распредѣляетъ работы и расходы; въ его рукахъ находятся всѣ деньги, зарабатываемыя семьею, и въ расходованіи ихъ никто не имѣетъ права требовать у него отчета. На старость онъ прикапливаетъ

себѣ казну, скрывая ее обыкновенно отъ семьи и зарывая деньги въ подпольѣ въ землю. Если онъ не распредѣлилъ при жизни своихъ сбереженій, то послѣ его смерти наслѣдники начинаютъ разыскивать казну, которая иногда безслѣдно пропадаетъ. Названіе клада облекаетъ таинственностью искомое наслѣдство, и случалось, что въ этихъ поискахъ на наслѣдниковъ нападалъ такой суевѣрный страхъ, вызывавшій въ ихъ воображеніи живые фантастическіе образы, что они бросали всѣ розыски. Такимъ образомъ, создались нѣкоторые разсказы о злыхъ духахъ и привидѣніяхъ, охраняющихъ клады и мѣшающихъ брать ихъ. Бываетъ, что кто-нибудь изъ семьи выкрадетъ казну ранѣе, и потому всѣ розыски наслѣдниковъ остаются безъ успѣха.

За исключеніемъ хозяина, всѣ члены семьи не имѣютъ личной собственности; какъ трудъ ихъ, такъ и заработанныя деньги всецѣло принадлежатъ семьѣ. Утаить изъ получки или купить подарокъ женѣ считается зазорнымъ, какъ-бы воровствомъ изъ общаго капитала, и вызываетъ ссоры. Получки распредѣляются хозяиномъ на нужды домочадцевъ, на сѣвъ, аренду, покупку скотины, посуды и др. вещей для хозяйства. Верхняя одежда: тулупы, армяки, зипуны, валенки идутъ изъ семьи для всѣхъ ея членовъ, а также расходы по свадьбамъ, похоронамъ, крестинамъ, пріемъ и угощеніе родственниковъ и знакомыхъ. Снохѣ, вступающей въ семью, разрѣшается имѣть свою «сóбенну», т. е. отдѣльное имущество, состоящее изъ скотины, 2—3 овецъ, или телки, которыхъ она послѣ свадьбы получаетъ въ подарокъ отъ своихъ родныхъ, или отъ свекра и свекрови. Эта «собенна» и деньги, собранныя ею на свадьбѣ, составляютъ ея оборотный капиталъ; изъ него она должна одѣвать не только себя, но и мужа и дѣтей. Трудъ женщины все время года принадлежитъ семьѣ, за исключеніемъ праздничныхъ дней, въ которые она имѣетъ право поденщиной заработать деньги на свою собенну.

Большія семьи держатся обыкновенно до смерти отца; послѣ его смерти мать уходитъ къ одному изъ сыновей, который и получаетъ на ея долю нѣсколько бóльшую часть наслѣдства. Дѣлятся по жребію; кому выйдетъ домъ, тотъ получаетъ меньшую долю въ скотинѣ и деньгахъ. Матери даютъ право выбрать себѣ, что она пожелаетъ: изъ скотины и изъ имущества. По смерти матери, собственность ея, состоящая изъ коробьи (сундука), хол-

стовъ и различной женской одежды, переходитъ къ дочерямъ. Въ семьяхъ, гдѣ еще держится уваженіе къ старшимъ, послѣдняя воля имѣетъ большое значеніе; если умирающій отецъ объявилъ семьѣ свое распоряженіе, стыдомъ считается не исполнить его, а также обидѣть мать при раздѣлѣ.

Насколько въ однихъ семьяхъ держится уваженіе къ родителямъ, настолько въ другихъ на нихъ смотрятъ, какъ на обузу, въ особенности, если годы сдѣлали стариковъ неспособными къ работѣ и безсильными держать семью въ страхѣ и повиновеніи. Въ бѣдныхъ семьяхъ чаще встрѣчается плохое отношеніе къ родителямъ, особенно къ матери. Выдѣлы изъ семьи одного изъ сыновей происходятъ и при жизни отца, также и полные раздѣлы, при чемъ отецъ выбираетъ, кому остаться съ нимъ въ домѣ, и это считается для избраннаго честью. Солдаты, возвратившись со службы, рѣдко остаются въ семьѣ. Очень часто причиною раздѣловъ служатъ женскія ссоры и неурядицы. На случай раздѣла, богатыя семьи заранѣе строятъ лишнія избы. При постройкѣ закидываютъ подъ матицу или въ передній уголъ шерсть (для разводки скотины) и деньги (для богатства). Переходъ въ новый домъ сопровождается обычаями и повѣріями. Домовой считается охранителемъ благосостоянія и покровителемъ скотины; является онъ въ видѣ черняго звѣрка, похожаго на кошку, потому принято въ каждомъ домѣ имѣть кошку для домового; при переходѣ на новое мѣсто въ обычаѣ «зазывать домового». Послѣ общей молитвы и родительскаго благословенія, хозяйка начинаетъ выть (плакать) и причитаетъ уходящему сыну: «милое мое дитятко, не къ празднику я тебя снаряжаю, а на вѣчное житье». А сноха беретъ въ руки кошку и выходитъ съ нею во дворъ зазывать домового и громко кличетъ 3 раза: «милый дѣдушка, родимый, айда съ нами на вѣковѣчную!» Наканунѣ свекровь и сноха затѣваютъ по квашнѣ. Послѣ благословенія берутъ образъ, кочета (пѣтуха), кошку, обѣ квашни *) и идутъ въ новый домъ. Квашню, затѣянную снохою, свекровь уноситъ къ себѣ домой, а свою оставляетъ на новосельи. (Примѣта, чтобы хлѣбородъ былъ въ обѣихъ семьяхъ).

Характерныхъ фамилій не встрѣчается: Макаровы, Панины, Киселевы, Горлановы, Тяжовы. Существуютъ фимиліи изъ про-

*) Подъ квашнею подразумѣвается самое тѣсто.

звищъ, напр. Кривоноговъ, или самыя прозвища; такъ семью Новичковыхъ зовутъ Улитиными, по матерѣ Улитѣ, отличавшейся своей энергіей и дѣловитостью. Паниныхъ зовутъ Павловыми по имени дѣда, всѣми уважаемаго въ селѣ; подобныя прозвища связаны также иногда съ памятью о людяхъ особенно порочныхъ. Зять, вступившій въ семью, если вдобавокъ онъ пришлый изъ другой мѣстности, прозывается по фамиліи тестя.

Однообразная трудовая жизнь крестьянина скрашивается празднествами, среди которыхъ главное мѣсто занимаютъ свадьбы; большинство ихъ совершается послѣ Покрова, по окончаніи работъ и уборки хлѣба; вѣнчаніе происходитъ по опредѣленнымъ днямъ: по воскресеньямъ или понедѣльникамъ. Свадьбы въ богатыхъ семьяхъ обставляются наибольшей обрядностью; предшествуетъ вѣнчанію цѣлая недѣля вечеринокъ, «вечорокъ» для парней и дѣвушекъ, подругъ невѣсты. Послѣ вѣнчанія вся родня гуляетъ и пируетъ нѣсколько дней.

Дѣвушки выходятъ замужъ между 16 и 22 годами. Случается, что и 25-лѣтнюю просватываютъ, но не иначе, какъ за вдовца. Парень женится не ранѣе 18 лѣтъ, или солдатомъ, по возвращеніи со службы. Родители дѣвушки и парня сговариваются повѣнчать своихъ дѣтей иногда за 2—3 года до свадьбы. Если дѣвушка воспротивится выбору родителей, то ее принуждать не станутъ, чтобы въ будущемъ не винила она родителей въ своей горькой долѣ. Такіе случаи рѣдки, такъ какъ дѣвушекъ просватываютъ очень молодыми и онѣ подчиняются волѣ родительской. Тайныхъ свадебъ и увоза невѣсты не бываетъ, но случается, что, получивъ согласіе матери, вѣнчаются тайно отъ отца невѣсты. Причиною такихъ свадебъ служитъ влеченіе молодыхъ людей другъ къ другу, а препятствіемъ личная вражда между родителями жениха и невѣсты, или разница въ матеріальномъ положеніи; въ случаѣ примиренія съ обманутымъ отцомъ, наступаютъ гулянья и пирушки. Не принято, чтобы женихъ приходилъ въ домъ къ невѣстѣ, даже въ тѣ праздники, когда его родители угощаются у ея отца; только за недѣлю до свадьбы онъ со своими товарищами является на вечорки. Сближеніе молодыхъ людей происходитъ отъ частыхъ встрѣчъ на гулянкахъ на улицѣ; положеніе нареченныхъ даетъ имъ право гулять вмѣстѣ, а такъ какъ просватываютъ за 2—3 года, то подобное сближеніе молодыхъ людей очень плохо отзывается на

нравственности. Случается, что свадьбы расходятся, а дѣвушка несетъ на себѣ всю тяжесть послѣдствій излишняго сближенія и осужденіе, въ то время какъ парень ничего не теряетъ во мнѣніи окружающихъ. Такую дѣвушку выдаютъ въ другую деревню или село, въ болѣе бѣдную семью, или за вдовца. Если парень изъ чужой деревни позволитъ себѣ излишнее ухаживанье за дѣвушкой, то молодежь вступается за свою односельчанку и расправляется съ нимъ, иногда очень жестоко.

Для сватовства установлена условная форма, и такъ какъ оно почти всегда предвидѣно, то, когда являются родители жениха въ домъ невѣсты, все уже приготовлено къ ихъ пріему. Сваты садятся подъ матицей и начинаютъ разговоръ въ аллегорической формѣ, напр.: «У васъ бѣлъ ленокъ, а у насъ ковылокъ: хорошо бы ихъ соединить!» Или: «У васъ товаръ, а у насъ купецъ: не продадите-ли?» Если сватаютъ за годъ и болѣе, то отвѣчаютъ, что товаръ еще не доспѣлъ до дѣла, можно и повременить. Затѣмъ идутъ въ чуланъ *), гдѣ сидитъ невѣста, спросить ея согласія. Когда сватаютъ неподходящаго, неожиданнаго жениха, то прямо не отказываютъ, что равносильно обидѣ, а отговариваются молодостью невѣсты и нежеланіемъ выдавать ее въ этотъ годъ. Въ случаѣ взаимнаго соглашенія рядятся въ кладкѣ. Кладкою называются расходы жениха по свадьбѣ, угощенію и подарки невѣстѣ. Состоитъ кладка изъ слѣд.: водки 2—3 ведра и болѣе; иногда выпиваютъ на 70—80 руб.; баранины 2—3 пуда; невѣстѣ башмаки и валенки. Если родители невѣсты небогатые, то выговариваютъ на пиво 2—3 пуда муки и 1 пудъ солоду, а невѣстѣ шубу.

Свадьба состоитъ изъ трехъ періодовъ: 1) *запой*, на которомъ происходитъ рукобитіе; онъ назначается черезъ нѣсколько дней послѣ сватовства; 2) *оповѣщеніе* за недѣлю до вѣнчанія, и 3) *обрученіе*, собственно самое вѣнчаніе, такъ какъ предварительное обрученіе и обмѣнъ кольцами не въ обычаѣ.

Смотрятъ крестьяне на женщину, какъ на рабочія руки; сильная, здоровая дѣвушка, хорошая работница, выходя замужъ, будетъ пользоваться въ новой семьѣ лучшимъ положеніемъ, чѣмъ другая сноха, непроворная или болѣзненная. Этимъ взглядомъ

---

*) Чуланъ—крошечная комнатка, отгороженная отъ горницы.

на женщину обусловливается и самый обычай пропиванія невѣсты и угощенія ея родни со стороны жениха. Отсюда названіе запоемъ того дня, въ который объявляютъ свадьбу, и поговорка: отецъ жениха говоритъ отцу невѣсты: «я тебя пою до вѣнца, а ты меня до конца», т. е. до конца жизни. До вѣнчанія роднѣ жениха приходится искать расположенія родныхъ невѣсты, но разъ она вступила уже въ новую семью, ея родители, чтобы жилось ей лучше, постараются ладить со свекромъ и свекровью. За богатаго жениха дѣвушка не стремится выходить, такъ какъ въ богатыхъ семьяхъ хозяйство большое, замучатъ на работѣ, и молодухи первое время не выдерживаютъ и заболѣваютъ отъ непосильнаго труда. «У свекра деньги на крестѣ, а у снохи грязь на хвостѣ», говоритъ пословица. Предпочитаютъ выходить въ небольшую семью, чтобы снохъ было немного, меньше ссоръ и сплетенъ, а главное были бы добрые, справедливые люди.

Дѣвушка съ 12 лѣтъ сама начинаетъ заготовлять себѣ приданое. Она копитъ деньги, какъ подаренныя, такъ и заработанныя (по воскресеньямъ она имѣетъ право работать на себя и идетъ на поденщину къ сосѣду-помѣщику); на нихъ она покупаетъ ситцы, вяжетъ варежки, чулки, шарфы себѣ и будущему суженому. Мать съ своей стороны копитъ для дочерей холсты и всякую одежду.

Въ приданое даютъ *коробью* (сундукъ), или коробку съ холстами, бѣлыми и цвѣтными. Бѣлыхъ холстовъ даютъ по 10 кусковъ, въ кускѣ 22 арш., цвѣтныхъ или пестрядины по 5 кусковъ; изъ цвѣтного холста невѣста шьетъ для жениха шаровары и рубахи по 6 штукъ. Затѣмъ въ коробью идутъ полотенца, сарафаны и др. женская одежда.

Постель, т. е. подушки и дерюгу, вмѣсто одѣяла, тоже приноситъ невѣста, а войлокъ, на подстилку, идетъ отъ жениха. Кромѣ того, молодая должна имѣть для своего хозяйства хребтугъ (торба), пологъ для перевозки зерна, мѣшокъ для муки (для этихъ вещей вырабатывается изъ оческовъ льна и конопли очень грубая, толстая и прочная ткань), затѣмъ полотенце и столешникъ (скатерть). Если вещи не укладываются въ коробью, то мать невѣсты отдаетъ ихъ свекрови, когда приходитъ на горной столъ, т. е. на угощеніе въ домѣ молодыхъ послѣ вѣнца. Въ прежніе годы женихъ дарилъ невѣстѣ подвѣнечный нарядъ, который присылалъ съ подружьемъ наканунѣ свадьбы. Въ настоящее время поддружье

спрашиваетъ: «Коли что нужно для невѣсты — спрашивайте, не нужно—отказывайте»; обыкновенно отказываютъ.

Запой обставляется слѣдующимъ образомъ. Въ назначенный день родители жениха созываютъ всѣхъ своихъ родныхъ, въ сопровожденiи которыхъ ведутъ жениха въ домъ невѣсты и несутъ съ собою водку на угощенiе невѣстиной родни. Крестный отецъ и крестная мать занимаютъ на свадьбахъ почетное мѣсто, они-же посаженные, а крестная мать зовется свахою. На запой женихова сваха несетъ невѣстѣ сладкiй пирогъ съ изюмомъ, а подругамъ невѣсты «курникъ*)» и «закуску», т. е. лакомства, орѣхи, пряники и конфекты; все это сваха отдаетъ дѣвушкамъ, какъ только придетъ въ домъ невѣсты. Изъ парней женихъ выбираетъ себѣ товарища, знакомаго или родственника. Товарищъ сопровождаетъ жениха на запой и другiя свадебныя празднества и имѣетъ исключительное право свободно обращаться съ подругами невѣсты, цѣловать ихъ и шутить съ ними.

У невѣсты на запой собираются всѣ ея родные и въ ожиданiи жениха разсаживаются по лавкамъ въ переднемъ углу. Невѣста съ подругами сидитъ въ чуланѣ. Когда является женихъ со своими родными, его впускаютъ въ домъ послѣ нѣкотораго сопротивленiя. — «Ожидали-ли такихъ бунтовщиковъ?», спрашиваетъ отецъ жениха. — «Можемъ ихъ назадъ проводить», отвѣчаютъ родные невѣсты. Затѣмъ всѣ входятъ въ избу и останавливаются въ ожиданiи рукобитiя, къ которому тотчасъ-же приступаютъ. На столѣ уже приготовленъ круглый пшеничный хлѣбъ (пирогъ); всѣ присутствующiе молятся Богу; отецъ жениха кладетъ на хлѣбъ правую руку ладонью вверхъ, мать покрываетъ ее своею рукою ладонью внизъ; родственница невѣсты, сноха или другая молодая женщина, покрываетъ ихъ руки концомъ полотенца. Выше складываютъ крестные жениха свои руки; ихъ покрываютъ тѣмъ же полотенцемъ, перегибая его. За ними еще выше складываютъ руки родители и крестные невѣсты; руки ихъ перекладываютъ тѣмъ-же полотенцемъ. Тогда отецъ невѣсты, призывая въ свидѣтели всѣхъ присутствующихъ родныхъ, объявляетъ имъ, въ какой кладкѣ уговорились съ женихомъ, и прибавляетъ, что, въ случаѣ отказа отъ брака, несо-

---

*) Курникъ—пирогъ съ говядиной, иногда съ кашей и яицами, а также съ курицей.

гласная сторона обязуется уплатить неустойку въ 25 руб. Та-же родственница раскрываетъ руки и снимаетъ полотенце. Во время рукобитія невѣста вопитъ въ чуланѣ, причитая:

«Не клади, родимый батюшка, свои бѣлы рученьки,
Не запоручивай мою буйную головушку
За поруки, за великія,
За думушки, за крѣпкія,
За слова, за вѣрныя!
Не далъ ты мнѣ, батюшка,
На рѣзвы ноженьки поднятися,
Съ подруженьками сравнятися»!

Послѣ рукобитія жениха сажаютъ подъ образа между его крестными, а рядомъ съ нимъ товарища. Подлѣ свахи садится мать, подлѣ крестнаго отецъ жениха и далѣе вся родня жениха по старшинству. Отецъ жениха начинаетъ угощать своимъ виномъ родныхъ невѣсты; прежде всѣхъ онъ подноситъ отцу невѣсты два стакана водки, которыми они обмѣниваются три раза и выпиваютъ. Невѣста вопитъ въ это время слѣдующее:

«Пей-ка, родимый батюшка, пей!
Меня не пропей.
Пропей, батюшка, ворона коня.
Ты его пропьешь,—
Назадъ выкупишь,
А меня пропьешь,—
Ты не выкупишь.

Или:

Ужъ ты, батюшка, пей,
Да меня не пропей!
Пропей, батюшка,
Свой широкій дворъ.
Ты его пропьешь,—
Назадъ выкупишь,
А меня пропьешь,—
Ты не выкупишь.

Когда сватъ подноситъ вино матери, невѣста причитаетъ:

«Ужъ ты, матушка, пей,
Да меня не пропей!
Пропей, матушка,
Коробью съ добромъ,
Ее пропьешь,—
Назадъ выкупишь,
А меня пропьешь,—
Ты не выкупишь.

Тѣ же причитанія она повторяетъ, когда сватъ угощаетъ ея крестныхъ отца и мать. Затѣмъ дѣвушки хоромъ поютъ пѣсню.

«Нащиплю я себѣ хмѣлю ярового;
Наварю я себѣ пива молодого.
Призову я къ себѣ батюшку родного:
Охъ ты, батюшка, да ты родимый,
Охъ, ты пей-ка! меня не пропей-ка!
Пропей, батюшка, коня своего вороного,
Да съ сѣделочкою, да съ упряжечкою»!

Изъ чулана выходитъ невѣстина сваха и подаетъ жениху на кругломъ блюдѣ подарокъ отъ невѣсты: шарфъ, перчатки, платокъ. За нею идетъ невѣста и подноситъ жениху двѣ рюмки съ виномъ; они обмѣниваются три раза рюмками, отпиваютъ, цѣлуются, и невѣста уводитъ въ чуланъ жениха и его товарища.

Тогда всѣ родные садятся за столъ обѣдать, а дѣвушки поютъ величанія роднымъ жениха.

Первое величаніе жениху—„Кудри русы:"

Ужъ какъ кудри русы!
По плечамъ кудри лежатъ,
Ровно жаръ горятъ,
Развиться хотятъ,
Жениться велятъ.
Женись, женись, дитятко,
Бери богатаго купца дочь,
Собою личную,
Отъ людей отличную,
Рѣчьми разговорчиву,
Лександру Гавриловну»!

Затѣмъ товарищу жениха:

Розанъ мой, розанъ,
Виноградъ зеленый!
По горницѣ ходитъ,
Манерно ступаетъ,
Сапожки ломаетъ.
Сапожки козловые,
Чулочки шелковые.
Въ зеркало глядится,—
Самъ на себя дивится.
На добра коня садится,—
Подъ нимъ конь-то веселится.
Онъ тросточкой машетъ,—
Подъ нимъ конь-то пляшетъ.
Лугами-то ѣдетъ,—
Луга зеленѣютъ,
Цвѣты расцвѣтаютъ,
Соловушки распѣваютъ.
Его дѣвушки встрѣчаютъ,
За дубовый столъ сажаютъ,
Скатерть бѣлу разстилаютъ,
Стаканъ вина наливаютъ,
На подносѣ поднашаютъ.

Отцу жениха поютъ:

Не шелкова ниточка къ стѣнкѣ льнетъ:
Авдотья Петра къ сердцу жметъ.
«Это правда твоя, вся истинная.
Подвинься, Авдотьюшка, поближе ко мнѣ!
Ты будешь помилѣе мнѣ.
Скажи-ка, Авдотьюшка, кто милъ тебѣ?»
—«Мнѣ милъ милёшенекъ ты, ясной соко́лъ!»—
«Это, Петровна, правда твоя вся, истинная».

Матери жениха поютъ «Щепетиху»

«Ужъ ты, Авдотьюшка, щепетиха!
Ты, Петровна, щеголиха!
Она пишетъ, къ обѣднѣ не ходитъ;
Все бы ей на лошадкѣ, баетъ.
Подъ ней ко́ни вороные,
Что извощички молодые,
Не женатые, холостые».

Крестному отцу жениха:

«Какъ у чарыньки у серебряной золотой вѣнокъ!
У Григорія у Митрича дорогой умъ-разумъ!

Гдѣ ни ходитъ, ни гуляетъ,
Спать домой приходитъ:
Брячитъ за колечко,
Брячитъ за золотое.
«Выйди, выйди, Дарьюшка (имя его жены),
Выйди меня встрѣтить»!
«Нейду, нейду, не встрѣчаю,
Сына я качаю,
Легко отвѣчаю,
Перемѣны себѣ чаю!

Свахѣ или крестной матери жениха:

Хвалилась сваханька житьемъ-бытьемъ, богачествомъ.
«У меня много житья-бытья:
Шесты ломятся шелковыхъ платьевъ».
Она пишетъ, къ обѣднѣ не ходитъ;
Все бы ей да на лошадкахъ, баетъ,
Подъ ней кони вороные,
Извощички молодые,
Не женаты, холостые.

Дѣдушкѣ или старшему родственнику:

Ходитъ Митрій по двору,
Гуляетъ Павловичъ по широкому.
А люди то молвятъ: чей то такой?
Аксиньюшка молвитъ: «а это—мой ясной соколъ»!
А это, Аксиньюшка, правда твоя, правда истинная.

Всѣхъ родныхъ жениха величаютъ по старшинству. Родныхъ невѣсты на запоѣ не величаютъ.

Величаніе жениху:

Бѣлому румяному,
Русому кудрявому,
Михаилу Дмитріевичу,—и его невѣстѣ:
Лежала тесина черезъ сине море,
Лежала тесина.
По этой тесинушкѣ свѣтъ Михайло переходилъ.
Лександрушку переводилъ.
Вотъ луга, луга, луга—
Парень дѣвушкѣ слуга!
Вотъ зеленые луга—
Парень дѣвушкѣ слуга!
Платочекъ батистовый,
Михайло написаный.
А другой атласный,
Дмитричъ прекрасный.
А третій зеленый,
Михайло веселый.
Въ косѣ лента алая,
Лександрушка бравая.
Другая атласная,
Григорьевна прекрасная.
Третья зеленая,
Лександрушка веселая.

Брату жениха женатому и его женѣ:

Какъ по сѣничкамъ тутъ ходила, погуливала
Молода жена, боярыня,
Варвара, свѣтъ Ивановна.
Она ходила, похаживала,
Она будила, побуживала,
Своего ли друга милаго,
Свѣта Петра Иваныча.

Послѣ всякой пѣсенки одна изъ дѣвушекъ подходитъ къ тому лицу, которое величали и проситъ «на пѣсенку»; даютъ 2—3 коп. на угощеніе дѣвушкамъ.

Обѣдъ на свадебныхъ и др. пиршествахъ состоитъ изъ слѣдующихъ блюдъ: 1) похлебка съ картофелемъ и мясомъ (говядиной или бараниной), съ клецками изъ яицъ и муки, 2) лапша, 3) жареная свѣжинà (часть говядины или баранины), 4) иногда жареный поросенокъ, 5) сальникъ—каша гречневая съ саломъ, топленая въ плошкахъ, 6) пшенникъ — каша изъ пшена съ яицами, топленая въ плошкахъ, 7) лепешникъ — лепешки или блины изъ гречневой муки, перемазанныя масломъ, 8) курникъ—пирогъ изъ пшеничной муки съ говядиной или курицей, 9) пышечникъ—круглый пирогъ, состоящій изъ маленькихъ пышекъ, испеченныхъ изъ пшеничной или гречневой муки, 10) сладкіе пирожки или пирогъ съ изюмомъ; крышка пирога сдѣлана рѣшеткою, въ отличіе отъ пирога, подаваемаго на похоронахъ, который закрываютъ сверху сплошнымъ блиномъ. Кончается обѣдъ свѣжиною, которую подаютъ вторично.

Какъ ежедневно за обѣдомъ, такъ и на пирахъ ѣдятъ всѣ вмѣстѣ, не соблюдая старшинства при раздѣленіи пищи. Только право рѣзать свѣжину принадлежитъ хозяину дома. Въ ожиданіи гостей хозяйка развѣшиваетъ по стѣнамъ утиральники (полотенца), которые служатъ вмѣсто салфетокъ. Хлѣбъ пшеничный зовется пирогомъ, а ржаной—караваемъ. Изготовленіе нѣкоторыхъ кушаній различно въ сосѣднихъ селахъ, что дало поводъ къ прозвищамъ. Такъ напр. въ Липовкѣ пекутъ курники съ говядиной и курами, а въ Дмитровкѣ съ кашей и съ яицами; потому Липовцы въ насмѣшку прозвали Дмитровцевъ „кашниками“, жителей деревни Садковъ прозываютъ „кужéньками“, такъ какъ они часто пекутъ ватрушки. Ватрушка—кужéнька.

Послѣ обѣда родные жениха идутъ въ чуланъ прощаться съ невѣстой и дарятъ ее, родители по 1 р. и меньше, а остальные родные, кто сколько можетъ—и по 5 коп. Женихъ и товарищъ его запрягаютъ лошадей и везутъ подругъ невѣсты кататься по селу. Невѣста остается дома. Возвратившись съ прогулки, молодежь пляшетъ, поетъ пѣсни и угощается лакомствами, принесенными свахой. Родные жениха уводятъ съ собою родныхъ невѣсты „на колышки смотрѣть“, т. е. на жениховъ домъ, гдѣ ихъ ждетъ угощеніе.

За недѣлю до свадьбы происходитъ *оповѣщеніе*. Сватья сговорятся, когда прислать бабъ, и въ назначенный день 4—5 женщинъ изъ жениховой родни идутъ къ невѣстѣ „съ повѣстью, съ гостинцемъ" (дѣвушки съ повѣстью не ходятъ). Гостинецъ состоитъ изъ печатки душистаго мыла, серегъ, борка (борокъ—бусы), ситца на кофту и курника; несетъ его сестра или сноха. Женщинъ ждетъ у невѣсты угощеніе, а дѣвушки поютъ имъ пѣсни и величаніе. Кладку отвозитъ отецъ жениха самъ наканунѣ оповѣщенія, а въ нѣкоторыхъ деревняхъ ее везетъ одинъ изъ родственниковъ, когда бабы идутъ съ повѣстью. Съ этого дня и до обрученія цѣлую недѣлю невѣста не имѣетъ права выходить изъ дому.

Къ ней сходятся подруги, дѣвушекъ 10, гостятъ у нея всю недѣлю, помогая дошивать приданое; вмѣстѣ съ невѣстою онѣ „плачутъ по косѣ».

Плачъ по косѣ состоитъ изъ различныхъ причитаній, въ которыхъ описывается свободная, беззаботная жизнь дѣвушки и предвидится тяжелая замужняя доля. Невѣста вопитъ, обращаясь къ подругѣ:

«Ты поди-ка-ся, мила́ подруженька,
Ко моей, ко свадьбѣ горькой!
Не прогнѣвайся на меня, мала̀ подруженька,
Что не вышла я, тебя не встрѣтила
Среди пути дороженьки!
Я встрѣтила тебя только
Среди новой своей горенки;
И словами-то я тебя не ласковыми,
Своими горючими слезами!
Знать, не долго мнѣ съ вами, подруженьки,
Сидѣть въ красныхъ дѣвушкахъ!
Распослѣдніе деньки счетные,
Распослѣдніе часы минуточки!
Отойдетъ-то, знать, мнѣ, подруженьки,
Воля батюшкина, и нѣга-то матушкина».

Другое причитаніе.

«Милы мои подруженьки,
Оттуляла-то я но широкой по улицѣ,
Отпѣла-то я съ вами развеселы пѣсенки;
Отойдутъ-то съ вами всѣ гульбы, забавушки,
Всѣ дѣвичьи прохладушки»!

Подруги поютъ пѣсню, въ которой разсказывается, какъ сваха послѣ вѣнца будетъ убирать голову новобрачной:

«Вечоръ мою косыньку въ банѣ парили;
А по утру-то мою косыньку подруги плели;
А къ полднямъ-то мою косыньку сваха расплела,
Раздѣлила мою косыньку на шесть доль,

Заплела же косыньку на двѣ косы,
Положила косыньку поверхъ головы,
Покрыла-же косыньку красныимъ кумачемъ».

На это невѣста отвѣчаетъ:

«Не пойте, милы подруженьки,
Мнѣ веселу пѣсенку!
Безъ веселой пѣсенки
Мнѣ растошнехонько».

По вечерамъ приходитъ женихъ съ товарищами и приноситъ невѣстѣ гостинецъ, орѣхи, пряники, конфекты, а дѣвушкамъ подсолнухи. Невѣста сидитъ съ нимъ въ чуланѣ, тогда какъ ея подруги играютъ и танцуютъ съ парнями. Такіе вечорки устраиваются въ теченіе всей недѣли и составляютъ самое большое удовольствіе для молодежи. Кромѣ свадебныхъ вечерокъ не существуетъ въ домахъ общихъ собраній для парней и дѣвушекъ. Изъ плясовыхъ пѣсенъ для молодежи приняты только двѣ, Чижикъ и Лебеда. Чижика танцуютъ парень и противъ него одна или двѣ дѣвушки. Хоръ окружаетъ танцующихъ и поетъ:

Чижикъ, чижикъ, чижикъ,
Маленькій воробушекъ!
Не я тебя вспоила,
Не я тебя вскормила,
На ножки поставила,
Танцевать заставила.
У чижика на рукѣ
Спиты дѣвица и красавица,
Видитъ чижика во снѣ,
Улыбается.

Лебеду танцуютъ съ фигурами попарно парень съ дѣвушкой, взявшись за руки, въ 4 пары и болѣе. Хоръ поетъ:

Я посѣю лебеду на берегу,
Свою крупную разсадушку.
Погорѣла лебеда безъ дождя.
Скакала я, плясала по лугамъ,
По зеленыимъ дубравушкамъ,
Со донскимъ, со молодымъ казакомъ,
Со удалымъ, добрымъ молодцомъ.
Пошлю я казака по воду.—
Ни воды нѣтъ, ни казаченьки.

Пѣніе и пляска сопровождаются игрою на дудкахъ, издающихъ тонкій однообразный звукъ. Дудка состоитъ изъ двухъ тоненькихъ трубочекъ съ отверстіями по бокамъ, вставленныхъ на равной высотѣ въ коровій рожокъ.

Игра въ сосѣди—единственная. Выбираютъ старосту, который спрашиваетъ у играющихъ, доволенъ-ли сосѣдомъ; недовольные смѣняются мѣстами.

Въ нѣкоторыхъ семьяхъ всю недѣлю передъ вѣнчаніемъ женихъ и невѣста читаютъ молитву. „Живый въ помощи“ для счастливой супружеской жизни.

Наканунѣ свадьбы по-утру дѣвушки топятъ баню для невѣсты и приговариваютъ:

«Топись-ка, нова банюшка,
Калитесь мелки камешки,
Варитесь мылки щелочки,
Про душу ли, про Марьюшку»!

Затѣмъ покрываютъ невѣсту фатой и ведутъ въ баню. По возвращеніи невѣста благодаритъ за баню родителей, братьевъ, снохъ и всѣхъ домочадцевъ, кланяясь имъ въ ноги и приговаривая: „Благодарю тебя, родимый батюшка, на парной на банюшкѣ; а тебя, родима матушка, на шелковомъ на вѣничкѣ“.

Одна изъ подругъ или сестра принимаются за расчесываніе волосъ, а невѣста со слезами причитаетъ:

Подойди-ка ко мнѣ, мила се́стрица,
Ко моей ко буйной головушкѣ!
Ты бери-ка-ся во праву во рученьку
Мелко частый гребешокъ!
Чеши-ка ты мнѣ буйну головушку гладехонько,
Плетика-ка русу косыньку частехонько.
Посередь косы плети-ка мелёхонько,
Вплетай шелкову косоплеточку;
На конецъ-то моей косыньки
Вяжи узлы частые;
Въ шелкову то косоплеточку
Подвяжи мои алы ленточки,
Розовыя, разбукетовыя;
На буйну головушку
Подвяжи мою поднизочку»!

Сестра отвѣчаетъ:

Плела я тебѣ, ми́ла се́стрица, русу косыньку,
Плела ее размелёхонько;
Посередь твоей косыньки вплетала расшелкову косоплеточку,
На концѣ-то косыньки вязала узлы частые;
Въ шелкову косоплеточку вязала алы ленточки;
На буйну то головушку разбисерну поднизочку.

Обѣ плачутъ. Причесавъ невѣсту, дѣвушки принаряжаются и идутъ за пивомъ и за мыломъ; съ ними идутъ женщины, родственницы, всего 15 человѣкъ. Родные жениха ожидаютъ посланныхъ отъ невѣсты, но жениха прячутъ. Сестра невѣсты говоритъ: „Вотъ возьмите ведерко, невѣста угорѣла, вашего пивца захотѣла“. Ей отвѣчаютъ, что это дѣло жениха, а его нѣтъ дома. Сестра невѣсты кличетъ его три раза по имени—и женихъ выходитъ наливать пиво. Дѣвушки поютъ ему величаніе „кудри русы“. Затѣмъ просятъ у жениха палочку нести ведро и за палочку поютъ ему пѣсенку. Женщины въ сопровожденіи поддружья несутъ невѣстѣ ведро съ пивомъ, мыло и курникъ.

Женихъ запрягаетъ лошадей и везетъ дѣвушекъ кататься, подъѣхавъ къ невѣстиному окну, онъ цѣлуетъ всѣхъ дѣвушекъ. Принесенное поддружьемъ ведро съ пивомъ дѣвушки покрываютъ платкомъ, который невѣста даритъ поддружью, и приговариваютъ: „У нашего платочка четыре уголочка, пятая середочка." Поддружье его выкупаетъ, даря дѣвушкамъ деньги.

Вечеромъ къ невѣстѣ сходятся всѣ родные, и если свадьба небогатая, то приносятъ съ собою угощеніе (говядину, хлѣбъ, масло, яйца). Крестная несетъ «на косу» невѣстѣ въ подарокъ рукава *), крестный отецъ образъ и хлѣбъ, которыми они будутъ благословлять невѣсту. „На косу" даритъ деньги; при прощаньѣ всѣ дарятъ „на косу" невѣстѣ. Это собраніе называется главнымъ вечеромъ и устраивается только въ томъ случаѣ, если родные невѣсты передъ вѣнчаніемъ не дѣлаютъ обѣда и угощенія.

Наканунѣ свадьбы къ жениху сходятся всѣ родные на „собраніе", на которомъ происходитъ выборъ дружки. Въ дружки выбираютъ старшаго изъ родныхъ; его обязанность быть полнымъ распорядителемъ на всѣхъ свадебныхъ пиршествахъ; въ знакъ его полномочій ему даютъ кнутикъ, для расправы съ бунтовщиками. Все время, пока онъ состоитъ при своей почетной должности, называется «дружкиной большиной». При выборѣ дружки къ нему подходитъ отецъ жениха, угощая его виномъ, а женихъ кланяется ему въ ноги, говоря: «Послужи съ конемъ, съ сѣдломъ, съ молодецкой управой въ дружки». Эти слова служатъ отголоскомъ стариннаго обычая увоза невѣсты. Дружка заставляетъ себя просить три раза, наконецъ, соглашается и съ тѣми-же словами проситъ себѣ въ помощники поддружья.

Крестному, онъ же и посаженый отецъ, оказывается особый почетъ: его выбираютъ въ тысяцкіе. Во времена крѣпостного права должность тысяцкаго была самой почетной для крестьянина, и въ свадебныхъ обрядахъ сохранили это названіе для самаго почетнаго гостя. Послѣ тысяцкаго выбираютъ подсвашника беречь сваху, и четырехъ кучеровъ въ правильщики. Дальніе родственники везутъ за поѣздомъ жениха лагунъ съ пивомъ и называются

*) Женская рубашка дѣлается изъ 2 матерій; станъ изъ синей пестрядины, а верхняя часть, незакрывающаяся сарафаномъ, и рукава—изъ ситца; она то и называется рукавами.

лагунниками. За выборами слѣдуетъ обѣдъ. За столомъ женихъ сидитъ рядомъ съ крестнымъ, подъ образами. Дружка садится съ краю и кличетъ кличъ, который онъ повторяетъ на всѣхъ свадебныхъ пиршествахъ:

Есть ли у нашего князя нареченнаго,
У его отца и матери,
Поваръ батюшка, поварушка матушка?
Шевелись, не лѣнись, поворачивайся,
Что есть въ печи, все на сýдну лавочку мечи!*)

Передъ перемѣной кушанья, дружка, повторяя кличъ, заканчиваетъ его:

Блюдечко наливай, другимъ накрывай,
Намъ на столъ подавай!
Гости сидятъ, поѣсть хотятъ,
Гости сидятъ, перемѣны хотятъ.

Затѣмъ:

Есть ли у нашего князя нареченнаго,
У его отца и матери,
Гвоздари, бочкари, скорые поспѣшники?
Давайте пива двойнаго,
Нѣтъ двойнаго—простаго,
Нѣтъ простаго—безъ простаго!
Повсюду дожди, и здѣсь не канетъ.

По окончаніи обѣда гости благодарятъ хозяевъ, говоря: „мы вашей ѣдѣ кланяемся".

На слѣдующій день наступаетъ *обрученіе*.

Къ вѣнцу жениха собираетъ сваха, одѣваетъ его; отъ порчи, отъ глаза насыпаетъ ему въ карманы и въ сапоги пшена, а въ одежду втыкаетъ иголки и булавки. У жениха собираются всѣ поѣзжане. Передъ благословеніемъ дружка выходитъ во дворъ и кличетъ: „Гости званы, гости браны, господа поѣзжане, прошу покорно изъ двора, да въ хату!"

„Заводится поѣздъ", т. е. приготовляются къ выѣзду, садятся за столъ закусить. Затѣмъ дружка зоветъ „благословлять на мѣсто":

Есть ли у нашего князя нареченнаго
Родимый батюшка, родимая матушка?
Умѣли свою дитятку вспоить, вскормить,
Умѣйте и благословить!

*) Судна лавочка—полочка подлѣ печи.

Благословляютъ жениха отецъ и мать; дружка кличетъ также крестныхъ, и они благославляютъ оба однимъ образомъ. Къ невѣстѣ ѣдутъ впереди дружка съ поддружьемъ, за ними женихъ съ крестнымъ, сваха съ подсвашникомъ, а позади лагунники. Невѣсту къ вѣнцу снаряжаютъ сваха и братъ.

Братъ ее обуваетъ и кладетъ деньги въ правый башмакъ, чтобы богато жила. Отъ порчи въ сарафанъ втыкаютъ 3 иглы, подпоясываютъ сверхъ сорочки кускомъ отъ бредня; на гайтанъ (снурокъ, на которомъ виситъ крестъ) привязываютъ написанную воскресную молитву („Да воскреснетъ Богъ"). Сестра или подруга причесываетъ невѣсту и заплетаетъ косу, а невѣста вопитъ:

Подойди-ка, мила сестрица,
Ко моей ко буйной головушкѣ!
Ты бери-ка-ся во праву рученьку
Мелкъ частой гребешокъ!
Чеши-ка ты мнѣ буйну головушку
гладехонько,
Плети-ка русу косыньку частехонько,
Посередь косы плети-ка мелехонько,
Вплетай шелкову косоплеточку,
На конецъ-то моей косыньки
Вплети страсти-ужасти,
Три ножичка разбулатныихъ!

Затѣмъ невѣсту покрываютъ фатой, выводятъ въ горницу и сажаютъ подъ образа рядомъ со свахою. Братъ со скалкою или полѣномъ въ рукѣ садится подлѣ невѣсты. Закрываніе лица невѣсты фатою указываетъ на отголосокъ стариннаго русскаго обычая. На столъ передъ невѣстой подруги ставятъ „крòсту" (сокращеніе слова красота), цвѣтокъ или березку, убранную конфектами и лентами. Пріѣзжаетъ поѣздъ съ женихомъ. Дружко подходитъ къ крыльцу и читаетъ: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ». Сейчасъ же начинаютъ благословлять невѣсту. Дружка подходитъ къ крыльцу, повторяя молитву. Когда кончится благословленіе невѣсты, дружкѣ отвѣчаютъ, «аминь»; на встрѣчу ему выходятъ крестный и отецъ невѣсты, подносятъ дружкѣ стаканъ вина и ведутъ его въ избу выкупать „кросту" и дѣвичью косу, а поѣзжане съ женихомъ ожидаютъ во дворѣ.

Войдя въ избу дружка говоритъ, обращаясь къ подругамъ:

«Шишь ворóна, сокòлъ на мѣсто!» Но подруги окружаютъ невѣсту и требуютъ выкупа дѣвичьей красоты; дружка, выкупая крòсту, даетъ дѣвушкамъ деньги (20—30 коп.), невѣста же вòпитъ: «Не продавайте, милы подруженьки, мою раздѣвичью крòсоту не пущайте моихъ разлушниковъ!» Дѣвушки, получивъ выкупъ, разступаются, убираютъ крòсту. Дружка повторяетъ братьямъ:

«Шишь ворона, соколъ на мѣсто!» Братья замахиваются на него скалкой и говорятъ: «У нашей сестрицы по рублю косица, по копѣйкѣ волосокъ»! Невѣста вопитъ:

Не берите, мои родные братцы, золотую чару,
Она приманчива, да обманчива.
Въ золотой то чарѣ зелено вино,
Зелено вино распропойчиво;
Пропьете вы меня, не выкупите.

Дружка кладетъ въ стаканъ денегъ и наливаетъ водки; братъ, выпивая, требуетъ еще выкупа, наконецъ уступаетъ свое мѣсто (деньги идутъ брату, или невѣстѣ). Тогда дружка приглашаетъ въ избу жениха и поѣзжанъ. Сваха жениха приноситъ лакомства и курникъ, кладетъ ихъ на блюдо на столъ и выкупаетъ такимъ же образомъ косу невѣсты у невѣстиной свахи. Невѣста вопитъ:

Ты почто, распріѣзжая свахонька,
Ко мнѣ близко приближаешься,
Ко моей-то ко русой косынькѣ
Смѣло больно приступаешься?
Плела то мнѣ русу косыньку,
Плела мила сѐстрица;
На конецъ то моей русой косыньки
Вплетала страсти-ужасти,
Три ножичка разбулатныихъ.
Ты обрѣжешь свои бѣлы рученьки,
Замараешь на мнѣ расцвѣтно́ платьё,
Расцвѣтно́ платьё—подвѣнечное.
Ну, куда-жъ теперь, распріѣзжая свахонька,
Стану дѣвать свою дѣвичью кро́соту?
Во чисто́ поле мнѣ ее пустить—замарается,
Во синё-то море пустить — закупается,
Во темный-то лѣсъ пустить —заплутается;
Знать отказать-то ее милой се́стрицѣ!
Натка-ся, мила се́стрица,
Носи ее соблюдаючи,
Меня горьку вспоминаючи!

Сваха жениха расплетаетъ косу, кладетъ ленты на курникъ и отдаетъ блюдо дѣвушкамъ. Ленты переходятъ въ пользу сестры или подругъ невѣсты. Всѣ гости кладутъ деньги невѣстѣ «на косу», затѣмъ садятся за столъ обѣдать; дружка выкликиваетъ кличъ стряпухамъ. Жениха и невѣсту сажаютъ подъ образами между свахами и кладутъ имъ ложки и вилки черенками въ обратную сторону, чтобы показать, что они не имѣютъ права ѣсть.

Послѣ обѣда поѣздъ собирается въ церковь. Впереди ѣдутъ дружка съ поддружьемъ, за ними женихъ съ крестнымъ отцомъ, а невѣста со своею свахой. Къ дугѣ невѣстиной повозки привязываютъ три платка, которые невѣста даритъ своимъ братьямъ—кучерамъ. Изъ родныхъ невѣсты въ церковь ѣдутъ только сваха

и братья. Передъ отъѣздомъ дружка выходитъ во дворъ и кличетъ:

Бояре, господа поѣзжане,
Будьте по мѣстамъ,
Какъ ясны соколы по гнѣздамъ!
Чинъ чина почитать,
Другъ дружку не забывать!
Дружка съ поддружьемъ,
Тысяцкій—большой баринъ,
Сваха съ подсвашникомъ!
Не всѣмъ на имя, а всѣмъ челомъ!

Съ образомъ (благословеніемъ жениха) въ рукахъ онъ обходитъ вокругъ поѣзда, крестится, ударяетъ кнутомъ лошадь и повторяетъ кличъ, такъ до 3 разъ. Затѣмъ дружка подходитъ къ воротамъ, но отворять ихъ не пускаютъ родные невѣсты, требуя выкупа. Выкупивъ ворота и открывъ ихъ, дружка чертитъ кнутомъ крестъ на землѣ среди проѣзда; затѣмъ пропускаетъ повозки, давая всякому поѣзжанину цѣловать икону. Дружка провожаетъ поѣздъ до церкви и снова возвращается въ домъ невѣсты, выкупать приданое, коробью, на которой сидитъ сноха или братъ и требуетъ выкупа. По выкупѣ коробьи дружка уѣзжаетъ въ церковь, а «коробошники», братъ, сестра, зять и сноха невѣсты, везутъ приданое въ домъ жениха, гдѣ ихъ угощаютъ, напаиваютъ до-пьяна и отправляютъ домой, когда прибудетъ изъ церкви свадебный поѣздъ, чтобы коробошники не встрѣтились съ новобрачными.

При входѣ въ церковь съ невѣсты снимаютъ фату. Послѣ вѣнчанія, въ сторожкѣ, свахи заплетаютъ ей волосы на двѣ косы, причемъ правую плететъ сваха женихова, а лѣвую—невѣстина; косы закручиваютъ на головѣ, надѣваютъ повойникъ, повязываютъ платкомъ и снова накрываютъ фатой. Самыми почетными и богатыми считаются свадьбы въ вѣнцахъ, отличающіяся тѣмъ, что вѣнцы не снимаютъ съ новобрачныхъ въ церкви, а они идутъ въ нихъ до дому, предшествуемые духовенствомъ; въ такомъ случаѣ косы молодой свахи заплетаютъ въ чуланѣ. Для замужней женщины считается стыдомъ показаться простоволосой не только передъ посторонними, но и передъ близкими родными. Изъ церкви возвращаются обѣ свахи въ одной повозкѣ съ невѣстой.

Новобрачныхъ родители встрѣчаютъ хлѣбомъ-солью, благословляютъ, причемъ три раза обводятъ образомъ и хлѣбомъ кругомъ, надъ ихъ головами. Затѣмъ новобрачныхъ сажаютъ за столъ, угощаютъ виномъ, заставляя три раза обмѣняться стакана-

ми, всякій разъ называя другъ друга по имени. Послѣ того, какъ они пообѣдаютъ, сваха женихова и дружка уводятъ ихъ „на подклѣть". Если не имѣется лишней избы, то подклѣть устраивается и зимою въ холодномъ помѣщеніи, напр. въ амбарѣ. Молодой заставляетъ свою жену снимать сапогъ съ правой ноги, въ который онъ заранѣе кладетъ деньги ей въ подарокъ. Между тѣмъ родные новобрачнаго идутъ за родными молодой звать ихъ на «горнóй столъ». Когда придутъ «горные гости», сваха и дружка идутъ за молодыми «поднимать съ подклѣти». Молодая переодѣваетъ мужа въ принесенную ей въ приданомъ для него одежду. Затѣмъ они выходятъ на встрѣчу родителямъ молодухи и кланяются имъ въ ноги. Сваха выноситъ подвѣнечную сорочку новобрачной. Этотъ обычай устраняется въ случаѣ нецѣломудренности невѣсты, заранѣе извѣстной роднымъ жениха. Скрытая же нецѣломудренность ведетъ за собою плохія послѣдствія: родныхъ молодой выгоняютъ вонъ съ бранью, свекровь подноситъ ея матери пить вино изъ разбитой посуды, а молодую мужъ и родные избиваютъ до полусмерти. Положеніе ея въ семьѣ становится невыносимымъ отъ побоевъ и упрековъ и кончается тѣмъ, что она убѣгаетъ въ домъ къ своему отцу. Вся грубая свадебная обрядность очень вѣрно характеризуетъ крестьянскіе нравы и въ дѣвушкѣ невѣстѣ вызываетъ не стыдъ, а чувство довольства и гордости за свою честь. Послѣ пріема горныхъ гостей, наступаютъ ихъ величанія, угощенія, ѣдятъ до-сыта и напиваются до-пьяна. Дѣвушки въ этомъ пиру не участвуютъ, а плясовыя пѣсни поютъ женщины. Привожу нѣкоторыя изъ нихъ:

Дуня бѣла, румяна,
Со инымъ гуляла,
Любезнаго рѣшила;
Я за то его рѣшила,
Что невѣренъ милый былъ,
Не одну меня любилъ,
Меня горьку, разнесчастну,
Воспокинулъ, позабылъ.
У столика стоючи,
Плачучи, рыдаючи,—
Дружка наджидаются.
Горьки слезы не въ помогу,
Разговоры говорятъ,
Намъ жениться велятъ;
Намъ жениться разориться,
Полтораста стерять,
Велятъ Сашеньку взять.
Я по горенкѣ ходила,
Я мила мужа будила:
«Ты, вставай-ка, мужъ хозяинъ!
Пришли гости дорогіе,
Твои шурья молодые».
—«Отойди, жена немила,
По тебѣ родня постыла».
На крылечко жена выходила,
Своимъ братьямъ говорила:

«Вы дойдите-ка до дому,
Разскажите своему роду,
Своему роду по поклону,
А батюшкѣ никакого,
Что онъ отдалъ за такого».

Плясовая:

Я вечоръ молода во пиру была,
Медъ пиво пила, сахаръ купала.
Ужъ я лѣсомъ шла—не бoялася,
Ужъ я полемъ шла—не шаталася,
Ко двору молода пришла—пошатилася,
За дубову верею ухватилася.
Стой дубова верея, содержи меня,
Жену пьяную, не черявую.
Чтобъ не видѣлъ свекоръ батюшка,
Не слыхала бъ свекровь матушка,
Не сказала бъ она своему сыну, моему мужу.
Что мой-то мужъ—горькой пьяница;
Онъ домой то приходитъ -все расчванится, разломается:
«Разувай меня жена, раздѣвай,
Часты пуговки разстегивай,
Шелковы́ петли расхлестывай»!
«У тебя ли, у годы, ноги грязныя,
У меня ли, у молоды́, ручки бѣлыя,
На рукѣ то кольцо позолочено, подареное;
Мнѣ не батюшка купилъ,
Мнѣ купилъ подарилъ милъ, сердечный другъ»!

Плясовая-же:

На улицѣ ронода́ (мо́да),
Жена мужа продала;
За то его продала,
Плететъ лапти короба,
Веревки вьетъ, какъ гужи.
«Носи жена, не тужи,
А порвется—навяжи»!

Еще:

Въ Тангинрогѣ (Таганрогѣ) случилася бѣда:
Тамъ убили молодого казака,
Схоронили при широкой долинѣ́.
Тамъ летѣли соколики стороной,
Сѣли, пали у солдатки на дворѣ,
Крылышками широкъ дворъ размели,
Голосами все солдатку будили:
«Встань, проснися ты, солдатка молода,
Встань, послушай, люди баютъ, говорятъ,
Все солдатку ругаютъ, бранятъ»!
А чужіе-то мужья все со службицы идутъ,
Моего мужа въ колясочкѣ везутъ.
Закатися красно солнце за лѣсокъ;
Я пойду молода во зелененькій садокъ,
Я сорву ли съ розы розовый цвѣтокъ,
Я совью ли дружку милому вѣнокъ!

Эти пѣсни женщины поютъ, какъ на свадебныхъ, такъ и на другихъ гуляньяхъ.

На другой день послѣ вѣнчанія, молодые „кланяются въ ноги" всѣмъ роднымъ и гостямъ. Молодая даритъ подарки свекру, свекрови и ближнимъ роднымъ мужа; они за поклонъ дарятъ ей „на со́бенну" овцу, телку или деньги. Скотину дарятъ только родители.

Затѣмъ въ сопровожденіи дружки молодые обходятъ съ поклономъ всѣхъ гостей, которыхъ дружка угощаетъ виномъ и приговариваетъ:

Кланяется вамъ нашъ князь новобрачный со своею княгиней,
Съ ковшомъ и съ медомъ, съ низкомъ поклономъ.
Извольте стопочку выпить, а донышко позолотить,
Не рублемъ, не гривной, одной золотой полтиной,
По мочи, по силѣ—рублика четыре,
А если покажется въ честь, то рубликовъ шесть!
На новое мѣсто много имъ надо:
На шильце, на мыльце, на банное построенье,
На горшечки, на окатнички, сита, рѣшота, на кривыя веретенца.

Обойдя всѣхъ съ поклонами, новобрачные въ сопровожденіи свекра и свекрови идутъ къ тестю и тещѣ „на блинки“ и звать ихъ къ себѣ въ гости. Ихъ встрѣчаютъ на дорогѣ человѣкъ пять изъ родныхъ молодой, ряженыхъ козою, медвѣдемъ, лошадью, съ пѣснями, плясками, прибаутками, не пускаютъ въ домъ къ родителямъ. На приглашеніе въ гости мать новобрачной отвѣчаетъ: „Кабы не было погодки, что не выпалъ бѣлый снѣгъ! Кабы не было заботки, не пошелъ-бы въ тотъ конецъ!“ Свадебныя гулянки продолжаются нѣсколько дней, причемъ послѣ блинковъ, какъ родные новобрачной, такъ и вся родня ея мужа дѣлаютъ складчину на водку, кто сколько можетъ, и на собранныя деньги продолжаютъ гулять. По окончаніи всѣхъ свадебныхъ празднествъ молодые благодарятъ дружку за хлопоты и дарятъ ему платокъ и курникъ.

Кромѣ свадебныхъ гуляній существуютъ пирушки и пріемы гостей въ престольные праздники, на Рождество, на Пасху и на Новый Годъ, сопровождающіеся угощеніемъ, а главное хорошей выпивкой. Молодежи предоставляется гулять на улицѣ. Въ прежніе годы молодежь много веселилась на Святкахъ, ходили ряжеными, гадали, но въ настоящее время обычаи эти вывелись, и веселятся болѣе на Масляницѣ. Воскресенье передъ Масляницей называется „закатальнымъ“; съ него начинаются гулянья и длятся всю недѣлю. Молодежь дѣлаетъ ледяную гору, зовется она Красной горою, и катается съ нея; катаются также на пошевняхъ, т. е. въ саняхъ, и съ пѣснями гуляютъ по улицамъ. Съ перваго ноября нѣсколько дней длятся Кузьминки, тѣ-же засидки. Дѣвушки собираются въ одинъ домъ, сносятся провизіей, которую выпрашиваютъ или тайкомъ уносятъ изъ семьи, пекутъ блины, дѣлаютъ

яичницу, поютъ пѣсни и веселятся въ избахъ и на улицѣ. Послѣ Пасхи начинается рядъ весеннихъ гуляній, въ которыхъ принимаютъ участіе только дѣвушки и молодыя женщины. Въ былые годы дѣвушки праздновали Семикъ, рядили березку, уходили съ нею въ лѣсъ, гдѣ заплетали вѣнки, пекли яичницу; сохранилось празднованіе Семика въ немногихъ мѣстностяхъ. Время отъ Ѳоминаго воскресенья и до Петровскаго заговѣнья, зовется „весною“ и сопровождается хороводами и пѣніемъ исключительно весеннихъ пѣсенъ. Начинаются весеннія гулянья шествіемъ дѣвушекъ вокругъ села. Это весеннее шествіе называется Пчелою, такъ какъ толпа дѣвушекъ напоминаетъ собою летящій рой и поетъ пѣсню, называемую тоже Пчелою. Слова пѣсни слѣдующія:

Ты заря ли, заря вечерняя!
Ты пчела ли, моя пчелынька,
Ты пчела ли, пчела летучая,
Ты летучая, да бархучая!
Ты куды пчела лётывала?
—Ужъ я лётывала, полётывала,
По чисту полю погуливала,
Ко сырой землѣ прикладывалась,
Ко листочку ко бумажному,
Ко цвѣточку ко лазоревому.
— Ты чего, пчела, видѣла?
Ты чего, пчела, слышала?
— Ужъ я видѣла, слышала,
Какъ красная дѣвка плакала,
За стараго мужа идучи,
За молодымъ не бываючи.

Во второмъ куплетѣ повтореніе пѣсни, но окончаніе иное:

Ужъ я видѣла, слышала,
Какъ красная дѣвка плясывала;
За младого мужа идучи,
За старымъ побываючи.

Въ послѣднее воскресенье передъ Петровскимъ заговѣньемъ устраиваютъ проводы весны. Одѣваютъ куклу въ дѣвичій нарядъ и съ нею во главѣ Пчела обходитъ все село; на площадяхъ шествіе останавливается, заводятъ хороводъ; въ середину выходятъ двѣ дѣвушки и подъ пѣніе Пчелы пляшутъ, приподымая высоко куклу. Въ веснѣ парни не принимаютъ участія. Пчела—пѣсня излюбленная, но кромѣ нея существуетъ цѣлый рядъ пѣсенъ, которыя поются только весною; привожу нѣкоторыя изъ нихъ.

Мы пойдемте, дѣвушки, по́ лугу́ шаро́мъ,
Вдоль по улицѣ мячёмъ.
Мы подойдемте-ка, дѣвушки, ко бѣлому шатру!
Какъ у бѣлаго шатра сидѣлъ старый мужъ,
Погубитель мой! — погубилъ мою головушку,
Всю дѣвичью ка́рсоту, молодецкую молодость!

Царь по городу гуляетъ,
Царь царевну выбираетъ.
Не твоя-ли, царь, царевна
Середь города гуляетъ,
Не твоя-ли молодая?
Вы постойте, растворяйте-ка ворота!
Ты взойди-ка, царь, во городъ,
Возьми за ручку царевну,
Постановь ее на мѣсто,
Подойди-ка къ ней поближе,
Поклонися ей пониже!
Ты возьми ее за ручку,
Обведи вкругъ городочка!
Городочекъ ли маненекъ.
А царевна молодая
Середь города гуляла.

Повидимому, въ этой пѣснѣ намекъ на обрядъ вѣнчанія.

Вечо́ръ ли молоденька
Позднo вечеромъ сидѣла,
Я до самой полуночи,
До девятаго часу ночи
Я ждала ли, поджидала
Своего ли друга ми́ла,
Своего дружка милого.
Я насилу дождалася,
На шеюшку бросилася,
Слезами то заливалась,
Въ слезахъ дружка не узнала,
Въ слезахъ дружку говорила:
«Ужъ ты другъ ли мой, дружочекъ,
Сердцу радость, животочекъ,
Про насъ ли съ тобой люди баютъ,
Люди баютъ, все смолчаютъ.
На людей я не глядѣла,
Любить дружка захотѣла,
Любила дружка очень вѣрно,
Очень вѣрно, безотмѣнно.
Люблю дружка въ постоянствѣ,
А онъ меня пріубрашши,
Во тонкой бѣлой рубашкѣ,
Во жемчужномъ во борочкѣ,
Въ гальнитуровомъ платочкѣ».

Вдоль да по улицѣ идутъ дѣвушки, все молодушки.
Меня молоду съ собою зовутъ.
Вы постойте-ка, подождите-ка!
Я пойду спрошу свекра батюшку:
«Свекоръ-батюшка, ты пусти гулять»!
— Я гулять пущу, кожу до пять спущу.—
Кожа волочится,—гулять хочется.
Я пойду спрошу свекровь-матушку:
«Свекровь-матушка, ты пусти гулять»!
— Я гулять пущу, кожу до пять спущу.—
Кожа волочится,—гулять хочется.
Я пойду спрошу мужа молодого:
«Молодой мой мужъ, ты пусти гулять»!
— Я гулять пущу, кожу до пять спущу.—
Кожа волочится,—гулять ужъ не хочется.

Въ пѣсняхъ дѣвушки предвидятъ замужнюю тяжелую жизнь, но смотрятъ на нее, какъ на неизбѣжную долю. Въ послѣдней пѣснѣ характеризуется полная зависимость женщины. Безотчетная власть, которой пользуется мужъ по отношенію къ своей женѣ, выражена въ поговоркахъ: „бью не чужую, а свою, хоть веревки изъ нея вью“, или: „жалѣй, какъ шубу, а бей, какъ душу“. Особенно много побоевъ выпадаетъ на долю жены, если мужъ самодуръ; случается, что сосѣди заступаются и отнимаютъ несчастную

Если-же мужъ бьетъ за дѣло, наприм., за измѣну, то никто не заступится, хотя-бы онъ убилъ ее до смерти. „Баба живуча, какъ кошка; изобьешь такъ, что посинѣетъ вся, анъ смотришь отдышится“, говорятъ мужики. Въ настоящее время женщины прибѣгаютъ съ жалобами къ начальству, волостному суду, который и обуздываетъ самодурствующихъ мужей. Женщина терпитъ не только отъ мужа, ее бьетъ свекоръ, свекровь, снохи и золовки допекаютъ злобою и интригами. Положеніе жены совсѣмъ иное, если мужъ вступаетъ зятемъ въ семью, гдѣ онъ чувствуетъ себя пришлымъ и зависимымъ. Работать женщинѣ приходится даже больше, чѣмъ мужчинѣ; вмѣстѣ съ мужемъ идетъ она на сѣнокосъ, жнитво, молотьбу, вязку сноповъ, иногда пашетъ и боронитъ; сѣвъ — единственная полевая работа, въ которой женщины не участвуютъ. Зимою встаетъ она много раньше мужа, уберетъ скотину, задастъ корму лошадямъ, затопитъ печь, чтобы пораньше накормить ребятишекъ. Весь день работая для семьи, только вечеромъ послѣ ужина садится она прясть кудель, чтобы заработать на свою собенну, на одежду мужу и дѣтямъ, и измученная прядетъ до поздней ночи. Надо еще прибавить, что здоровая крестьянка всякій годъ приноситъ ребенка; беременной работаетъ она до послѣдней минуты и производитъ на свѣтъ довольно легко; въ рѣдкихъ случаяхъ больная остается въ постели недѣлю; для нѣкоторыхъ болѣзнь длится нѣсколько моментовъ. Если роды застанутъ ее за работой во дворѣ, то она сама приноситъ въ домъ ребенка, обмоетъ его; затѣмъ затопитъ печь и принимается за стряпню къ крестинамъ, которыя назначаются въ тотъ-же день.

Въ крестные просятъ близкихъ и уважаемыхъ родственниковъ. Обязанность крестныхъ заключается въ матеріальной поддержкѣ крестника, въ подаркахъ ему по праздникамъ. Если крестникъ осиротѣетъ, то главное участіе въ его судьбѣ обязаны принимать крестные. Особеннымъ почетомъ пользуются крестные на свадьбахъ, назначаясь посаженными, благословляя образомъ, а крестная мать принимаетъ роль свахи. По отошенію къ мальчику, всѣ обязанности лежатъ на крестномъ отцѣ, которому крестникъ приходится духовнымъ сыномъ, тогда какъ крестная мать считается только свидѣтельницей при крещеніи. По отношенію къ дѣвочкѣ роли мѣняются, и крестная мать принимаетъ на себя обязательство.

Послѣ обряда въ церкви, крестная приноситъ ребенка матери

и даритъ ему «на ризки». За тѣмъ слѣдуетъ угощеніе всѣхъ родныхъ, приглашенныхъ „на кашу“. Обычай звать на кашу объясняется тѣмъ, что послѣ угощенія, подаютъ пшенную кашу, подносятъ ее крестнымъ со словами: „выкупите крестненькіи, а потомъ и кушайте“. Деньги, которые дарятъ на кашу, какъ крестные, такъ и всѣ гости, идутъ въ пользу родительницы. Есть обычай, что отцу новорожденнаго крестная подаетъ съѣсть ложку каши, предварительно всыпавъ въ нее горсть соли, чтобы онъ отвѣдалъ, какъ солоно пришлось его женѣ. Или же берутъ небольшой круглый каравай, съ обѣихъ сторонъ отрѣзываютъ по горбушкѣ, такъ что въ серединѣ остается толстый ломоть. Горбушки разрѣзаютъ на кусочки и раздаютъ всѣмъ гостямъ, а середину, посоливъ, даютъ съѣсть родившей; этимъ обычаемъ, вѣроятно, хотятъ показать, что всѣ гости принимаютъ участіе въ ея страданіяхъ. Къ врачебной помощи не любятъ обращаться, да почти не имѣютъ возможности за отдаленностью земскихъ больницъ. Въ трудныхъ случаяхъ призываютъ деревенскихъ повитухъ, опытныхъ старухъ, которыя своею неумѣлой помощью только увеличиваютъ страданія больной и иногда вызываютъ печальный исходъ. Новорожденнаго ребенка не купаютъ въ корытѣ, а кладутъ въ пеленкѣ на шестокъ, обмоютъ мыломъ или щелокомъ и попарятъ вѣникомъ. Щелокъ употребляется, какъ для мытья въ банѣ, такъ и для стирки, вслѣдствіе дороговизны мыла, которымъ пользуется рѣдкій крестьянинъ.

Бездѣтнымъ людямъ подбрасываютъ незаконнорожденныхъ дѣтей, что случается довольно часто, благодаря распространенной безнравственности въ семейныхъ отношеніяхъ и въ нравахъ молодежи. Принять подкидыша считается дѣломъ добрымъ для спасенія души, „для душеньки“, точно также какъ взять пріемыша, круглаго сироту послѣ родныхъ или знакомыхъ. Ихъ воспитываютъ, какъ родныхъ, усыновляютъ, и они дѣлаются наслѣдниками имущества, наравнѣ съ родными дѣтьми. Если изъ взятаго на воспитаніе вырабатывается хорошій работникъ, а въ семьѣ есть дочери и нѣтъ сыновей, то его принимаютъ зятемъ. Положеніе подкидышей и пріемышей, особенно въ бездѣтныхъ семьяхъ, много лучше горькой доли тѣхъ сиротъ, которые попадаютъ въ руки мачехѣ, такъ какъ добрая и человѣчная мачеха — явленіе рѣдкое въ крестьянскомъ быту.

По способамъ выхаживанія дѣтей и лѣченія ихъ, неудивительно, что въ семьѣ изъ рожденныхъ 9 — 8 человѣкъ въ живыхъ остаются 2—рѣдко 4. За совѣтами по лѣченію дѣтей прибѣгаютъ къ старухамъ, бабушкамъ, какъ болѣе опытнымъ; кромѣ того, существуютъ общераспространенные способы лѣченія; нѣкоторые изъ нихъ я привожу.

Если у новорожденнаго ребенка дѣлается худосочіе, такъ называемая собачья старость, то его „перепекаютъ въ печи". Ребенка сажаютъ на хлѣбную лопату и суютъ въ горячую печь, какъ только изъ нея вынутъ хлѣбы. Одна женщина съ улицы спрашиваетъ въ окно, ту которая держитъ лопату: „Что перепекаешь?"—„Собачью старость".—„Перепекай лучше, чтобы ея не было!" Разговоръ повторяется три раза, и три раза сажаютъ ребенка въ печь. Случается, что съ лопаты ребенокъ сваливается и получаетъ обжоги, или-же задыхается отъ жара.

Другой способъ лѣченія собачьей старости состоитъ въ томъ, что въ теплую печь влѣзаетъ бабушка, кладетъ себѣ на колѣни рядомъ ребенка и кутенка (щенка) и начинаетъ ихъ поперемѣнно парить вѣникомъ.

Купаютъ отъ этой-же болѣзни ребенка съ кошкою, чтобы болѣзнь перешла на животное.

Лѣчатъ собачью старость еще слѣдующимъ способомъ: три дня подрядъ дѣлаютъ по девяти пельменей, начиняютъ ихъ землей, затѣмъ варятъ въ водѣ; пельмени отдаютъ собакамъ, а въ отварѣ купаютъ ребенка.

Если у новорожденнаго являются судорожныя движенія, напр., отъ разстройства желудка; то заключаютъ, что у него въ спинѣ щетина, которая его раздражаетъ, и ее необходимо выщипать. Съ этой цѣлью подбиваютъ дрожжи пшеничными отрубями; старуха влѣзаетъ въ печь съ ребенкомъ, вымажетъ его всего тѣстомъ, прикроетъ ветошкою, попаритъ вѣникомъ и начнетъ растирать спину и выщипывать волосы.

Взрослыхъ лѣчатъ также своеобразными способами „Кумохà окидàла", т. е. обметала лихорадка: слѣдуетъ больное мѣсто помочить пòтомъ съ оконнаго стекла или обтереть обломкомъ копыта, найденнымъ на дорогѣ. Если найдутъ на улицѣ свиную челюсть, то ее берутъ и прикладываютъ въ случаѣ заушницы или нарыва за ухомъ; эти болѣзни лѣчатся также прикладываніемъ

заячьей шкурки. Заболитъ горло,—идутъ къ старухѣ знахаркѣ; она съ таинственною молитвой очерчиваетъ три раза сучекъ на стѣнѣ и тѣмъ заговариваетъ болѣзнь.

Боль въ поясницѣ зовутъ „утиной“ и лѣчатъ ее такъ: больной ложится поперекъ переруба (мѣсто на полу *, гдѣ соединяются концами доски) или поперекъ порога. Старуха кладетъ больному на спину вѣникъ и начинаетъ слегка рубить топоромъ. „Что рубишь?“ спрашиваетъ больной.—„Утину“.—„Руби гораздо, чтобъ больше не было“.

Серьезныя болѣзни не поддаются подобнымъ способамъ лѣченія, и появленіе ихъ связано съ суевѣрными представленіями. Когда вихрь крутитъ и подымаетъ столбъ пыли,—говорятъ, что нечистый играетъ. Если человѣкъ попадетъ въ вихрь, то его разбиваетъ параличемъ. Чтобы отдалить отъ себя бѣду, слѣдуетъ говорить: „на воду, на воду, на воду!“ и нечистый пролетитъ мимо и разобьется въ водѣ.

Существуютъ способы предохранять отъ эпидимическихъ болѣзней; наприм., обычай опахивать село отъ чумы. Исполняется онъ слѣдующимъ образомъ. Въ соху впрягаютъ старуху, вдову или дѣвушку, извѣстную своей хорошей жизнью; другая старуха правитъ сохою; ихъ сопровождаютъ нѣсколько дѣвушекъ съ распущенными волосами, изъ которыхъ двѣ помогаютъ тащить соху, ухватившись по бокамъ; въ рукахъ несутъ онѣ восковыя зажженныя свѣчи. Шествіе собирается тайно ночью, когда всѣ уснули, и съ пѣніемъ молитвъ обходитъ вокругъ села, пропахивая не глубокую борозду; на перекресткахъ останавливаются и зарываютъ въ землю росной ладанъ.

Есть болѣзни, которыя излѣчиваются заговорами, напримѣръ, „прйтка“. Притко̀ю называется заболѣваніе или опухоль, явившаяся вслѣдствіе ушиба. „Тебѣ припритчилось“, т. е. разболѣлось отъ ушиба, скажетъ старуха и начнетъ заговаривать на молоко или воду слѣдующее: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Мѣстечко, прости Христа ради! Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Матушка сыра земля, прости Христа ради! Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Мѣ-

*) Почти во всѣхъ избахъ полы деревянные; глиняныя мазанки преобладаютъ въ хохлацкихъ переселенческихъ деревняхъ.

стечко прости меня Христа ради!“ Трижды повторяя заговоръ, всякій разъ она дѣлаетъ надъ молокомъ крестное знаменіе и даетъ пить больному.

Для скотины отъ притки заговариваютъ на воду или на соль, которую даютъ съѣсть животному. Заговоръ для скотины отъ притки слѣдующій:

Шелъ Христосъ къ рѣкѣ, къ Іорданѣ,
Тростью ногу накололъ,
Пруды, ключи заговаривалъ.
Матушкѣ Пресвятой Богородицѣ подавала,
За престольный столъ клала,
Бленной (бѣлой) розой покрывала.
Ты земля крѣпись!
Святой узелъ завяжись, завяжись!
Господи Іисусе Христе помилуй насъ.
Во имя Отца и Сына и Св. Духа.
Аминь.

Перекрестивъ соль или воду, даютъ животному. Заговоры существуютъ отъ многихъ болѣзней, хранятся въ большой тайнѣ тѣми, кому они извѣстны, и передаются въ виду большого расположенія и довѣрія отъ старшаго младшему. Въ противномъ случаѣ они теряютъ силу. Большинство заговоровъ извѣстно профессіональнымъ знахарямъ и знахаркамъ, которые лѣчатъ также всякими травами. Ворожеи не только заговариваютъ болѣзни, но при помощи нечистой силы умѣютъ привораживать сердца, наводить порчу и предвидѣть будущее. Къ ворожеямъ относятся съ суевѣрнымъ страхомъ, но еще болѣе боятся колдуновъ. Во всякомъ селѣ найдется свой колдунъ. Случайное совпаденіе обстоятельствъ, которое крестьяне не могутъ объяснить себѣ, вызываетъ подозрѣніе въ колдовствѣ. Колдуна всѣ боятся, такъ какъ онъ злой человѣкъ, водится съ нечистымъ и можетъ навести порчу и разореніе, потому стараются жить съ нимъ въ ладахъ. На свадьбахъ ему выказываютъ особый почетъ изъ боязни, чтобы не испортилъ молодыхъ. Обыкновенно славою колдуна пользуется хитрый и умный мужикъ, извлекающій изъ своего положенія извѣстную выгоду и эксплоатирующій своихъ односельчанъ, которые боятся расправиться съ нимъ, утѣшая себя тѣмъ, что ему предстоитъ трудный отвѣтъ передъ Богомъ. Отсюда примѣта, что колдунъ долго, иногда нѣсколько дней мучится въ предсмертныхъ страданіяхъ, и, чтобы помочь его душѣ разстаться съ тѣломъ, приподнимаютъ конекъ на крышѣ, или передній уголъ, послѣ чего тотчасъ же наступаетъ смерть.

Увѣренность, что колдунъ и послѣ смерти можетъ мстить и причинять зло, вызвала обычай прибивать колдуна—покойника къ землѣ осиновымъ коломъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ крестьяне бывають выведены изъ терпѣнія дерзостью колдуна и учиняютъ надъ нимъ самосудъ, кончающійся для него смертью или увѣчьемъ. Привожу одинъ такой случай, происшедшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Въ большомъ, богатомъ селѣ Дмитровкѣ завелся колдунъ; на пирушкѣ поссорился онъ съ своимъ сосѣдомъ, который жилъ хорошо, имѣлъ большой домъ, много скотины, 15 лошадей. «Попомнишь ты меня!» пригрозился ему колдунъ, и вскорѣ дѣлается у этого крестьянина пожаръ, сгораетъ домъ и часть скотины; онъ снова строится. Вдругъ наступаетъ падежъ на его лошадей. Мужикъ совсѣмъ разоряется. А колдунъ все грозится. «То-ли еще будетъ; не долго проживешь подъ новою крышей!» Тогда мужикъ созываетъ народъ, разсказываетъ подробно объ угрозахъ колдуна и ихъ послѣдствіяхъ и требуетъ, чтобы общество вступилось на его защиту. Вызываютъ колдуна. Онъ пробуетъ застращать всѣхъ своею таинственною властью, но только озлобляетъ мужиковъ, такъ что тѣ принимаются бить его, требуя признанія. Перетрусивъ передъ разсвирѣпѣвшей толпою, онъ кается, что взялъ хлѣбъ, вынулъ изъ него середину и съ наговоромъ зарылъ подъ крыльцомъ у своего врага; если хлѣбъ выроютъ, то и несчастіе прекратится. При поискахъ дѣйствительно нашли хлѣбъ, но колдуна такъ избили, что онъ едва живъ остался и съ той поры присмирѣлъ. Разоренный имъ сосѣдъ поправился и зажилъ по-прежнему.

Самосудъ крестьянскій очень жестокъ, такъ какъ озлобленная толпа дѣйствуетъ уже безсознательно, вся отдаваясь только чувству мести и злобы. Къ самосуду крестьяне прибѣгаютъ только, когда выведены изъ терпѣнія, чаще всего для расправы съ конокрадами и ворами. «Ни чѣмъ вора не уймешь, коль до смерти не убьешь», говоритъ пословица; вора или убиваютъ, или избиваютъ такъ, что онъ недолго поживетъ послѣ побоевъ. Убитаго самосудомъ общество крестьянское тайкомъ хоронитъ, затѣмъ зачисляетъ въ безъ вѣсти пропавшіе, и судебная власть рѣдко и всегда безуспѣшно принимается за разслѣдованіе. Вообще слѣдствіе оканчивается неудачей въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится имѣть дѣло со всей общиной и съ суевѣріями. Характеристичнымъ примѣромъ служитъ внезапная смерть отъ опоя виномъ. Слѣдователь, пріѣзжая

на вскрытіе трупа опойцы нерѣдко находитъ пустой гробъ; покойникъ же исчезаетъ безслѣдно. Ообясняется это слѣдующимъ образомъ. Существуетъ повѣріе, что и по смерти опойцу мучитъ нестерпимая жажда, вслѣдствіе чего онъ выпиваетъ всю влагу изъ почвы въ той мѣстности, гдѣ его похоронили, и воду изъ облаковъ, что влечетъ за собою засуху и неурожай. Потому, если опойца умретъ въ чужомъ селѣ, то крестьяне не даютъ хоронить его у себя, требуя его отправленія на родину; здѣсь уже является сопротивленіе начальству, иногда очень сильное.

Когда наступаетъ засуха и не задолго былъ похороненъ на общемъ кладбищѣ опойца, то его считаютъ причиною бездождія, и все общество, со старостою и другими властями во главѣ, тайкомъ ночью вырываютъ гробъ, вынимаютъ покойника и бросаютъ въ прудъ, въ воду, или же зарываютъ въ сосѣднемъ владѣніи, а въ спину вбиваютъ ему осиновый колъ, чтобы не ушелъ.

Обыкновенный похоронный обрядъ не представляетъ никакихъ особенностей. Въ нарядѣ трауръ также ничѣмъ не обозначается. Съ кладбища возвращаются въ домъ на поминовеніе и горячій столъ, устраиваемый преимущественно для бѣдныхъ старухъ, стариковъ и дѣтей до десятилѣтняго возраста. Кромѣ того, приглашаются на поминальный столъ мужчины, которые несли гробъ, и самые близкіе родные. Для всѣхъ другихъ ходить на поминки считается предосудительнымъ. Кормленіе старыхъ и малыхъ равносильно угощенію нищихъ и убогихъ на поминъ души. Непремѣнное кушанье—блины съ медомъ, или медовой сытою; ими начинается и заканчивается обѣдъ. Поминальные обѣды дѣлаются по обыкновенію на 3, 9, 20, и 40-й дни. Дѣвушку или дѣвочку несутъ въ церковь пять дѣвушекъ съ распущенными волосами; имъ дарятъ по платку и по лентѣ на голову. Изъ причитаній общераспространенное по матери слѣдуюшое:

Родима матушка, какъ станемъ безъ тебя жить!?
И холодны, и голодны, и наги, и босы.
Напримаемся, родима матушка, всего горюшка многохонько!
Никто-то насъ не пожалѣетъ безъ тебя жальнёхонько.
Нѣтъ того ретиваго сердечка,—желаннаго,
Что было у родимой у матушки!
Не давала ты надъ нами, родима матушка, вѣтерочку-то вянуть,
Не давала людямъ насъ въ обидушку.-
Безъ тебя то за насъ никто не заступитъ.
Никто словечка не молвитъ!
Только мы станемъ куковать горькой кукушечкой.

Характернымъ способомъ поминовенія души служитъ «потаенная милостынька». Она раздается бѣднымъ бобылкамъ, также старикамъ въ теченіе 40 ночей, по три милостыньки въ каждую, и состоитъ изъ маленькаго пшеничнаго или полбеннаго хлѣбца, въ родѣ просфоры, и восковой свѣчки. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ заказываютъ келейницамъ читать 40 дней псалтырь по покойникѣ.

«Келейницы» —особый видъ деревенской монахини, чернички. Чувствуя религіозное влеченіе, дѣвушка, иногда еще молодая, отказывается выходить замужъ и выпрашиваетъ у отца разрѣшеніе отдѣлить ей горенку отъ семьи и посвятить себя служенію Богу. Это желаніе рѣдко вызываетъ сопротивленіе у родныхъ; ей строятъ во дворѣ комнатку, куда она уходитъ послѣ всѣхъ домашнихъ работъ, и въ то время, какъ ея подруги гуляютъ на улицѣ, она занимается чтеніемъ молитвъ и псалмовъ и церковнымъ пѣніемъ. Продолжая работать на семью, съ годами она пріобрѣтаетъ большое уваженіе и независимость, зарабатываетъ также на сторонѣ поминаніями. Иногда 3—4 келейницы соединяются и устраиваютъ общежитіе. Духовенство смотритъ на нихъ съ недоброжелательствомъ, такъ какъ онѣ отнимаютъ часть доходовъ поминаніемъ.

Во всѣхъ обрядахъ и суевѣріяхъ христіанскія и языческія вѣрованія тѣсно связаны между собою. Къ главному источнику существованія крестьянъ — хлѣбопашеству относится также немало примѣтъ и суевѣрій; нѣкоторыя изъ нихъ я привожу.

Наканунѣ сѣва вечеромъ хозяинъ запирался въ своей избѣ, зажигалъ восковую свѣчу и клалъ передъ образами горсть зеренъ изъ предназначенныхъ для сѣва; затѣмъ начиналъ усердно молиться о ниспосланіи удачнаго сѣва и урожая. Предварительно въ избѣ затыкались всѣ щелки, всѣ отверстія, трубы въ печи съ тою цѣлью, чтобы нисшедшая отъ молитвы на зерна благодать Божія не могла уйти изъ избы. Этотъ обычай уже исчезъ. Другой состоялъ въ томъ, что при началѣ сѣва отецъ и сынъ выходили съ противоположныхъ межъ. Отмѣтивъ на пашнѣ середину, они начинали сходиться, «брыкая», т. е. бросая сѣмена. Если къ серединѣ первымъ приходилъ отецъ, то удачнымъ предсказывался ранній сѣвъ, а если сынъ, то поздній.

Находятъ при жнитвѣ спорынью, т. е. два колоса на одномъ стеблѣ (отъ слова «спорый»), ее сохраняютъ до будущаго сѣва,

такъ какъ зерна изъ спорыньи приносятъ урожай. Или же зашиваютъ спорынью въ ладанку и надѣваютъ на крестъ, когда идутъ сѣять.

Остается въ полѣ обсѣвокъ—примѣта дурная: въ домѣ будетъ покойникъ-хозяинъ. Подшутилъ обсѣвкомъ полевой—злой духъ, оборачивающійся въ звѣрка; онъ же портитъ человѣка, если тотъ ляжетъ спать на межѣ; заводитъ скотину въ полѣ, если она пущена безъ молитвы.

При окончаніи жатвы оставляютъ пучекъ колосьевъ, который завязываютъ узломъ, приговаривая: «вотъ тебѣ, истинный Христосъ, на бородку». Называется это—оставлять истинному Христу на бородку для будущаго урожая.

Многіе изъ обычаевъ и примѣтъ уже исчезли, остальные теряютъ съ каждымъ годомъ приверженцевъ; грамота развиваетъ въ новомъ поколѣніи иные понятія и взгляды. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаютъ остатки народной самобытной поэзіи, замѣняясь городскими и солдатскими пѣснями и даже передѣланными, исковерканными романсами.

Евгенія Всеволожская.

1894 г., 18 сентября.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ РАЗВИТІЯ ЖИЛИЩА У ФИННОВЪ.

(На основаніи соч. *Axel'a Heikel'a:* „Die Gebäude der Čeremissen, Mordwinen, Esten und Finnen, Helsingf. 1888, г. и др. источниковъ).

Книга г. Акселя Гейкеля представляетъ единственный въ своемъ родѣ трудъ: въ ней собранъ обширный, въ большинствѣ случаевъ добытый личными наблюденіями автора, матеріалъ по современнымъ жилищамъ разныхъ народностей финскаго племени; текстъ дополненъ большимъ количествомъ рисунковъ (слишкомъ 300). Отдѣлъ Этнографіи И. О. Л. Е., А. и Э., признавая полезнымъ познакомить русскихъ читателей съ капитальнымъ трудомъ г. Гейкеля, поручилъ мнѣ составить подробный отчетъ о немъ для «Этнографическаго Обозрѣнія». Однако, такъ какъ г. Гейкелемъ разсматриваются только черемисы, мордва, эсты, русскіе корелы и финское населеніе Финляндіи, мнѣ казалось полезнымъ привлечь къ предлагаемому обзору и тѣ изъ народностей, которыя или вовсе не разсматриваются въ трудѣ г. Гейкеля, или которыхъ онъ касается лишь мимоходомъ (именно: ливовъ, лопарей, зырянъ, пермяковъ, вотяковъ, остяковъ и вогуловъ). Кромѣ того, со времени выхода въ свѣтъ работы г. Гейкеля, русская литература обогатилась значительнымъ количествомъ сочиненій, посвященныхъ этнографіи финскихъ народностей, что даетъ возможность въ значительной степени дополнить изложеніе г. Гейкеля, подтвердить или видоизмѣнить его выводы. Наконецъ, работы г. Гейкеля носятъ преимущественно описательный характеръ, причемъ авторъ, группируя жилища по древности ихъ типа, принимаетъ за основаніе устройство и положеніе очага: этотъ послѣдній является nota characteristica въ его системѣ жилищъ. Въ составленной мною работѣ, при группировкѣ жилищъ финскихъ народовъ по типамъ, въ основаніе положены внѣшній видъ и планъ жилья, а не очагъ, такъ какъ эта система даетъ болѣе наглядное представленіе объ эволюціи жилища у разсматриваемаго племени; кромѣ того, мнѣ казалось полезнымъ соединить разбросанные въ трудѣ г. Гейкеля выводы воедино и дополнить

ихъ на основаніи данныхъ, имѣющихся въ современной литературѣ по этнографіи финновъ. Источники, которыми я пользовался, отмѣчены въ изложеніи въ сноскахъ; свѣдѣнія-же, заимствованныя изъ работы г. Гейкеля, всегда точно опредѣлены въ текстѣ съ указаніемъ въ скобкахъ на соотвѣтствующую страницу труда автора.

На предложеніе Отдѣла Этнографіи предоставить для печатанія при статьѣ рисунковъ клише, г. Гейкель не только съ полной готовностью изъявилъ свое согласіе, но и любезно принялъ на себя трудъ по заказу ихъ въ Гельсингфорсѣ, а также по наблюденію за ихъ изготовленіемъ. Изъ числа помѣщенныхъ въ книгѣ г. Гейкеля рисунковъ, мною выбрано 46 №№, наиболѣе иллюстрирующихъ различные типы жилищъ у финновъ.

I.

Шалашъ и шалашевидныя жилыя и хозяйственныя постройки: У лопарей (кота, кувакса, вѣжа), тавастовъ и кореловъ (кота), эстовъ, мордвы, зырянъ, пермяковъ, остяковъ и вогуловъ. — **Землянки:** Свидѣтельства и преданія о жизни въ землянкахъ у разныхъ финскихъ народностей. Землянка въ качествѣ хозяйственной постройки у горн. черемисовъ. Типы переходные отъ землянки къ срубу (у мордвы, остяковъ, пермяковъ, эстовъ и тавастовъ).— **Срубы:** Пыртъ-тупа лопарей, пывзянъ пермяковъ и зырянъ, зимнія юрты остяковъ и вогуловъ, кудъ черемисовъ, кухня мордвы, sauna (баня) и pörte тавастовъ, sauna и туба эстовъ, баня и тупа кореловъ. Образованіе деревень. Характерныя черты финскихъ деревень. Развитіе двора.

Въ настоящее время почти всѣ финскія племена живутъ въ болѣе или менѣе хорошо и прочно устроенныхъ избахъ. Однако, достаточно бѣглаго взгляда на эти жилища, къ какой бы группѣ финскихъ племенъ они ни принадлежали, чтобы убѣдиться, что они не представляютъ собой первичнаго типа, что, наоборотъ, они являются продуктомъ долгаго, постепеннаго развитія финновъ, результатомъ взаимодѣйствія собственнаго самостоятельнаго роста финскаго племени съ одной стороры, и вліянія на нихъ ихъ сосѣдей съ другой. Возстановить исторію развитія жилища у финновъ представляетъ меньше трудностей, чѣмъ у другихъ племенъ, болѣе однообразно подвинувшихся на пути культуры, и это оттого, что среди финскихъ народностей мы встрѣчаемъ самыя разнообразныя культурныя ступени, крайними пунктами коворыхъ мы можемъ считать съ

одной стороны тавастовъ, имѣющихъ свою литературу, науку и искусство, и, напримѣръ, полукочевыхъ лопарей и остяковъ съ другой стороны, постепенно сливающихся со своими болѣе культурными сосѣдями. Зная способъ устройства жилищъ у некультурныхъ финскихъ племенъ и встрѣчая такія же или аналогичныя формы построекъ у ихъ болѣе культурныхъ соплеменниковъ, нетрудно возстановить по крайней мѣрѣ главные моменты исторіи развитія жилища всего обширнаго финскаго племени и прослѣдить ее до современныхъ формъ. Попытки въ этомъ направленіи были неоднократно дѣлаемы и въ главныхъ чертахъ исторія финскаго жилища установлена уже трудами Алквиста и Ретціуса [1]).

Данныя, которыя мы имѣемъ о первобытной культурѣ финскаго племени, рисуютъ намъ его стоящимъ на крайне низкомъ уровнѣ развитія. Если оставить въ сторонѣ столь часто повторяемое свидѣтельство Тацита [2]) объ образѣ жизни Fenni, въ виду того, что признавая даже тождество тацитовскихъ Fenni съ финнами, это свидѣтельство можетъ относиться только къ сравнительно очень небольшой группѣ финскаго племени, и какъ таковое не должно быть распространяемо на все племя, — мы имѣемъ данныя языка, которыя неоспоримо доказываютъ, что почти что со всѣми культурными предметами финны познакомились отъ своихъ сосѣдей въ разное время [3]). До періода начала широкаго вліянія сосѣдей бытъ финновъ едва ли поднимался выше охотничьей, рыболовной и, по-

---

[1]) *Ahlquist*: Die Kulturwörter der westfinnischen Sprachen (Helsingfors. 1875) *Retzius:* Finnland (Berlin. 1885).

[2]) *Tacitus*: Germania, c. 46. „Фенны (Fenni) не имѣютъ ни оружія, ни лошадей, ни жилища. Травы составляютъ ихъ питаніе, звѣриныя шкуры — одежду, земля — ихъ ложа. Они полагаются на свои стрѣлы, которыя они за отсутствіемъ желѣза дѣлаютъ изъ кости. Охота питаетъ какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, потому что онѣ повсюду слѣдуютъ за ними и требуютъ своей части въ добычѣ. Даже для дѣтей нѣтъ другого убѣжища отъ дикихъ звѣрей и дождя, кромѣ прикрытія изъ сплетенныхъ древесныхъ вѣтвей; туда возвращаются мужчины, тамъ-же и мѣстопребываніе старцевъ".

[3]) См. *Ahlquist:* Die Kulturwörter der westfinnischen Sprachen. (Hels. 1875) *Thomsen*: Ueber d. Einfluss der germ. Sprachen auf die finnisch-lappischen. *Qvigstad.* Nordische Lehnwörter im Lappischen (Christiania, 1894). *Düben*: La Laponie et les lapons. *Веске:* Славяно финскія культурныя отношенія (Каз. 1890). *O. Donner.* Ueber den Einfluss des Litauischen auf die finnischen Sprachen. 1884.

жалуй, оленеводческой (у нѣкоторыхъ племенъ) жизни, т. е. той формы, которая не располагаетъ къ осѣдлой жизни и не прикрѣпляетъ человѣка къ землѣ, какъ это дѣлаетъ земледѣліе. Соотвѣтственно съ этимъ бродячимъ состояніемъ и жилище финновъ не могло быть прочнымъ.

Этимъ первобытнымъ жилищемъ долженъ былъ быть шалашъ Распространеніе одинаковаго названія шалаша у различныхъ финскихъ народностей (*kota* — тавастовъ, *koda*— эстовъ, *kata*—лопарей, *kud*—черемисовъ и мордвы - мокши, *kudo*—мордвы-ерзи, *koda* или *kuoda* — ливовъ, *kodi*—вепсовъ, *gid*—вотяковъ, у послѣднихъ въ значеніи конюшни, двора, *hot*—остяковъ [1]) доказываетъ, что постройка подъ названіемъ *kota* и пр. была общераспространена у финновъ какъ восточной, такъ и западной группъ; а фактъ, что у нѣкоторыхъ племенъ подъ этимъ именемъ разумѣется сохранившаяся до настоящаго времени жилая постройка въ видѣ шалаша (т.-е. наиболѣе первобытная), служитъ доказательствомъ, что и тѣ финскія племена, которыя въ настоящее время подъ этимъ именемъ разумѣютъ уже болѣе культурныя постройки (черемисы, мордва вотяки), лишь перенесли на болѣе позднюю форму жилья старое названіе, употреблявшееся нѣкогда для обозначенія шалаша.

Шалашъ, какъ *постоянное* жилище, не встрѣчается въ настоящее время ни у одного изъ финскихъ племенъ, живущихъ на западѣ, за исключеніемъ скандинавскихъ кочевыхъ лопарей. Но какъ постройка, которая служитъ для жилья въ теченіе извѣстнаго періода времени или для приготовленія пищи лѣтомъ, онъ еще широко распространенъ, преимущественно въ западныхъ областяхъ мѣстожительства финновъ. Въ наиболѣе первобытной формѣ мы встрѣчаемъ шалашъ у скандинавскихъ кочевыхъ лопарей—*kata*. *Ката* дѣлается изъ жердей, соединенныхъ вмѣстѣ; этотъ остовъ покрывается лѣтомъ парусиной, зимой толстымъ войлокомъ. Зданіе имѣетъ конусообразную форму. На верху дѣлается отверстіе для дыма. Вышиной этотъ шалашъ 2 метра 75 центм., шириной у основанія 3—4 метра. Внутри на перекладинѣ виситъ котелъ надъ очагомъ, который складывался въ прежнее время изъ неотесанныхъ камней; у стѣнъ стоятъ сундуки съ домашнимъ скарбомъ; оленьи шкуры служатъ постелями; на полу, по стѣнамъ, лежатъ также

[1]) *Ahlquist*. Die Kulturwörter der westfinnichen Sprachen, стр. 104.

и палки, и оружіе, и припасы. Въ такомъ шалашѣ живетъ цѣлая семья, подчасъ 5—7 человѣкъ [1]) Къ этому типу первобытнаго жилья финновъ слѣдуетъ отнести и походный шалашъ русскихъ лопарей — *кувакса*. Онъ состоитъ изъ наклонно-поставленныхъ жердей, связанныхъ наверху всѣ вмѣстѣ. Жерди покрываются парусиной на половину или $^2/_3$ ихъ высоты, такъ что остается довольно большое пространство для выхода дыма. Посрединѣ куваксы раскладываютъ огонь, а котелъ привѣшивается къ мѣсту, въ которомъ жерди связаны. Кувакса, однако, употребляется русскими лопарями только при перекочевкахъ и не служитъ жилищемъ на болѣе долгое время [2]). Какъ разновидность первобытнаго шалаша, слѣдуетъ, быть можетъ, считать покрытый циновками и нерѣдко холстомъ шалашъ, который вотяки устраиваютъ иногда на лѣто въ лѣсахъ, и о которомъ упоминаетъ вскользь Гейкель (стр. 79) со словъ Бехтерева. Развитіе шалаша въ болѣе прочную постройку мы можемъ наблюдать на вѣжахъ русскихъ лопарей. Вѣжи, *кю(у)итъ*, служатъ русскимъ лопарямъ жилищами бóльшую часть года. Онѣ стоятъ на весеннихъ, лѣтнихъ и осеннихъ мѣстахъ, куда лопари перекочевываютъ для рыбнаго промысла, такъ что лопарь мѣняетъ вѣжу на болѣе постоянное жилище лишь на зимнее время, когда промыслы прекращаются и лопари сосредоточиваются въ своихъ деревняхъ. Вѣжа сохраняетъ всѣ признаки шалашеобразной постройки, но дѣлается прочнѣе и не такъ легко разбирается и переносится, какъ *kata*. *Кюитъ* представляетъ сложенную изъ жердей и досокъ четырехгранную пирамиду (а не конусъ, какъ *kata*) вышиной не больше $2^1/_2$—3 арш.; снаружи она покрывается дерномъ, частью вѣтвями и хворостомъ; съ внутренней стороны жерди прикрыты досками. Входить въ вѣжу можно лишь черезъ очень небольшую, крайне низкую двустворчатую дверь, приноровленную такъ, что она быстро захлопывается. Посреди вѣжи устраивается очагъ; дымъ выходитъ черезъ отверстіе, оставляемое на верху. Въ остальномъ убранство вѣжи сходится съ убранствомъ *kata* скандинавскихъ лопарей [3]).

---

[1]) *Koechlin-Schwartz.* Un touriste en Laponie, стр. 235.
[2]) *Н. Харузинъ*: Русскіе лопари, стр. 100.
[3]) Ibid., стр 100.

Переходя отъ лопарей въ Финляндію и Карелію, мы встрѣчаемъ тотъ-же первобытный шалашъ у тавастовъ и кареловъ—это *kota*. „Кто путешествовалъ по сѣверной Финляндіи,—пишетъ Алквистъ,—тотъ не можетъ, конечно, не замѣтить среди прочихъ построекъ одно небольшое строеніе, непремѣнно встрѣчающееся, какъ у бѣднаго, такъ и у богатаго крестьянина. Это строеніе имѣетъ коническую форму и сложено изъ очищенныхъ отъ коры еловыхъ и сосновыхъ кольевъ, длиной отъ 8 до 12 аршинъ и толщиной отъ 4 до 5 дюймовъ. Тонкіе концы сходятся къ верху и чѣмъ-нибудь скрѣпляются, но такъ, что образуютъ отверстіе для дыма. Подъ этимъ отверстіемъ... находится очагъ, обыкновенно сложенный изъ мягкаго плоскаго камня;... на крюкѣ, прикрѣпленномъ нѣсколько выше къ поперечной перекладинѣ, вѣшается чугунный котелъ. Сбоку находится входъ съ легкою изъ тонкихъ досокъ дверью. Такое строеніе финляндскіе шведы называютъ *kölna*, а финны — *kota*, и служитъ оно теперь только кухней или прачечной, особенно въ теплое время года или въ такую пору, когда по какой-либо причинѣ не хотятъ разводить огня въ домашнемъ очагѣ“ [1]). Кота описана также и Ретціусомъ [2]). У самихъ финляндцевъ сохранилось воспоминаніе о *kota*, какъ первобытномъ жилищѣ; Алквистъ приводитъ слѣдующую народную поговорку: „древнѣйшею ловушкой было брюхо, древнѣйшею посудой была горсть, древнѣйшимъ жильемъ—кота“. Г. Гейкель отмѣчаетъ у тавастовъ весьма интересное соединеніе коты съ формой постройки болѣе поздняго типа, служащей въ настоящее время баней. Кота, сложенная изъ жердей, пристраивается къ банѣ и служитъ какъ-бы преддверіемъ послѣдней (стр. 144). Такого рода пристройки къ болѣе древнимъ формамъ жилища болѣе новыхъ видовъ его мы неоднократно встрѣтимъ въ исторіи финскаго жилья.

Наконецъ, первобытный шалашъ, употребляемый въ качествѣ кухни, сохранился и у эстовъ. Въ 40-хъ годахъ нашего столѣтія такого рода кухни не представляли рѣдкости, если судить по словамъ Крузе [3]), который, характеризуя дома эстовъ, отмѣчаетъ, что кухня строилась изъ еловыхъ жердей, поставленныхъ въ кругъ.

---

[1]) О древ. культурѣ зап. финновъ въ Журн. Мин. Нар. Пр. Іюль, 1877, стр. 166, 167.

[2]) *G. Retzius*: Finnland, стр. 24. Рисунокъ коты, стр. 25.

[3]) *Kruse*: Urgeschichte des esthnischen Volksstammes, стр. 350.

Въ настоящее время кухни-кота встрѣчаются рѣдко. А. Д. Солодовниковъ [1]), собравшій обширный матеріалъ по устройству эстонскихъ жилищъ, не видалъ подобной кухни, по крайней мѣрѣ на материкѣ въ Эстляндской губ. Тѣмъ больше интереса пріобрѣтаетъ сообщаемый г. Гейкелемъ фактъ, что на о. Даго и около Феллина (Лифляндской губ.) кота встрѣчается еще и продолжаетъ служить кухней. Описываемая г. Гейкелемъ (стр. 131) кота на о. Даго стояла на дворѣ, вдали отъ прочихъ построекъ (устройство коты вдали отъ остальныхъ построекъ отмѣчаетъ и Аспелинъ у тавастовъ). Надъ поверхностью земли поднималась сложенная изъ камней круглая стѣнка, въ передней сторонѣ которой находилось отверстіе высотой въ ростъ человѣка, служившее входомъ. Надъ каменнымъ кругомъ поднималась коническая крыша, сложенная изъ жердей. Въ срединѣ кухни помѣщался очагъ, обставленный лишь немногими камнями, а надъ нимъ на перекладинѣ висѣлъ котелъ (Рис. 1). Такого рода шалашеобразная постройка носитъ общее названіе *kök*, т. е. кухня. Въ только что описанной эстонской кухнѣ нетрудно угадать видъ общефинской коты, хотя въ способѣ устройства она и отклонилась въ довольно значительной степени отъ первобытнаго шалаша, который мы видѣли у скандинавскихъ лопарей въ ихъ *kata*, въ *куваксъ* русскихъ лопарей, въ *kata* тавастовъ и кореловъ, и даже отъ того типа, который описывается Крузе у эстовъ. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ дальнѣйшимъ развитіемъ шалаша, какъ жилища,—явленіе, аналогичное тому, которое мы отмѣтили у русскихъ лопарей при описаніи вѣжи, именно, стремленіе приноровить легко разбираемый шалашъ къ условіямъ болѣе осѣдлой жизни, дѣлая его болѣе прочнымъ и менѣе портативнымъ. Эстонская кухня съ о. Даго представляетъ интересный примѣръ консерватизма при устройствѣ жилыхъ и хозяйственныхъ построекъ, когда при измѣнившихся условіяхъ и при употребленіи другого матеріала сохраняется старая форма: шалашъ, сложенный изъ приставленныхъ другъ къ другу жердей, естественно принималъ круглую форму; при переходѣ къ постройкѣ изъ камня эстонецъ счелъ нужнымъ сохранить круглую форму и покрыть эту постройку шатровидной крышей.

---

[1]) *Солодовниковъ*: „Жилище эстонцевъ въ его постепенномъ развитіи“, печ. во „Временникѣ“ Эстляндск. Губ. Ст. Ком.

Переходя къ восточнымъ финнамъ, мы замѣчаемъ, что шалашеобразныя постройки, повидимому, не исчезли вполнѣ даже у мордвы, хотя она вообще и сильно подвергается русскому вліянію. Г. Гейкель (стр. 1) сообщаетъ, что у мордвы и у чувашей Симбирской губ. встрѣчаются риги, сложенныя изъ жердей либо непосредственно надъ поверхностью земли, либо надъ ямой; среди этой конусообразной риги устраивается совершенно открытый очагъ. Входъ въ ригу образуется тѣмъ, что нѣкоторыя изъ жердей короче остальныхъ и не достигаютъ земли. Г. Гейкель, впрочемъ, оговаривается, что ему лично подобныхъ ригъ-шалашей не приходилось видѣть самому.

По словамъ г. Сорокина (свѣдѣнія относятся къ 50-мъ годамъ), зыряне устраиваютъ на мѣстѣ производства охоты шалаши, крытые хвоей и скалою и съ отверстіемъ для выхода дыма [1]). И. Н. Смирновъ отмѣчаетъ, что у пермяковъ на верховьяхъ Камы встрѣчается овинъ, сдѣланный изъ тонкихъ жердей — остовъ былого чума [2]). Наконецъ, у наименѣе культурныхъ восточно-финскихъ народностей—остяковъ и вогуловъ, шалашъ продолжаетъ еще служить жилищемъ. Такъ остяки, занимающіеся оленеводствомъ, постоянно живутъ въ *чумахъ*. „Посреди снѣжной глади, раскинутые на значительное пространство одни отъ другихъ, поднимаются остроконечные возвышенные чумы, покрытые лѣтомъ берестою, зимою — оленьими шкурами. Дымъ поднимается высоко изъ отверстій, продѣланныхъ на верху чумовъ, отъ очага, располагаемаго обыкновенно по самой серединѣ этого незатѣйливаго жилища“ [3]). Чумъ, по словамъ г. Юрьева, устраивается остяками слѣдующимъ образомъ: нѣсколько длинныхъ жердей вбиваются нижними концами въ землю, въ довольно близкомъ разстояніи одна отъ другой, и образуютъ круглое основаніе; потомъ двѣ жерди изъ вбитыхъ перевязываются вмѣстѣ, а верхушки остальныхъ перекладываются крестообразно между связанными концами ихъ. Лѣтомъ этотъ конусообразный шатеръ кроется сверху сшитою берестою [4]), а на-

---

1) *К. А. Поповъ*: Зыряне и зырянскій край. Тр. Этногр. Отд. И. О. Л. Е., А. и Э. III, вып. 2-й, стр. 75.

2) *И. Н. Смирновъ*: Пермяки, стр. 194.

3) Мірской Вѣстникъ, 1877, № 11, стр. 47.

4) По словамъ нѣкоторыхъ изслѣдователей, береста предварительно вываривается, чтобы сдѣлать ее болѣе мягкою.

верху оставляется отверстіе для дыма; зимою-же жерди обкладываются сшитыми вмѣстѣ оленьими шкурами: одна покрышка шерстью внизъ, другая-же — вверхъ шерстью. Боковое отверстіе, съ прикрѣпленною берестою, или зимою оленьею шкурою, оставляется въ родѣ дверей, всегда подъ вѣтромъ. Основаніе чума извнѣ обкладывается землею и мхомъ. Внутри, по сторонамъ чума на землѣ стелются ковры, сплетенные изъ прутьевъ, сверхъ которыхъ уже накладываются оленьи шкуры. Посреди чума подъ верхнимъ отверстіемъ, оставленнымъ для дыма, разводится почти неугасающій огонь; надъ огнемъ вѣшается на крюкъ прикрѣпленный къ перекладинѣ котелъ [1]). Полуосѣдлые остяки пользуются шалашомъ какъ жилищемъ только лѣтомъ. Лѣтній шалашъ вогуловъ весьма сходенъ съ чумомъ остяковъ: это также остроконечный шалашъ изъ жердей, покрытыхъ берестой [2]). Гартвигъ упоминаетъ о лѣтней юртѣ остяковъ, устройство которой является переходомъ отъ переноснаго шалаша къ болѣе постоянному шалашеобразному жилищу. Лѣтняя юрта, —пишетъ онъ,—имѣетъ обыкновенно четыреxугольную форму, низкія стѣны и высокую остроконечную крышу, остовъ которой состоитъ изъ ивовыхъ жердей; сверху ихъ покрываютъ вѣтвями ивъ и берестой, предварительно выварениой и сшитой въ большія одѣяла [3]). Описанная форма юрты представляетъ постройку аналогичную лопарской вѣжѣ и кухнѣ на о-вѣ Даго; она занимаетъ среднее между той и другой.

Приведенныхъ примѣровъ достаточно для доказательства общераспространенности шалашеобразныхъ построекъ у финскихъ племенъ: онѣ встрѣчаются какъ на востокѣ, такъ и на западѣ, отчасти употребляемыя и теперь еще въ качествѣ жилища, отчасти утративъ уже свое первоначальное назначеніе, но сохранившіяся въ ряду прочихъ хозяйственныхъ построекъ, какъ воспоминанія о далекомъ, давнопрошедшемъ бытѣ до-осѣдлаго періода жизни.

Слѣдующимъ за шалашомъ типомъ въ исторіи финскаго жилища является, повидимому, *землянка*. Г. Гейкель, какъ кажется, склоненъ шалашъ и землянку считать одновременно появляющимися типами. Этотъ взглядъ г. Гейкеля кажется намъ недоста-

---

[1]) *Юрьевъ*: Топогр. опис. сѣв. Урала. Зап. И. Р. Г. О. VI, стр. 285.

[2]) *Сорокинъ*: Путешествіе къ вогуламъ. Тр. Общ. Естествоисп. при Казанскомъ Унив. III, № 4, стр. 30.

[3]) *Hartwig*: Der hohe Norden, стр. 139.

точно обоснованнымъ. Землянка предполагаетъ, если и не вполнѣ осѣдлый бытъ, то во всякомъ случаѣ такой, который заставляетъ людей постоянно, въ теченіе долгаго времени, возвращаться на одно и то-же мѣсто, что едва ли можно утверждать относительно древнѣйшаго быта финновъ. Кромѣ того, какъ ни кажется простымъ устройство землянокъ, оно является сравнительно съ шалашомъ большимъ культурнымъ прогрессомъ, не позволяющимъ считать землянку первоначальнымъ жилищемъ человѣка. Наконецъ, противъ принятія положенія г. Гейкеля говоритъ и то, что даже въ настоящее время нѣкоторые представители финскаго племени имѣютъ своимъ единственнымъ жилищемъ шалашъ (скандинавскіе кочевые лопари и кочевые остяки). Г. Гейкель, высказывая свой взглядъ, исходитъ изъ своего основного положенія классифицировать жилища преимущественно на основаніи устройства очаговъ; въ виду того, что въ наипростѣйшемъ типѣ землянокъ очагъ устроенъ крайне первобытно, г. Гейкель склоненъ относить и саму землянку къ одной эпохѣ съ шалашомъ; но въ исторіи развитія племени мы не имѣемъ основанія ожидать, чтобы съ культурнымъ прогрессомъ въ одной сторонѣ внѣшняго быта шелъ непосредственно рука объ руку прогрессъ и въ другой сторонѣ. Вотъ почему, при переходѣ отъ шалаша къ болѣе сложной постройкѣ жилища, финны могли еще долго сохранить древнюю форму очага, который вполнѣ удовлетворялъ въ то время ихъ потребностямъ въ теплѣ. Какъ-бы то ни было, но во всякомъ случаѣ, въ лицѣ землянки мы имѣемъ весьма древній типъ жилища, который въ настоящее время сохранился у финскихъ племенъ почти всюду въ качествѣ переживанія.

Землянки въ тѣсномъ значеніи слова почти вышли совершенно изъ употребленія у всѣхъ финскихъ народностей. Но что обычай жить въ подземныхъ жилищахъ былъ нѣкогда широко распространенъ у нихъ, на это имѣется много какъ прямыхъ, такъ и косвенныхъ указаній. Такъ, напр., у Ибнъ-Даста (X в.) мы встрѣчаемъ свидѣтельство, что народы около волжскихъ булгаръ на зиму поселяются въ ямахъ, покрывая послѣднія крышами и присыпавъ сверху землею. Хотя цитированный арабскій путешественникъ и не говоритъ, какіе именно народы имѣли это обыкновеніе, но въ виду того, что археологическія изысканія позволяютъ думать, что въ X в. области около булгаръ были населены финнами, мы не

видимъ основанія не относить этого извѣстія къ финскимъ племенамъ, тѣмъ болѣе, что весьма распространенное народное преданіе заставляетъ финновъ строить себѣ подземныя жилища. Какъ образецъ подобнаго преданія, варіанты котораго часто встѣчаются въ мѣстностяхъ, гдѣ русское населеніе вытѣснило коренное финское, приводимъ записанное въ Шенкурскомъ у.: „Чудь, защищая отчаянно свою землю отъ вторженій новгородцевъ, ни за что не хотѣла покориться пришельцамъ... При явной неудачѣ отпора, нѣкоторые изъ чуди бѣжали въ лѣса, другіе добровольно умерщвляли себя копьями и луками, иные со всѣмъ своимъ имѣніемъ погребались живыми въ глубокихъ рвахъ... Закапывалась въ землю Чудь, по преданію, такимъ образомъ: выкапывали ямы, ставили по угламъ столбики, дѣлали надъ ними крыши, накладывали на крыши камни и землю, потомъ сходили въ ямы съ имуществомъ, и подрубивъ подставки, погибали“ [1]). Г. Гейкель (стр. 27) упоминаетъ, что у мордвы сохранились преданія о жилищахъ подъ землей. Въ Финляндіи сохранились около древнихъ могильниковъ ямы, въ которыхъ обыкновенно видятъ остатки землянокъ; наконецъ, Кастренъ, а за нимъ и другіе, отмѣчаютъ аналогичные остатки подземнаго жилья (стр. 249). „Въ окрестностяхъ Каяны и въ русской Кареліи, пишетъ Кастренъ, я имѣлъ случай видѣть такъ называемые лопарскіе курганы, могилы (Lapin haudat), которыя уже несомнѣнно лопарскаго происхожденія.. Онѣ, по преданію, служили жилищами для лопарей, и въ самомъ дѣлѣ, онѣ весьма похожи на нѣкоторыя палатки, видѣнныя мною въ безлѣсныхъ краяхъ Лапландіи. Это ничто иное, какъ ямы съ конусообразными крышами изъ дерева, камня и торфа. По разсказамъ, такія крыши были нѣкогда и на такъ называемыхъ лопарскихъ курганахъ, находящихся въ сѣверной Финляндіи и Кареліи. Въ этихъ курганахъ находились уголь, обожженные камни, разныя желѣзныя вещи и проч., что подтверждаетъ разсказы о томъ, что они нѣкогда служили жилищами» [2]). Рециусъ, цитируя Алквиста, на основаніи данныхъ языка описываетъ слѣдующими словами первобытную финскую землянку: другимъ видомъ жилища (первымъ Алквистъ считаетъ *коту*) была sauna—яма, вырытая въ землѣ, съ крышей, поднимающейся надъ

---

[1]) *П. Ефименко*: Заволоцкая Чудь, стр. 9, 10,

[2]) Этнограф. замѣчанія и пр. Кастрена въ Этногр. Сб., IV, стр. 254.

поверхностью. Устройство такого рода жилища было до крайности просто: оно имѣло отверстіе для входа; наверху было устроено отверстіе для выхода дыма; посрединѣ помѣщался очагъ, состоящій изъ двухъ трехъ нескрѣпленныхъ другъ съ другомъ камней, но въ немъ не было ни пола, ни оконъ, такъ какъ свѣтъ проникалъ или черезъ открытую дверь, или черезъ дымовое отверстіе [1]). Въ „Описаніи новой земли сирѣчь Сибирскаго царства“ подземныя жилища остяковъ характеризуются въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „А живутъ въ лѣсахъ темныхъ надъ водами; зимные юрты деревянные въ земляхъ, аки въ погребахъ отъ великихъ мразовъ“. И. Н. Смирновъ справедливо замѣчаетъ, что приведенное описаніе уясняетъ значеніе находимыхъ у пермяковъ ямъ, нѣчто въ родѣ погребовъ, съ опущенными въ землю срубами; въ этихъ остаткахъ мы имѣемъ памятники, рисующіе древнее пермяцкое подземное жилище. О землянкахъ, служившихъ жильемъ, по словамъ г. Добротворскаго, и теперь еще живы воспоминанія у пермяковъ Орловскаго у. [2]) Лингвистическія данныя приводятъ г. Смирнова къ заключенію, что и у вотяковъ первоначальнымъ жилищемъ (кромѣ шалаша) была яма, выкопанная въ землѣ и покрытая кровлей [3]). Въ настоящее время у разныхъ финскихъ народностей сохранились еще жилыя постройки, на половину врытыя въ землю. Встрѣчаются, однако, еще землянки въ чистомъ видѣ, но не имѣющія уже назначенія жилищъ. Въ такого рода землянкахъ, въ виду архаичности ихъ типовъ, нетрудно угадать постройки, нѣкогда служившія болѣе или менѣе постояннымъ жилищемъ.

Наиболѣе древнимъ типомъ относящихся къ этой группѣ построекъ г. Гейкель вполнѣ основательно считаетъ особый видъ риги-землянки, встрѣчаемый у горныхъ черемисовъ (стр. 1—3, рис. 2) и извѣстный у нихъ подъ названіемъ *än*. Этотъ видъ риги представляетъ яму, локтя 3 длины, локтя 2 ширины и болѣе 2 локтей глубины. Крыша надъ ямой (*än kuda lewäs* или *än wilwäl*) сложена изъ досокъ и покрыта землей, причемъ она находится на одной плоскости съ поверхностью почвы, кромѣ той части крыши, которая поднимается надъ печкой: въ этомъ мѣстѣ надъ

1) *Retzius*, Finnland, стр 4.

2) *И. Н. Смирновъ*, Пермяки, стр. 126, 127, 193.

3) *И. Н. Смирновъ*, Вотяки, стр. 87.

дымовымъ отверстіемъ устроенъ конусъ изъ жердей (*än rawa*). Входить въ землянку можно лишь черезъ отверстіе (видное на рисункѣ 2 съ правой стороны); внутри устроена печь [1]). Близко къ этому виду землянки подходитъ изученный г. Гейкелемъ типъ овина у мордвы—мокши и ерзи (стр. 3, рис. 3, 4 и 5). „Owen мордвы-мокши и Awnjá (овинъ),—пишетъ г. Гейкель,—маленькая постройка, которая поднимается надъ поверхностью земли, какъ обыкновенное зданіе. Въ срединѣ пола подземной части постройки находится первобытный очагъ. Въ яму можно проникнуть только съ одной стороны по лѣстницѣ (рис. 4 d); потолокъ (*patalok*) подземной части находится на одномъ уровнѣ съ почвой (рис. 4 а); потолокъ съ двухъ сторонъ открытъ. Выше на $1/_2$ локтя находятся подпорки (b), на которыхъ покоятся жерди (olganä). На жерди кладутся въ рядъ снопы, которые кидаются черезъ дверь. Дымъ и тепло поднимаются въ верхнее помѣщеніе, черезъ отверстія въ потолкѣ. Этотъ видъ землянки представляетъ уже переходъ отъ чисто подземнаго жилища къ надземному. Подобныхъ переходныхъ построекъ у финновъ очень много и къ обозрѣнію ихъ мы и переходимъ.

Г. Гейкель (стр. 19) отмѣчаетъ, что у чувашей (а также у русскихъ), деревни которыхъ расположены на высокомъ берегу Волги и Камы, ему приходилось встрѣчать бани, врытыя въ береговой склонъ, такъ что наружу выходили только покрытыя землей крыши, снабженныя въ иныхъ случаяхъ дымовыми трубами, сдѣланными изъ выдолбленныхъ липовыхъ стволовъ, и одна, либо деревянная, либо сдѣланная изъ плетня, стѣна, въ которой находилась дверь. Печка въ этихъ баняхъ помѣщалась у задней стѣны; печное отверстіе было направлено къ двери, т.-е. печка имѣла то-же положеніе, какъ и въ описанной черемисской än—ригѣ. Такія же бани извѣстны и у мордвы, продолжаетъ Гейкель, ссылаясь на „Пензенскія Губ. Вѣд.", 1865, № 39. Въ Финляндіи г. Гейкелю (стр. 248)

---

[1]) Быть можетъ, одинъ изъ наиболѣе древнихъ типовъ землянки слѣдуетъ искать въ современныхъ погребахъ эстовъ и черемисовъ: погреба представляютъ вырытыя въ землѣ ямы, причемъ надъ поверхностью земли поднимается только крыша, коническая или четырехскатная. Отсутствіе прямыхъ данныхъ не позволяетъ безусловно считать современные погреба эстовъ и черемисовъ повторяющими типы первобытныхъ землянокъ, служившихъ нѣкогда жилищемъ, но не лишенъ интереса фактъ, что эсты означаютъ погребъ, какъ и землянки, одинаковымъ словомъ *saunake*—слово, которое употребляется также для названія болѣе позднихъ формъ жилища.

удалось видѣть двѣ жилыя постройки, врытыя на половину въ землю. Одна изъ нихъ (рис. 4) состояла изъ маленькой передней и небольшой комнаты. Другая (къ сожалѣнію, не зарисованная) представляла еще болѣе архаичныхъ чертъ: она находилась еще болѣе подъ землей, причемъ единственнымъ входомъ въ нее являлось отверстіе въ крышѣ, отверстіе, которое служило также для выхода дыма. У остяковъ, отмѣчаетъ г.Гейкель, до сихъ поръ встрѣчаются юрты,на половину врытыя въ землю. Слѣдуеть, наконецъ, имѣть въ виду, что у эстовъ баня (въ настоящее время надземная постройка) и землянка означаются однимъ и тѣмъ же словомъ: *sauna*, *saunake*, и что у тавастовъ это же слово *sauna* означаетъ и землянку и баню [1]).

Характеръ подземныхъ жилищъ, по словамъ г. Смирнова, сохранился у пермяковъ и теперь еще въ тѣхъ избушкахъ, которыя устраиваются ими для лѣсованія. „Остатки такихъ жилищъ въ видѣ ямъ видѣлъ самъ г. Добротворскій на горномъ берегу р. Летьки. Видятъ ихъ въ большомъ количествѣ и въ сосѣдней Вологодской губ.; тамъ онѣ встрѣчаются группами по 10 — 15, представляя собой цѣлыя исчезнувшія селенія“. Типомъ этихъ землянокъ является древнее пермяцкое жилище, которое характеризуется г. Добротворскимъ слѣдующими чертами: „многіе рыли себѣ жилище въ землѣ, закрывая его сверху прутьями и жердями. Пола въ такихъ землянкахъ не было, для спанья на землю подстилали сѣно. Пещеры нагрѣвались при помощи „теплины“, которая раскладывалась посрединѣ ямы. Землянки вырывались обыкновенно на высокомъ мѣстѣ, гдѣ-нибудь на берегу рѣки, на пригоркѣ, среди лѣса“ [2]).

Существованіе у разныхъ финскихъ народностей типовъ переходныхъ отъ землянки къ надземнымъ постройкамъ, примѣры которыхъ мы привели, наводитъ г. Гейкеля на предположеніе, что надземныя бревенчатыя постройки, которыя являются въ настоящее время господствующими среди большинства финскихъ народностей, возникли благодаря постепенному поднятію ихъ изъ земли на поверхность. Подтвержденіе своего предположенія онъ видитъ въ устройствѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у эстовъ бань (стр. 139—141,

[1]) *Johanson* — Pärna Wene-Eesti Sõna-Raamat (русско-эстонскій словарь). *Retzius* Finnland, стр. 4 и 91.

[2]) *И. Н. Смирновъ*, Вотяки, стр. 88.

рис. 5) „При взглядѣ на этотъ рисунокъ, пишетъ онъ, мы замѣчаемъ, что печку видно снаружи, т.-е. что она пробиваетъ стѣну. Говорятъ, что на о. Эзелѣ встрѣчаются бани, гдѣ въ самой банѣ находится только печное отверстіе, а остальная часть печки находится внѣ ея, снаружи. Нагрѣвается баня такимъ образомъ только черезъ печное отверстіе. Съ удивленіемъ останавливаешься передъ этимъ своеобразнымъ способомъ постройки, который мало приноситъ пользы для нагрѣванія бани, такъ какъ при этомъ большая часть тепла идетъ на вѣтеръ.

«Если мы теперь сравнимъ современную эстонскую баню съ тѣми на половину врытыми въ землю ригами и банями, встрѣчающимися въ поволжскихъ мѣстностяхъ, о которыхъ мы говорили выше, то мы найдемъ, быть можетъ, объясненіе этому странному обычаю. Представимъ себѣ такую, часто лежащую на склонѣ горы баню, задняя сторона которой находится подъ землей, въ то время какъ крыша находится почти на поверхности почвы. Переднюю часть такой бани образуютъ стѣна съ входною дверью и отчасти боковыя стѣны. Въ подобныхъ постройкахъ печки не укрѣпляются балками (или стѣнами), такъ какъ печки лежатъ непосредственно на землѣ или на склонѣ. Главное отличіе такой бани отъ современной эстонской состоитъ въ томъ, что послѣдняя окончательно поднялась надъ поверхностью земли и обнажила такимъ образомъ камни, образующіе печку. Причина, что въ поволжскихъ областяхъ мнѣ не приходилось видѣть бань или ригъ этого типа, т. е. съ видимыми снаружи печками, заключается, быть можетъ, въ томъ, что тамъ вслѣдствіе недостатка въ камнѣ, дѣлаютъ печки изъ глины, и какъ таковыя эти печки нуждаются больше въ подпоркахъ, которыми имъ служатъ стѣны. Это же и было причиной, почему въ поволжскихъ областяхъ оказывалось необходимымъ строить стѣны вокругъ печки, когда она поднимается надъ поверхностью земли. Что эстонскія бани могутъ имѣть то же происхожденіе, какъ риги и бани поволжскія, доказывается также тѣмъ, что во многихъ эстонскихъ баняхъ печка находится въ заднемъ углу, обстоятельство, которое здѣсь такъ же, какъ и въ Поволжьѣ, является признакомъ первобытности въ исторіи развитія снабженныхъ печками построекъ". Приведенное предположеніе г. Гейкеля, несомнѣнно, остроумно объясняетъ странную постройку описаннаго типа эстонскихъ бань; но едва ли

мы въ правѣ распространять это объясненіе и на другія формы надземныхъ построекъ, которыя встрѣчаются у финскихъ народностей и по типу своему обличаютъ глубокую древность своего происхожденія. Причины, препятствующія намъ обобщить догадку г. Гейкеля, будутъ нами изложены ниже.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію надземныхъ построекъ у финновъ, считаемъ необходимымъ отмѣтить, что изображенныя на рис. 4—6 постройки, при всей ихъ первобытности, носятъ на себѣ печать болѣе новаго времени въ устройствѣ крышъ, такъ какъ (это будетъ отмѣчено ниже) крыши со скатами появляются въ качествѣ результата дальнѣйшаго развитія финскаго жилья.

Изъ всѣхъ встрѣчающихся въ настоящее время надземныхъ жилыхъ построекъ у финновъ наибольшую простоту въ планѣ и внѣшнемъ и внутреннемъ устройствѣ представляетъ четырехгранный срубъ съ плоской крышей. У нѣкоторыхъ племенъ онъ пересталъ играть роль жилого помѣщенія и употребляется или въ качествѣ бани или лѣтней кухни, но зато у другихъ онъ является или являлся еще въ неотдаленную эпоху единственнымъ прочнымъ жильемъ, стоящимъ выше коты и землянки. Это обстоятельство заставляетъ считать этотъ типъ непосредственно слѣдующимъ въ исторіи развитія финскаго жилища за шалашомъ и землянкой, при чемъ онъ претерпѣлъ во многихъ мѣстностяхъ ту-же историческую судьбу, какъ и два предшествовавшіе ему типа: прослуживъ долго жилищемъ, онъ, какъ и землянка, постепенно утрачиваетъ свое прямое назначеніе, замѣняется болѣе культурными и развитыми постройками и только вслѣдствіе народнаго консерватизма продолжаетъ существовать какъ переживаніе эпохи, когда появленіе его означало сравнительно большой шагъ на пути цивилизаціи финскаго племени.

Однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ типовъ этого рода жилья слѣдуетъ, повидимому, считать *пыртъ* русскихъ лопарей. *Пыртъ*—четырехугольный бревенчатый срубъ съ плоской крышей, засыпанной землею; сквозь небольшую дверь входятъ въ маленькія сѣни, изъ которыхъ ведутъ двѣ двери: направо—въ нежилое помѣщеніе, гдѣ держатъ обыкновенно овецъ, налѣво—въ жилую комнату, гдѣ и помѣщается вся лопарская семья. Размѣръ этой комнаты не больше подчасъ квадратной сажени, высота не болѣе сажени, такъ что пыртъ представляетъ изъ себя почти что кубъ.

Въ углу, у двери поставленъ каминъ (комелекъ-чувалъ), довольно грубо сложенный изъ неотесанныхъ камней на глинѣ или извести; комелекъ обыкновенно выбѣленъ; отъ полукруглаго отверстія, куда ставятъ дрова стоймя, идетъ широкая труба, выпускающая дымъ наружу. Въ стѣнѣ, противоположной двери, продѣланы небольшія окна (чаще одно). Убранство пырта состоитъ изъ скамеекъ, поставленныхъ вдоль стѣнъ, стола и полокъ, на которыхъ разставлена разная домашняя посуда. Полъ устланъ обыкновенно древесными вѣтвями. Около комелька, вдоль стѣны, отгорожено небольшое пространство, посредствомъ положенныхъ бревенъ; это мѣсто считается лопарями священнымъ [1]). Скандинавскіе осѣдлые лопари живутъ въ совершенно схожихъ по плану и размѣрамъ съ пыртомъ жилищахъ, которыя называются ими *тупа*. Послѣдняя отличается отъ пырта развѣ большей чистотой и большимъ богатствомъ обстановки, такъ какъ скандинавскіе осѣдлые лопари въ въ общемъ зажиточнѣе русскихъ.

Какъ ни просты пыртъ и тупа, они не являются однако еще наиболѣе простыми типами этого рода: маленькія сѣни и помѣщеніе для овецъ слѣдуетъ считать болѣе поздними прибавками, а каминъ съ трубой занялъ мѣсто первобытнаго простого очага.

У зырянъ мы встрѣчаемъ болѣе простой типъ построекъ этого рода, которыя имъ служатъ для ночлега во время охоты: «Слѣдуя къ мѣсту охоты, промышленники (зыряне) останавливаются въ т. наз. *пывзянахъ*, которые разсѣяны по всему пространству зырянскаго края, одинъ отъ другого на разстояніи 7, 10, 15 верстъ... *Пывзянъ* буквально значитъ *баня*. И дѣйствительно, онъ устраивается, какъ баня: это—бревенчатая избушка въ 5—6 рядовъ, покрытая на одинъ скатъ досками; на крышу насыпается земля; въ углу кладется каменка, какъ въ черныхъ баняхъ; по стѣнамъ, у самаго потолка, устраиваются нары, которыя замѣняютъ банный полокъ; двери прорубаются низенькія и плотно притворяющіяся. Такимъ образомъ пывзяны служатъ и мѣстами ночлега и банями... При пывзянахъ, въ сторонѣ, для храненія добычи устраиваются *щамьи*, т. е. особые чуланы или кладовыя въ видѣ голубятни, иногда на 4-хъ, а иногда и на одномъ столбѣ, подтесанномъ книзу въ видѣ конуса. Онѣ отво-

[1]) Н. Харузинъ. Русскіе лопари. стр 98, 99.

ряются снизу посредствомъ небольшой доски» [1]). Въ приведенномъ описаніи пывзяна не трудно угадать пыртъ и тупу лопарей. Если пывзянъ въ настоящее время и служитъ только для ночлеговъ охотниковъ, все-же едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что онъ прежде былъ обыденнымъ жилищемъ зырянина, какъ пыртъ въ настоящее время у лопарей.

У пермяковъ изба бѣднѣйшихъ сохранила до сихъ поръ всѣ признаки пывзяна; близкое сходство съ зырянскими пывзянами представляютъ также пермяцкія бани и охотничьи избушки, которыя также носятъ названія *пывсянъ-керку*. «Это—четырехъ-угольный срубъ съ односкатной крышей изъ луба, бересты или досокъ, а зачастую и вовсе безъ крыши, съ покрытымъ землей или пихтовыми и еловыми вѣтвями потолкомъ». Чрезвычайно характернымъ является то, что печь-каменка часто ставится въ пермяцкихъ баняхъ посрединѣ, какъ и очагъ [2]). Аналогичныя постройки извѣстны далѣе у остяковъ. Онѣ служатъ полуосѣдлымъ остякамъ зимними жилищами. Георги [3]) описываетъ ихъ въ слѣдующихъ словахъ: «Зимнія ихъ хижины срублены изъ бревенъ. Въ каждой есть очагъ посрединѣ, а въ сторонѣ печь. Прочее мѣсто занимаютъ палати... Входъ въ хижину ихъ составляютъ въ западной сторонѣ низьменныя двери, а вмѣсто окна служитъ небольшое, на востокъ, отверстіе, затянутое налимовыми шкурами. Вся хижина стоитъ до половины въ землѣ. Березовскіе и обдорскіе остяки строятъ хижины свои попросторнѣе, но и сіи стоятъ до половины въ землѣ». Современныя *юрты* остяковъ тамъ, гдѣ послѣдніе не подверглись русскому вліянію, повторяютъ типъ, описанный Георги. Это—бревенчатые срубы; крышу составляютъ бревна, покрытыя землей; иногда крыша дѣлается изъ коры, бересты или дранаго лѣса, причемъ ее накрываютъ еще палками. Черезъ низкую дверь входишь въ небольшое помѣщеніе: въ немъ въ углу помѣщается очагъ—чувалъ;

---

[1]) К. А. Поповъ: Зыряне и Зырянскій край. Стр. 75. Замѣтимъ, что подобныя же кладовыя являются весьма распространенными у лопарей.

[2]) И. Н. Смирновъ: Пермяки, стр. 194, 196.

[3]) Георги: Описаніе... народовъ I. 69, 70. Въ „Краткомъ описаніи о народѣ Остяцкомъ“ 1715 г. Григорія Новицкаго такъ описываются зимнія юрты остяковъ: „сіи (юрты) обычно при лѣсахъ полагаютъ, созидаютъ-же я четвероугольнѣ, внутру оныхъ около ложа своя имѣютъ, *посреди-же* огнь полагая“. (Пам. Др. Письм. 1884, стр. 36).

въ стѣнѣ прорублено 1—2 окна, закрытыя рѣдко стеклянными осколками, чаще пузыремъ или рыбьей кожей, иногда впрочемъ и просто ледяной полосой. Также устраиваются и промысловыя избушки [1]).

Въ болѣе бѣдныхъ зимнихъ юртахъ оконъ бываетъ только одно; оно, по словамъ Гартвига, часто помѣщается не въ стѣнѣ а въ потолкѣ, причемъ на зиму оно прикрывается кускомъ льда [2]). Внутри болѣе богатой зимней юрты, по словамъ Н. Л. Гондатти, вдоль двухъ стѣнъ устраиваются нары, приподнятыя на $^1/_2$ аршина отъ пола и покрываемыя оленьими шкурами; перегородки аршина 2 вышиною, но недоходящія до потолка, раздѣляютъ нары на отдѣленія, напоминающія собой стойла, число которыхъ зависитъ отъ числа взрослыхъ членовъ семьи, такъ какъ обыкновенно каждый изъ нихъ имѣетъ свое помѣщеніе. Въ перегородкахъ иногда дѣлаются небольшія окна. Плоская крыша замѣняется крышей со скатами, хотя и очень низкой; она устраивается слѣдующимъ образомъ: на срубъ ставятся два треугольника, съ передней и задней стороны; высота ихъ до $1^1/_2$ аршина; къ нимъ прикрѣпляется по продольному направленію 6—7 тонкихъ бревенъ, къ которымъ привязываются посредствомъ кедровыхъ корней тонкія дранки, затѣмъ въ нѣсколько слоевъ кладется вываренная и сшитая полосами береста, а сверху все закладывается рядомъ тонкихъ бревенъ или досокъ. Потолка въ юртѣ, покрытой подобной крышей, не существуетъ: его замѣняютъ нѣсколько протянутыхъ шестовъ для развѣшиванья предметовъ домашняго обихода. Къ юртамъ часто на зиму пристраиваютъ небольшія сѣни, которыя закрываются досками со всѣхъ сторонъ, причемъ оставляется только небольшое мѣсто для прохода; лѣтомъ эта пристройка разбирается. Дверь, ведущая въ домъ, очень низка, а порогъ довольно высокъ. Окно обыкновенно дѣлается на правой отъ входа стѣнѣ, такъ что оно освѣщаетъ устье чувала [3]). Болѣе первобытныхъ чертъ мы находимъ въ срубахъ, служащихъ въ на-

---

[1]) Мірской Вѣстникъ. 1877, № 11, стр. 47. Живописная Россія, XI, оч. 8-й стр. 143.

[2]) Hartwig: Der hohe Norden, стр. 141. Тотъ-же обычай у вогуловъ, см. Георги, I. 60, 61.

[3]) Н. Л. Гондатти. Предварительный отчетъ о поѣздкѣ въ Сѣверо-Зап. Сибирь, въ годичномъ засѣд. Музея Прикладныхъ Знаній. 1887, стр. 127, 128.

стоящее время остякамъ банями; эти послѣднія устраиваются въ видѣ обыкновеннаго зимняго помѣщенія только безъ пола, чувала и окна, которое замѣняется небольшими прорѣзами въ стѣнахъ. Вмѣсто чувала ставится печь-каменка, которая часто, какъ и у пермяковъ, устанавливается посрединѣ помѣщенія [1]).

Зимнее жилище вогуловъ представляетъ много чертъ сходства съ таковымъ же у остяковъ. Это, по описанію г. Сорокина, небольшая четырехугольная изба, срубленная изъ хорошаго лѣса; тѣ-же, какъ и въ юртѣ остяковъ, низенькія двери, небольшія окна, покрытыя стекломъ, пузыремъ или кускомъ льда, чувалъ въ углу, нары или скамьи кругомъ стѣнъ встрѣчаются и въ юртѣ вогуловъ. «Чувалъ состоитъ изъ высокой трубы, сплетенной изъ древесныхъ прутьевъ и обмазанной глиной; діаметръ трубы вездѣ одинаковъ; верхъ выходитъ на крышу и образуетъ собственно *трубу;* нижняя часть, съ вырѣзаннымъ большимъ отверстіемъ для прохода дровъ, составляетъ *чувалъ* [2]). Вогульскій юртъ, изображенный въ трудѣ г. Сорокина, имѣетъ двускатную крышу.

Этотъ-же типъ построекъ мы встрѣчаемъ и у финновъ по Волгѣ и Камѣ. Особенно интереснымъ является постройка этого типа у черемисъ; она носитъ названіе *kud* (*кудо*). Г. Гейкель (стр. 8—12, рис. 7) даетъ намъ слѣдующее описаніе *куда*: черемисскій *kud* представляетъ собой четырехугольный срубъ, съ двускатной, удлиненной надъ входной стороной, крышей. Онъ вмѣщаетъ только одну комнату; полъ земляной; внутри помѣщается первобытный очагъ, составленный изъ камней; онъ обыкновенно открытъ по крайней мѣрѣ съ одной стороны. Надъ очагомъ на перекладинѣ привѣшивается котелъ. Дымъ выходитъ черезъ скважины въ потолкѣ. Таковъ общій типъ куда; иногда онъ варіируется: дверь напр. устраивается съ боковой стороны. Кудъ въ настоящее время служитъ обыкновенно кухней и лѣтнимъ жильемъ. Къ этому типу построекъ г. Гейкель справедливо относитъ кухню (*las*) чувашей (тюркизированнаго финскаго племени), кухню мордвы-ерзи и *куалу* вотяковъ. У мордвы-ерзи, пишетъ онъ (стр. 18), иногда встрѣчается, что за баней помѣщается еще кухня (*puwarinja* или *banja pé*,

---

[1]) Ibid. стр. 129.

[2]) Сорокинъ: Путешествіе къ вогуламъ, Тр. Общ. Естествоисп. при Казанскомъ Ун. III. № 4, стр. 43.

т. е. «конецъ бани»); въ этомъ случаѣ баню называютъ передней (*banja ikelks*); въ кухню можно снаружи пройти черезъ особую дверь; съ баней кухня соединяется посредствомъ находящихся въ двухъ углахъ бани столбовъ (см. рис. 8). Въ углу кухни помѣщается очагъ, надъ которымъ привѣшивается котелъ, посредствомъ особаго приспособленія: прежде всего жердь (*a*), которая простирается черезъ всю комнату; жердь пересѣкается двумя кусками дерева меньшихъ размѣровъ (*b*), концы которыхъ прикрѣплены къ стѣнѣ; они-то и служатъ для привѣшиванья котла, такъ какъ на нихъ опирается маленькая жердь (*c*), за которую прицѣпляютъ крючекъ, на которомъ виситъ котелъ [1]). Говоря о *las'*ѣ чувашей, который устраивается также какъ и *kud*, г. Гейкель приводитъ со словъ Палласа интересное сообщеніе, что у алатырскихъ чувашей аналогичные постройки встрѣчались въ керемети и служили при религіозныхъ торжествахъ помѣщеніемъ, въ которомъ съѣдались жертвоприношенія; дверь такого помѣщенія была направлена на востокъ (стр. 17).

Въ виду того, что г. Гейкель во время своихъ путешествій могъ лишь крайне бѣгло познакомиться съ жилищемъ вотяковъ, онъ описываетъ ихъ по литературнымъ источникамъ. Вслѣдствіе этого мы предпочитаемъ заимствовать описаніе куалы вотяковъ прежде всего изъ труда И. Н. Смирнова „Вотяки", который вышелъ въ свѣтъ 2-мя годами позже труда г. Гейкеля и соединяетъ по этому вопросу какъ литературныя свѣдѣнія, такъ и личныя наблюденія автора. Рядомъ съ землянкой, въ которой вотяки когда то скрывались зимой, пишетъ г. Смирновъ, у нихъ была „*куа*", или „*ква*"—шалашъ для лѣтняго жилья. По своему устройству куа—то-же, что черемисская куда; это легкая постройка изъ тонкихъ бревенъ, безъ оконъ, пола, потолка и печи, съ дырявой крышей изъ драни. Такую постройку можно встрѣтить на любомъ вотятскомъ дворѣ, гдѣ вотякъ не вполнѣ еще обрусѣлъ или отатарился. Подобно черемисской кудѣ, вотятская *ква* имѣетъ значеніе не только жилья, но и храма. Здѣсь обитаетъ домовое божество—воршудъ, здѣсь приносятся ему жертвы и молитвы. Кудѣ, построенной изъ бревенъ, предшествовала, несомнѣнно, другая болѣе первобытная форма лѣтняго жилья. Максимовъ въ 50-хъ годахъ

[1]) На рис. 8 буквами *e* и *d* обозначено мѣсто и приспособленія для варки пива.

видѣлъ проѣздомъ цѣлую деревню, жившую лѣтомъ на лѣсной полянѣ въ досчатыхъ балаганахъ. Сосновскіе вотяки передавали г. Верещагину преданіе, что ихъ предки жили въ юртахъ въ родѣ шалашей и землянокъ изъ липовыхъ лубьевъ, хворосту и пр. [1]). Рядомъ съ подземнымъ *гуртомъ*, *ква* долго была единственной постройкой, которую зналъ вотякъ. Въ вотскомъ эпосѣ—преданіяхъ и сказкахъ — *ква* является единственнымъ жилищемъ человѣка. Въ преданіи о Тутоѣ и Янтамирѣ говорится, что при нихъ и при нѣсколькихъ ихъ преемникахъ вотяки избъ не строили, а жили въ шалашахъ, которые они бросали при приближеніи русскихъ. *Куа* оставалась неизмѣнной въ теченіе длиннаго ряда столѣтій [2]). Другой изслѣдователь вотяковъ, П. М. Богаевскій, даетъ слѣдующее описаніе *куа*: „Въ глубинѣ двора каждаго домохозяина можно видѣть небольшую деревянную постройку. Постройка эта формою напоминаетъ шалашъ, сложена изъ бревенъ; въ серединѣ тесовой крыши сдѣлано отверстіе для выхода дыма. Низкая дверь, гораздо ниже человѣческаго роста, ведетъ внутрь, гдѣ вы не встрѣтите оконъ. Тамъ, посреди земляного пола, изъ грубыхъ, неотесанныхъ камней сложенъ очагъ; надъ очагомъ виситъ цѣпь. Вдоль бревенчатыхъ стѣнъ идетъ скамья, около которой, въ дальнемъ лѣвомъ углу стоитъ столъ, надъ столомъ полка; на послѣдней помѣщается берестовый буракъ или коробка, величиною до 1 аршина, въ которой хранится жертвенная посуда“ [3]).

---

[1]) Къ типу болѣе древнихъ *куа*, повидимому, слѣдуетъ отнести и встрѣчавшійся въ XVIII в. особый видъ жилья у вогуловъ нѣкоторыхъ мѣстностей, описаніе котораго мы находимъ у Георги. Этотъ типъ, какъ и древнія *куа*, представляетъ среднее между срубомъ и шалашомъ: „Около Верхотурья и Соли-Камской дѣлаютъ оип (вогулы) *зимніе* свои *шалаши* четыреугольно съ очагами и полатьми, а на плоской крышкѣ, или потолкѣ оныхъ, прорубаютъ для свѣту отверстіе. Двери-же приноравливаютъ, по большей части, съ восточной или съ сѣверной стороны, а передъ ними громоздятъ, для домашнихъ поклажъ чуланы. Отдалившіеся больше къ сѣверу и живущіе около Вишуры, Колвы и другихъ рѣкъ препровождаютъ и зиму въ столбчатыхъ, дерномъ или корою покрытыхъ шалашахъ“, которые отличаются отъ *лѣтнихъ* шалашей между прочимъ тѣмъ, что послѣдніе строятся конусообразно. (Георги: Описаніе... народовъ I, стр. 60, 61).

[2]) И. Н. Смирновъ: Вотяки, стр. 88, 89.

[3]) П. М. Богаевскій: Оч. религ. представленій вотяковъ, въ „Этн. Об.“ IV, стр. 131. По словамъ Бехтерева (Вотяки, стр. 637) вотяки пользуются еще *куа* какъ лѣтнимъ жилищемъ.

Г. Гейкель, какъ мы указывали выше, склоненъ относить *куа* — вотяковъ къ типу построекъ срубообразныхъ. Къ этому мнѣнію присоединяемся и мы, такъ какъ, несмотря на то, что большинство изслѣдователей вотяковъ и называетъ *куа* шалашемъ, переводя буквально это слово на русскій яз., однако въ описаніи ея мы не находимъ чертъ, характеризующихъ шалаши. *Куа*, согласно всѣмъ описаніямъ и нашимъ личнымъ наблюденіямъ, прежде всего срубъ, и какъ таковой болѣе близокъ къ пырту-тупѣ лопарей, пывзяну зырянъ и другимъ аналогичнымъ постройкамъ у пермяковъ, мордвы, черемисъ и чувашей. Если *куа* нѣкогда и являлась исключительно лѣтнимъ жильемъ вотяковъ, какъ это думаетъ г. Смирновъ, то едва-ли устройство ея было такое, какое мы видимъ въ настоящее время: это и былъ вѣроятно шалашъ, названіе котораго было перенесено на болѣе прочную постройку лишь впослѣдствіи, какъ это произошло съ *кудомъ* у черемисъ или съ *заипа* у эстовъ и тавастовъ.

Крыша у *куа*, какъ и у черемисскаго *куда*, дѣлается со скатами,—это, повидимому, позднѣйшее явленіе. Мы видѣли, что срубы, служащіе для жилища, тамъ, гдѣ они являются въ наиболѣе простомъ, а слѣдовательно и болѣе первобытномъ видѣ (зыряне, пермяки, остяки, вогулы, лопари и др.) имѣютъ плоскую или односкатную крышу. Впрочемъ, у вотяковъ до настоящаго времени сохранилась постройка этого-же типа, по наружному своему устройству болѣе первобытная, чѣмъ *куа*,—это бани: онѣ представляютъ четырехугольные срубы, иногда съ плоской крышей. Къ этому-же типу, но уже болѣе развитому, слѣдуетъ также отнести и сохранившіяся во многихъ глухихъ вотяцкихъ деревняхъ курныя избы съ глинобитной печью и маленькими волоковыми окнами. Эти избы называются *корка*—названіе, ключъ къ объясненію котораго находится въ пермяцкомъ языкѣ, гдѣ аналогичнымъ названіемъ является *кер-ку*, связанное съ словами *кер* — бревно и *керны* — рубить [1]). Первоначальный срубъ съ теченіемъ времени, какъ мы это уже отмѣчали, нѣсколько разъ претерпѣваетъ разныя измѣненія и, развиваясь постепенно, все ближе подходитъ къ понятію объ избѣ. Въ качествѣ переходныхъ типовъ г. Гейкель отмѣчаетъ черемисскую *куду*, видѣнную имъ у горныхъ черемисовъ (стр. 60); эта куда была снабжена уже печкой, хотя первобытный очагъ и сохра-

[1]) И. Н. Смирновъ: Вотяки, стр. 89. О пермяцкомъ кер-ку см. выше.

нился еще на полу въ серединѣ помѣщенія. Около комнаты находилась другая, которую Гейкель засталъ еще не вполнѣ отстроенной: въ ней не было ни окна, ни дверей. Такіе куды, по его словамъ, прежде встрѣчались въ большемъ количествѣ. Къ этому-же переходному типу слѣдуетъ, по мнѣнію г. Гейкеля (стр. 60, 61), отнести помѣщеніе для скота, которое ему пришлось видѣть у чувашей на границѣ Казанской и Симбирской губ. (рис. 9). У задней стороны этого помѣщенія находились двѣ печки, а между ними открытый очагъ (*a*), надъ которымъ висѣлъ на крючкѣ котелъ; на мѣстѣ, обозначенномъ на планѣ буквой *b*, стояла длинная скамейка (*tärăk sac*), на мѣстѣ *c*—сундукъ съ крышкой; буквой *d* обозначенъ входъ въ нижній этажъ, въ которомъ находилась на половину врытая въ землю конюшня. Отъ описанныхъ переходныхъ типовъ черемисской куды и чувашскаго помѣщенія для скота и отмѣченныхъ выше болѣе культурныхъ срубообразныхъ построекъ у восточныхъ финновъ лишь одинъ шагъ до типичной финской избы, которая представляетъ собой тотъ же срубъ, но только приспособленный для болѣе культурной жизни. Такую избу черемисы называютъ *pört*, т. е. тѣмъ-же именемъ, какъ и русскіе лопари свое зимнее жилище — *пыртъ*, и дѣйствительно, какъ мы увидимъ, *pört* черемисовъ и *пыртъ* лопарей являются близко другъ къ другу стоящими постройками. Типъ постройки, соотвѣтствующій *pört*'у черемисъ, мордва-мокша называетъ *kud*, а мордва-ерзя—*kudo*, сохраняя за сравнительно поздними формами жилищъ древнее названіе шалаша.

Въ настоящее время pört (такъ же, какъ и мордовскіе kud и kudo) обыкновенно встрѣчается лишь какъ часть черемисскаго или мордовскаго дома. Отдѣльно онъ извѣстенъ въ болѣе глубокихъ мѣстностяхъ, причемъ въ его устройствѣ замѣтны уже значительныя улучшенія: вмѣсто земляного пола, типичнаго для *куда*, въ немъ полъ деревянный; очагъ замѣненъ сбитой изъ глины печью; въ потолкѣ продѣлано дымовое отверстіе. Пертъ освѣщается квадратнымъ или узкимъ, продолговатымъ отверстіемъ, прорубленнымъ въ стѣнѣ; общеупотребительное въ настоящее время оконное стекло еще лѣтъ 20 тому назадъ замѣнялось коровьимъ пузыремъ. Къ пёрту пристраиваются сѣни (*пёртонжолъ*) [1]. Если мы выдѣлимъ

---

[1]) Смирновъ. Черемисы, стр. 72.

pört-kudo изъ ряда окружающихъ его въ настоящее время построекъ, мы получимъ слѣдующій видъ этой формы жилья, совершенно вѣрно описаннаго г. Гейкелемъ (стр. 26) и тожественнаго съ вышеприведеннымъ описаніемъ pört'a—избы: „Курная комната была обыкновенно снабжена небольшими сѣнями, одной стороной обращенными во дворъ, другой—къ деревенской улицѣ. Окна были прорублены только въ той стѣнѣ, которая выходила во дворъ, такъ что выходящая на улицу стѣна была темна. Въ заднемъ углу комнаты, выходящемъ къ улицѣ, находилась печь, устье которой освѣщалось окномъ. Во многихъ комнатахъ прорубилось по двѣ двери: одна—ведущая наружу, другая — изъ сѣней въ комнату. Когда дымъ слишкомъ наполнялъ комнату, открывали внутреннюю дверь, такъ что дымъ нѣсколько расходился, а тепло не уменьшалось". Въ этомъ описаніи нетрудно узнать черты, характеризующія описанные выше типы срубообразныхъ построекъ, встрѣчающихся въ настоящее время у менѣе подвергшихся культурному вліянію сосѣдей—родичей черемисовъ и мордвы, принадлежащихъ, какъ и они, къ восточной группѣ финскаго племени.

Переходя къ срубообразнымъ постройкамъ, служившимъ или служащимъ до настоящаго времени жилищемъ у финновъ западной группы, мы встрѣтимъ ихъ прежде всего у тавастовъ. Наиболѣе первобытныхъ чертъ мы видимъ въ баняхъ тавастовъ, въ особенности въ изображенныхъ у Ретціуса [1]). Это четырехугольный срубъ, съ плоской крышей; размѣры внутренняго помѣщенія бани настолько малы, что въ ней даже нельзя стоять выпрямившись. Далѣе г. Гейкель описываетъ (стр. 144 и слѣд.) нѣсколько типовъ бань, изученныхъ имъ у тавастовъ; различіе съ описанной у Ретціуса баней заключается, главнымъ образомъ, въ устройствѣ крыши: она или односкатная или двускатная, что, впрочемъ, нисколько не уничтожаетъ типичныхъ чертъ первобытной срубообразной постройки (рис. 10 и 11); передъ срубомъ (рис. 10) мы видимъ также небольшую пристройку—сѣни, извѣстную намъ уже изъ описаній лопарскихъ пыртовъ и аналогичныхъ построекъ у другихъ финновъ. Иногда, наконецъ (рис. 12), около бани ставится кота, т. е. болѣе поздняя форма постройки—*sauna* (баня) соединяется съ болѣе древнимъ—шалашемъ. Въ настоящее время

[1]) Retzius; Finnland, стр. 65, № 41; описаніе, на стр. 91.

баня приспособлена для мытья: внутри устраиваются полати. Но не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что бани служили нѣкогда тавастамъ жилищемъ: за это говоритъ прежде всего фактъ, что баня носитъ названіе одного изъ предшествовавшихъ въ исторіи развитія финскаго жилья типа—землянки (sauna). Далѣе тавасты, по словамъ Ретціуса [1]), считаютъ баню мѣстомъ священнымъ, и преступленіе, совершенное въ ней, считается болѣе тяжкимъ, чѣмъ если оно совершено въ другихъ мѣстахъ. Священнымъ характеромъ надѣляются обыкновенно тѣ хозяйственныя постройки народа, которыя нѣкогда служили ему жилищемъ, такъ какъ съ послѣднимъ связанъ культъ домашнихъ духовъ, причемъ при переходѣ народа къ новой формѣ жилья культъ нерѣдко продолжаетъ совершаться въ жилищѣ прежняго типа, вслѣдствіе чего оно и сохраняетъ свой священный характеръ. Весьма яркій примѣръ сохраненія культа въ древнемъ жилищѣ мы видимъ у вотяковъ, гдѣ *куа*, прежде служившая жильемъ, въ настоящее время обратилась въ мѣсто, гдѣ совершается исполненіе семейнаго или родового культа. Наконецъ, и въ настояшее время баня тавастовъ не утратила вполнѣ еще своего первоначальнаго значенія: г. Гейкель (стр. 151) сообщаетъ, что въ баняхъ болѣе состоятельныхъ крестьянъ живутъ бѣдные ихъ соплеменники; кромѣ того, ему пришлось въ Мугіерви встрѣтить баню, какъ *единственное* жилище семьи; ее называли sawupirtti, т. е. курная изба, чѣмъ она была въ самомъ дѣлѣ и чѣмъ была и баня, прежде чѣмъ она утратила свое первоначальное назначеніе.

Кромѣ бань, являющихся болѣе первобытными срубообразными постройками тавастовъ, у нихъ существуютъ и до настоящаго времени постройки этого-же типа, но нѣсколько болѣе приспособленныя къ болѣе развитой жизни. Это — такъ называемые *pörte*. Какъ и *pört* черемисовъ или *kudo* мордвы, тавастскій *pörte* обыкновенно входитъ въ составъ дома; но часто онъ является и отдѣльно, сохраняя черты старины въ своемъ устройствѣ. Ретціусъ даетъ описаніе *pörte*:—одного болѣе культурнаго, другого—совершенно близко подходящаго къ тавастскимъ банямъ [2]). Первый представлялъ довольно большую постройку изъ неотесанныхъ бревенъ; двускатная крыша состояла изъ жердей и досокъ; низкая

[1]) Ib., стр. 91. [2]) Retzius: op. c., стр. 63—66.

дверь вела во внутреннее помѣщеніе. Окна были крайне невелики, болѣе длинны, чѣмъ высоки; они не имѣли стеколъ, но прикрывались ставней, которую можно было передвигать по желобку (волоковыя окна) [1]. Внутреннее помѣщеніе состояло изъ одной комнаты; въ углу, съ правой стороны, находилась грубо сложенная изъ камней печка безъ трубы; въ потолкѣ было продѣлано небольшое отверстіе для выхода дыма. Описанный *pörte* служилъ жилищемъ для рыбаковъ въ періодъ осенняго промысла; въ немъ могло помѣститься до 50-ти человѣкъ.

Другой, оставленный въ настоящее время, *pörte* представлялъ маленькій квадратный срубъ, также съ двускатной крышей и двумя небольшими оконными отверстіями, какъ и у предшествующаго. Къ нему примыкала небольшая четырехугольная-же постройка — сѣни, съ плоской крышей; наружная дверь находилась въ пристройкѣ, которая соединялась съ pört'омъ посредствомъ еще другой двери. Около четверти квадрата, образующаго внутренность pört'а, было занято печкой, сложенной на-сухо изъ большихъ камней, покоившихся на двойномъ рядѣ бревенъ; полъ былъ бревенчатый; потолка не было. Дымъ поднимался непосредственно подъ крышу и выходилъ черезъ отверстіе, которое можно было по желанію закрывать посредствомъ особо устроенной крышки, прикрѣпленной къ жерди.

Совершенно схожіе съ *pört*'ами тавастовъ постройки мы встрѣчаемъ у эстовъ. На первомъ мѣстѣ и здѣсь слѣдуетъ поставить бани, которыя, какъ и у тавастовъ, называются *sauna*, причемъ этимъ-же именемъ эсты называютъ и землянку. Изъ описываемыхъ г. Гейкелемъ типовъ эстонскихъ бань для нашихъ цѣлей особенно интересной является баня-жилище (стр. 151), такъ какъ баня соединена съ домомъ, составляетъ часть его и вмѣстѣ служитъ и жилымъ помѣщеніемъ, и баней: въ ней нетрудно отыскать всѣ черты, присущія курной избѣ. Какъ одинъ изъ древнѣйшихъ типовъ этого вида жилища, г. Гейкель (стр. 168—170) описываетъ крестьянскій домъ, видѣнный имъ въ Пайстельскомъ приходѣ Лифляндской губ. (рис. 13). Если отнять части зданія, отмѣченныя

[1] Такія-же окна г. Гейкель считаетъ типичными для pört'а черемисъ и *kudo* мордвы. А. *Бехтеревъ* (Вотяки, стр. 635) описываетъ у вотяковъ, живущихъ въ болѣе глухихъ мѣстностяхъ, такія-же передвижныя окна, обтянутыя бычачьей брюховиной.

на планѣ B (a+b), пишетъ онъ, и сравнить ихъ съ различными типами бань эстонцевъ, мы замѣтимъ, что эти части соотвѣтствуютъ формѣ бани, изображенной на рис. 5. Подобно тому, какъ къ банямъ иногда прибавляется еще третье помѣщеніе (*rehealune*), такъ и къ описываемому дому прибавлена рига. Фактъ, что рига пристроена здѣсь къ банѣ, доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что между помѣщеніями *a* и *c* нѣтъ двери, и оба они имѣютъ однѣ общія сѣни. Въ описанномъ г. Гейкелемъ типѣ мы имѣемъ, такимъ образомъ, древнее срубообразное жилище, которое въ данномъ случаѣ служитъ жильемъ, но у большинства эстонцевъ употребляется какъ баня. Если на приведенномъ планѣ у рис. 13 откинуть позднѣйшую пристройку — ригу (c), мы получимъ совершенно точный планъ пырта другихъ финновъ, постройки которыхъ мы разсмотрѣли, и лишь высокая четырехскатная крыша налагаетъ снаружи на этотъ домъ особый характеръ, отличающій его отъ пыртовъ съ плоскими крышами. А. Д. Солодовниковъ[1]) отмѣчаетъ, что такого рода жилища, представляющія только части *a* и *b* плана, являются широко распространенными у эстовъ среди бѣдныхъ крестьянъ (бобылей) въ Эстляндской губерніи. Онъ описываетъ ихъ слѣдующими словами: *туба* — такъ называется этотъ видъ построекъ у эстовъ — помѣщеніе шаговъ 6 въ длину и 5 въ ширину, кое какъ построенное изъ балокъ, досокъ и старыхъ бревенъ, покрытое полусгнившей соломой; издали туба походитъ на шалашъ. Черезъ низкую дверь вы входите въ *уксаязинъ* — это узкое, тянущееся во всю ширину избы пространство, отдѣленное стѣною отъ жилого помѣщенія; здѣсь лежатъ кадушки, лопаты, горшки, всякая рухлядь. Изъ *уксаязина* ведетъ дверь въ жилое помѣщеніе—въ тубу. Душный, спертый, прогорклый воздухъ охватываетъ васъ. Сквозь небольшое окно, въ квадратный футъ величиною, заклеенное коегдѣ бумагой, льется тусклый свѣтъ. Полъ чаще всего земляной, въ углу печь безъ трубы; у одной стѣны—кровать, у другой—столъ, двѣ—три кое-какъ сколоченныхъ табуретки—вотъ вся обстановка бобыльей избы. Теперь, съ поднятіемъ экономическаго уровня эстонцевъ, этотъ типъ жилищъ начинаетъ мало-по-малу исчезать; еще въ 40-хъ годахъ, по словамъ Крузе, онъ встрѣчался гораздо

[1]) А. Д. Солодовниковъ: Жилище эстонцевъ.

чаще. Оконъ, пишетъ между прочимъ Крузе, въ ихъ (эстовъ) домахъ не существуетъ, кромѣ одного, которое помѣщается въ жилой комнатѣ. Оно имѣетъ размѣръ около 1 кв. фута и составлено изъ многихъ осколковъ стекла, склеенныхъ кусочками бумаги. Такой видъ окна, описанный гг. Солодовниковымъ и Крузе, несмотря на свое несовершенство, появился подъ вліяніемъ сосѣдей. Окно, въ теперешнемъ значеніи этого слова, замѣчаетъ покойный Веске, не существовало у эстонскихъ крестьянъ, а вмѣсто него была только дыра, закрываемая дощечкой или тряпкой, или-же тѣмъ и другимъ... У ливовъ употребляется для обозначенія окна слово *läb*, причемъ первоначально это слово означаетъ *дверь* или вообще *отверстіе*, *дыру*[1]). Эти данныя служатъ еще лишнимъ доказательствомъ, что первоначальный срубъ-жилище не имѣлъ другого отверстія для освѣщенія, кромѣ двери и, быть можетъ, отверстія дымового.

Обращаясь къ кореламъ, жилище которыхъ подверглось вообще весьма сильному вліянію сосѣдей, мы видимъ, что и у нихъ сохраняется тотъ-же типъ срубообразныхъ построекъ. Баня, которая какъ у русскихъ, такъ и у финляндскихъ кореловъ является почти неотъемлемой принадлежностью каждаго крестьянскаго двора, представляетъ по своему внѣшнему и внутреннему устройству большое сходство съ банями тавастовъ. Г. И. Куликовскій любезно предоставилъ намъ, изъ числа его неизданныхъ еще матеріаловъ, слѣдующее описаніе бани олонецкихъ кореловъ: баня устраивается въ большинствѣ случаевъ безъ предбанника; раздѣваніе происходитъ на улицѣ, несмотря на зимнюю стужу; для вѣшанья платья при постройкѣ бани оставляютъ нѣсколько бревенъ, торчащихъ изъ угловъ бани. Направо отъ входа въ баню, въ одномъ изъ угловъ, устраивается печь, сложенная изъ мелкаго камня, причемъ для укрѣпленія верхней и боковыхъ сторонъ печи, кладутся три плиты: двѣ ребромъ, третья кладется плашмя. На нихъ уже сыплютъ мелкій камень безъ всякаго скрѣпляющаго вещества; сложенная такимъ образомъ печь часто разваливается; при топкѣ сквозь камни мѣстами виденъ огонь. Подлѣ печи устраиваютъ полокъ изъ досокъ (на аршинъ отъ пола). Вода нагрѣвается въ ушатахъ посредствомъ раскаленныхъ камней. Окно прорублено съ

[1]) Веске: Славяно-финскія культурныя отношенія, стр. 191.

правой или лѣвой стороны отъ входной двери (противъ полка и сбоку его); по прекращеніи топки оно закладывается доской, равно какъ и отверстіе въ потолкѣ, въ которое выходитъ дымъ. Труба устраивается рѣдко, но гдѣ она есть, ее дѣлаютъ или досчатой или изъ выдолбленнаго ствола осины. Потолокъ сверху засыпаютъ землей и стелютъ крышу на одинъ скатъ, которая образуется тѣмъ, что одну изъ стѣнъ сруба, образующаго баню, строятъ нѣсколькими бревнами выше, чѣмъ остальныя. Чубинскій [1]) отмѣчаетъ, какъ особенность въ устройствѣ банныхъ печей архангельскихъ кореловъ, что онѣ дѣлаются изъ дикаго камня. Корельскія курныя избы, которыя г. Гейкель видѣлъ около Ладожскаго озера, по своему плану совершенно аналогичны домамъ эстонскихъ бобылей. Характерно, что такая изба, также какъ и у эстовъ, носитъ названіе *tupa*,—имя, которое скандинавскіе лопари, какъ это было указано выше, даютъ своему срубообразному жилищу. Если въ корельскихъ тупахъ устроена труба, то она, по словамъ г. Гейкеля (стр. 224), въ настоящее время состоитъ изъ сколоченныхъ вмѣстѣ досокъ, въ прежнее-же время дѣлалась изъ выдолбленнаго ствола дерева; труба заканчивается небольшой крышей, назначеніе которой—препятствовать дождю проникать въ комнату. Хотя въ настоящее время у финляндскихъ и у русскихъ кореловъ окна обыкновенно покрыты стеклами, но и теперь еще, какъ отмѣчаетъ г. Гейкель (225), встрѣчаются досчатыя, двигающіяся по желобку ставни, какъ въ описанномъ тавастскомъ *pört*'ѣ; кромѣ того, на многихъ стекольчатыхъ окнахъ сохранились на рамахъ желобки, по которымъ вѣроятно еще не въ очень отдаленное время передвигалась ставня. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ у русскихъ кореловъ, по свѣдѣніямъ сообщаемымъ В. Майновымъ [2]), сохранился до настоящаго времени обычай заколачивать на зиму стекольчатыя окна досками, такъ что въ теченіе холоднаго времени года въ избу не проникаетъ свѣтъ; этотъ обычай объясняется стремленіемъ возможно больше предохранить жилище отъ холода, но это стремленіе, внѣ всякаго сомнѣнія, поддерживаетъ лишь древній обычай употреблять деревянныя «окна», которыя при отсутствіи въ прежнее время стеколъ *должны* были на глухо заколачиваться на зиму.

---

[1]) Этногр. очеркъ Корелы. Тр. Арх. Статист. Комитета, 1865 г., кн. 2.

[2]) Поѣздка въ Обонежье и Корелу, стр. 276.

Этотъ-же типъ мы видимъ въ описанномъ г. Гейкелемъ (стр. 232) корельско-саволакскомъ домѣ; это тотъ-же срубъ, и въ планѣ онъ отличается отъ простого сруба лишь тѣмъ, что къ единственной комнатѣ, образуемой срубомъ, прибавлены помѣщеніе для коровъ и сѣнной сарай. Наконецъ у финновъ, населяющихъ Петербургскую губ., несмотря на то, что многіе изъ нихъ въ весьма значительной степени подверглись русскому вліянію, г. Гейкелю удалось встрѣтить жилища, которыя, если исключить позднѣйшія добавленія, появившіяся подъ вліяніемъ русскихъ, воспроизводятъ въ планѣ ту же тупу-пёртъ ихъ финскихъ сородичей.

Мы видѣли, что срубъ, какъ жилище, является или являлся общераспространеннымъ у всѣхъ финскихъ народностей, какъ восточной такъ и западной группъ. Несмотря на кажущееся однообразіе въ способѣ своего устройства и въ своемъ планѣ, онъ представляетъ также и извѣстныя отличія по мѣстностямъ и народностямъ, хотя и сохраняетъ всюду свою основную форму. Различія довольно крупныя мы встрѣчаемъ при детальномъ изученіи этого вида построекъ, въ особенности въ отношеніи къ устройству очага или печки: матеріалъ, изъ котораго дѣлается послѣдняя, способъ ея кладки, форма, положеніе ея въ жилищѣ, направленіе печного отверстія—все это представляетъ колебанія; но эти различія не лишаютъ этотъ типъ постройки ея характерныхъ чертъ, какъ ихъ не лишаетъ ее и то, что въ однихъ мѣстностяхъ срубы встрѣчаются только съ плоскими крышами, въ другихъ—съ односкатными, въ третьихъ — съ двускатными или четырехскатными. Какъ замѣна очага печкой и различные способы ея устройства, такъ и замѣна плоской крыши крышей со скатами — являются лишь дальнѣйшимъ развитіемъ постройки первобытнаго сруба. Въ немъ мы имѣемъ послѣднюю форму обще-финскаго первобытнаго жилья, которое появилось у финскихъ народностей въ древнѣйшій періодъ. Когда мы встрѣчаемъ названіе *pört* съ одной стороны у черемисовъ, съ другой — у лопарей и тавастовъ для обозначенія одинаковаго типа построекъ, *sauna*—у тавастовъ и эстовъ, керку и корку—у пермяковъ и вотяковъ, мы въ правѣ заключить, что этотъ типъ жилища былъ уже извѣстенъ финнамъ издавна. Что подъ этимъ именемъ разумѣлась вѣроятно болѣе первобытная постройка, чѣмъ мы видимъ это теперь у нѣкоторыхъ племенъ (напр. у черемисовъ и отчасти тавастовъ), вытекаетъ изъ того, что у финскихъ

племенъ, наиболѣе отставшихъ на пути культуры отъ своихъ сородичей, мы подъ этимъ именемъ встрѣчаемъ постройки значительно болѣе первобытныя, чѣмъ у болѣе цивилизованныхъ (напр. *пыртъ* лопарей, *юртъ* остяковъ и вогуловъ). Впрочемъ, совершенно первобытнаго типа *пырта* мы не встрѣчаемъ въ настоящее время даже у тѣхъ племенъ, которыя въ развитіи своего жилища не пошли далѣе этой формы; но изъ приведеннаго нами матеріала не трудно возстановить его древнѣйшую форму и прослѣдить постепенно измѣненія и дополненія, которыя дѣлались въ немъ въ теченіе долгого періода времени, отчасти вслѣдствіе самостоятельнаго развитія финскихъ племенъ, отчасти вслѣдствіе вліянія сосѣдей, благодаря чему мы имѣемъ типы современныхъ пыртовъ. Первоначальный пыртъ вѣроятнѣе всего представлялъ низкій четырехугольный срубъ съ плоской крышей, покрытой жердями и землей; онъ вѣроятно былъ лишенъ оконъ, какъ и современный черемисскій *kud*, описанный выше; низкая дверь вела непосредственно наружу; внутри, посрединѣ помѣщенія, находился очагъ, а дымъ выходилъ или черезъ дверь, или черезъ отверстіе въ крышѣ; пола не было. Лишь постепенно къ этому простѣйшаго вида срубу пристраиваются небольшія сѣни, прорубается окно, которое вначалѣ прикрывается волоковой ставней, рыбьимъ пузыремъ, или даже кусками льда, и лишь въ сравнительно поздній періодъ времени получаетъ стекла. Полъ устилается хворостомъ, который впослѣдствіи замѣняется досчатымъ поломъ; мѣсто очага занимаетъ каменка или каминъ съ трубой (чувалъ), а затѣмъ и печка, причемъ для большаго устоя она устраивается въ одномъ изъ угловъ пырта; появляется и дымовая труба; плоская крыша замѣняется крышей со скатами. Такимъ образомъ постепенно вырабатывается такъ сказать усовершенствованный типъ пырта, причемъ эти усовершенствованія не всегда совершались финскими племенами безъ вліянія ихъ болѣе культурныхъ сосѣдей.

Трудно отвѣтить опредѣленно, какъ возникъ пыртъ. Мы видѣли выше, что г. Гейкель склоненъ думать, что эстонскія бани, печи которыхъ находятся наружу, возникли путемъ поднятія постройки изъ-подъ земли; за происхожденіе вообще пыртовъ изъ землянокъ говоритъ также и то, что г. Гейкелю приходилось встрѣчать въ Финляндіи полуподземныя жилища. Кромѣ того, названія у тавастовъ и эстовъ—sauna, одинаковыя для бани (первобытнаго

пырта) и землянки, служатъ тому доказательствомъ; подтвержденіе этого-же предположенія мы видимъ и въ пывзянахъ зырянъ и пермяковъ и въ полупогруженныхъ въ землю жилищахъ остяковъ, о которыхъ говоритъ Георги. Но, быть можетъ, не вездѣ образованіе пырто-образныхъ построекъ шло путемъ развитія типа землянокъ. Мы видѣли, что у эстовъ кухня *кода* представляетъ иногда шалашъ, но поставленный уже на каменномъ, поднятомъ выше человѣческаго роста, основаніи; далѣе, вѣжа русскихъ лопарей утратила свой конусообразный видъ: она представляетъ собой четырехгранную пирамиду, прочно установленную въ почвѣ, и, какъ таковая, она утратила портативный характеръ шалаша. У остяковъ лѣтняя юрта иногда имѣетъ видъ шалаша, поднятаго на деревянное основаніе. Въ кухнѣ эстовъ, какъ и въ вѣжѣ русскихъ лопарей, мы скорѣе склонны видѣть уже прочныя постройки, сохранившія лишь первобытную форму шалаша. Мы можемъ поэтому допустить четырехугольныя постройки, надземныя, которыя могли служить въ исторіи развитія финскаго жилища звеньями между шалашомъ бродячаго племени и пыртомъ финна, сдѣлавшагося осѣдлымъ. Намъ представляется возможнымъ считать за типы такихъ переходныхъ построекъ встрѣчавшіеся раньше у вотяковъ шалаши-балаганы, о которыхъ упоминаетъ Максимовъ, а также и шалаши, описываемые (въ XVIII в.) Георги у вогуловъ. Изъ этого переходнаго типа легко получается, при замѣнѣ болѣе легкаго матеріала (плетни, жёрди, доски и проч.) болѣе прочнымъ — бревнами, *куа* вотяковъ и зимній срубъ вогуловъ. Быть можетъ также, что сохраненіе названія шалаша за срубообразными и подчасъ значительно развитыми постройками, какъ напр. *куа* у вотяковъ, *кудъ* у черемисовъ, *кодъ*, *кода* у мордвы, можетъ служить косвеннымъ доказательствомъ того, что у этихъ народовъ срубообразныя постройки возникли не только изъ землянокъ, но что и дальнѣйшее развитіе шалаша было не безъ вліянія на ихъ появленіе, подобно тому какъ названіе *sauna* для землянки и бани заставляетъ думать, что послѣдняя развилась изъ первой.

Въ пыртообразныхъ постройкахъ мы имѣемъ тотъ центръ, вокругъ котораго развивались современныя жилища финскихъ народностей. Пыртъ является далѣе исходной точкой, изъ которой развивается деревня. Кочевой бытъ не содѣйствуетъ развитію этихъ послѣднихъ; при отдѣленіи отъ семьи одного изъ членовъ, отдѣлившійся вмѣстѣ съ

своимъ стадомъ легко откочевываетъ далеко отъ родительскаго шалаша, который въ свою очередь весьма часто мѣняетъ свое мѣсто. При переходѣ къ осѣдлости семья остается на своемъ мѣстѣ, и члены, которыхъ не можетъ вмѣстить небольшая землянка или срубъ, выстраиваютъ себѣ свое жилище вблизи отъ выдѣлившей ихъ семьи, остаются на мѣстѣ и не порываютъ съ ней связей. Такимъ образомъ могутъ возникнуть поселки, подчасъ довольно значительные. Что таково очень часто было возникновеніе поселковъ у финскихъ племенъ, мы имѣемъ доказательства въ современномъ ихъ бытѣ и въ возникновеніи новыхъ поселеній у нихъ, подчасъ даже въ настоящее время. По словамъ П. М. Богаевскаго [1]), еще не такъ давно цѣлыя деревни представляли изъ себя лишь совокупность родственниковъ, что впрочемъ и не удивительно, такъ какъ при быломъ обиліи лѣса на новыя мѣста селились лишь лица, которыя въ силахъ были расчистить себѣ изъ-подъ него необходимое пространство земли, а такими, конечно, являлись или лица, обладавшія сильной энергіей, или же семейства, которыя состояли изъ большого числа членовъ. Впослѣдствіи семейства эти разростались, такъ что приходилось все больше и больше расчищать мѣста изъ-подъ лѣса и ставить новыя строенія, мѣста для которыхъ выбирались и назначались исключительно старшимъ членомъ семейства и назначались, конечно, сообразно съ его личнымъ вкусомъ и желаніемъ. По словамъ И. Н. Смирнова, громадная масса вотятскихъ селеній указываетъ на происхожденіе отъ одного основателя и носитъ патронимическія названія. Г. Островскій отмѣчаетъ для вотяковъ Казанской губ., что почти каждая вотская деревня представляетъ совокупность лицъ принадлежащихъ къ одному роду [2]). Г. Инфантьевъ указываетъ, что у вогуловъ, даже въ мѣстностяхъ, гдѣ они уже подверглись русскому вліянію, нерѣдки деревни, состоящія изъ родственниковъ, даже изъ членовъ одной семьи. Авторъ приводитъ не безъинтересный примѣръ развитія одного подобнаго поселка, который ему удалось посѣтить лично: поселокъ состоитъ изъ 5 юртъ, пишетъ онъ, изъ нихъ 4 принадлежатъ нашему хозяину Тимоѳею. Первую, самую старую изъ этихъ юртъ, строилъ еще прадѣдъ Тимоѳея, вторую—дѣдъ его, третью—отецъ, и четвертую онъ—самъ. У вогуловъ въ

[1]) Оч. быта Сарапульск. вотяковъ,—въ Сб. мат. по этногр., подъ ред. В. Ѳ. Миллера, III, стр. 38.—[2]) Смирновъ, Вотяки, стр. 166.

большинствѣ случаевъ каждое новое поколѣніе строитъ свою новую юрту [1]). У финновъ, въ Петербургской губ., переселившихся туда въ XVII в. (савокатъ и сюремейзетъ) и въ настоящее время часто встрѣчается, что цѣлый небольшой поселокъ заселенъ одной фамиліей и носитъ даже названіе этой фамиліи [2]). Есть основанія предполагать, что еще не такъ давно у русскихъ лопарей ихъ погосты (деревни для зимняго пребыванія) состояли изъ однихъ родственниковъ. Преданія черемисовъ Уфимской и Пермской губ. указываютъ, по словамъ г. Ерусланова [3]), что поселенія въ новомъ краю основывались первоначально отдѣльными семьями или родственными группами; поселенцы жили долгое время въ одномъ *кудо*, по нѣскольку семействъ; родственные *кудо* располагались— вблизи другъ отъ друга. „По мѣрѣ того, какъ становилось тѣсно въ одномъ *кудо*, изъ него выдѣлялись отдѣльныя семьи, которыя... селились или вблизи кореннаго шалаша, или уходили въ другія мѣста". Переживанія родового быта, которыя мы встрѣчаемъ у другихъ финскихъ народностей восточной группы позволяютъ распространить и на нихъ высказанное предположеніе о первоначальномъ способѣ возникновенія финскихъ деревень. Къ поселеніямъ подобныхъ родовыхъ или семейныхъ общинъ впослѣдствіи могли примыкать и жилища вновь прибывающихъ лицъ, несвязанныхъ кровными узами съ основателями деревни, которыя или принимались послѣдними въ составъ своей общины или продолжали жить, какъ чужіе, и лишь впослѣдствіи, при упадкѣ родовыхъ отношеній и развитіи объединяющихъ экономическихъ интересовъ, соединялись въ одну деревенскую общину.

Происхожденіе финскихъ деревень изъ разросшейся группы родственниковъ, типичную иллюстрацію чего мы встрѣчаемъ у вотяковъ, не является, конечно, исключительной особенностью финскаго племени. Но это происхожденіе наложило на финскія деревни особый отпечатокъ, рѣзко подчасъ отдѣляющій ихъ отъ деревень ихъ сосѣдей; если этотъ отпечатокъ сохранился у финновъ въ бо́льшей степени, чѣмъ у ихъ сосѣдей, то это можетъ

---

[1]) П. Инфантьевъ, За уральскимъ бобромъ, „Вѣст. Европы", 1894, VI, стр. 566.

[2]) Мат. по статистикѣ нар. хозяйства въ Петербургской губ., VI, стр. 24.

[3]) П. Ерусланова: Оч. быта и преданій восточн. черемисъ,—въ Изв. Оренб. Отд. И. Р. Г. О., вып. 4 (1894), стр. 3, 4.

объясняться отчасти тѣмъ, что среди финскихъ народностей болѣе живы еще воспоминанія родового быта, отчасти, гдѣ родовой бытъ уже давно успѣлъ исчезнуть,—консрватизмомъ и тѣми особыми условіями жизни, въ которыя финны были поставлены.

Въ числѣ чертъ, характерныхъ для современныхъ финскихъ деревень, одно изъ первыхъ мѣстъ слѣдуетъ отвести безпорядочности въ расположеніи домовъ въ деревнѣ. Въ то время, какъ русскія поселенія идутъ вдоль улицы, въ финскихъ деревняхъ подчасъ не видишь никакой правильности. Дома являются разбросанными безъ всякаго порядка. Эта безпорядочность является прямымъ слѣдствіемъ происхожденія самихъ деревень. Разныя соображенія заставляютъ строить вновь возникающій домъ тамъ, гдѣ это оказывается удобнѣе. По словамъ Бехтерева, въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія у вотяковъ встрѣчались деревни, въ которыхъ каждый домъ отдѣлялся отъ другого засѣяннымъ полемъ. Такія деревни, замѣчаетъ по этому поводу совершенно справедливо г. Смирновъ, выростали несомнѣнно изъ одного двора. Въ томъ случаѣ, когда въ сосѣдство выдѣлялась или садилась новая семья, она выбирала себѣ мѣсто за чертой расчищенныхъ первыми поселенцами полей и производила для себя расчистку сама; также поступали и дальнѣйшіе основатели дворовъ. Деревня разросталась до значительныхъ размѣровъ, но не получала значенія поземельной общины [1]). Подобныхъ деревень, насколько намъ извѣстно, не отмѣчается больше у вотяковъ новѣйшими изслѣдователями, но всѣ они указываютъ на неправильность, какъ на характерную черту вотяцкихъ деревень. Полное отсутствіе какого-нибудь правильнаго плана мы встрѣчаемъ и у остяковъ, вогуловъ и лопарей. Сохранившіеся остатки древнихъ пермяцкихъ деревень расположены также неправильно. У зырянъ дома въ деревняхъ расположены то слишкомъ тѣсно, то слишкомъ разсѣянно, но почти всегда неправильно [2]). Г. Гейкель отмѣчаетъ эту же характерную черту у мордвы и черемисовъ. Говоря о расположеніи деревень у послѣднихъ, онъ замѣчаетъ, что въ настоящее время черемисскіе дома строятся по приказанію властей все болѣе и болѣе по русскому образцу; но этотъ порядокъ, продолжаетъ

[1]) Смирновъ: Вотяки, стр. 92.

[2]) К. А. Поповъ: Зыряне и Зырянскій край. Тр. Отд. Этнографіи И. О. Л. Е., А. и Э. III, вып. 2 стр , 61.

онъ, не вполнѣ еще укоренился у нихъ, такъ какъ они, какъ и прочія финскія народности, строили свои дома и деревни совершенно неправильно, такъ что уголъ одного зданія подчасъ былъ обращенъ къ сторонѣ другого (стр. 69). Собственно черемисскій типъ, пишетъ И. Н. Смирновъ [1]), можно, въ немногихъ правда уже случаяхъ, наблюдать въ южной части Яранскаго и Уржумскаго уѣздовъ и на сѣверѣ Макарьевскаго у. Полнѣе онъ сохранился въ Уфимской губ. Черемисскія деревни конца 50-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія состояли здѣсь изъ нѣсколькихъ дворовъ, примыкающихъ одинъ къ другому самымъ безпорядочнымъ образомъ въ зависимости отъ того, какъ разростался родъ, сѣвшій въ данномъ мѣстѣ. Совершенно то-же мы встрѣчаемъ у западныхъ финновъ: въ Финляндіи деревни представляютъ небольшія группы домовъ, расположенныя безъ всякого порядка; у эстовъ, по словамъ А. Д. Солодовникова [2]) и по нашимъ личнымъ наблюденіямъ, деревни не представляютъ въ большинствѣ случаевъ никакой правильности въ планѣ. Если г. Гейкель (стр. 127) и отмѣчаетъ, что архангельскіе корелы располагаютъ свои жилища въ рядъ вдоль улицы, въ чемъ онъ совершенно основательно видитъ русское вліяніе, то въ корельскихъ деревняхъ, не подвергшихся въ такой степени этому вліянію, продолжаетъ, по словамъ Чубинскаго, господствовать отмѣченная у другихъ финскихъ племенъ безпорядочность въ расположеніи [3]). Тоже мы видимъ и у олонецкихъ кореловъ; чѣмъ ближе корельскіе погосты и деревни къ границѣ селеній русской народности, пишетъ г. Соборновъ, тѣмъ больше замѣтно сходства въ постройкахъ кореловъ съ русскими, и чѣмъ дальше корельскія селенія отъ сказанныхъ районовъ русской народности, тѣмъ меньше замѣчается общихъ чертъ между этими народностями... Корельскія селенія планируются неправильно: дома стоятъ другъ отъ друга въ разныхъ направленіяхъ, иногда въ совершенномъ безпорядкѣ. Корельскія деревни очень часто считаютъ въ себѣ только 2—6 дворовъ съ 6-ю или 20-ю душами населенія; въ поселкахъ подчасъ живутъ одиночныя семейства [4]).

---

[1]) Черемисы: стр. 69, 70.

[2]) Солодовниковъ: Жилище эстонцевъ.

[3]) Чубинскій: Этн. оч. Корелы—въ Тр. Арх. Ст. Ком. 1865. II. стр. 101.

[4]) А. Соборновъ: Къ исторіи культуры олонецкихъ Кореловъ,—въ Олонецкомъ Сборникѣ, вып. 1., стр. 132.

Незначительное количество дворовъ, отмѣчаемое г. Соборновымъ, въ деревняхъ олонецкихъ кореловъ, встрѣчается какъ типичная черта и у другихъ финскихъ народностей: изслѣдователи считаютъ малочисленность деревень характерной для остяковъ и вогуловъ, лопарей, финляндскихъ кореловъ, эстовъ (въ среднемъ 4,33 жил. строеній на поселокъ въ Эстляндской губ.), тавастовъ и у финновъ Петербургской губ., причемъ у послѣднихъ въ среднемъ поселки по количеству душъ въ 3 раза менѣе, чѣмъ у русскихъ. Такого рода деревни не исчезли также и у вотяковъ, пермяковъ и черемисовъ [1]).

Въ этой чертѣ, какъ и въ отсутствіи правильности плана, слѣдуетъ видѣть характерную особенность финской деревни, въ настоящее время уже утрачиваемую нѣкоторыми племенами подъ вліяніемъ сосѣдей. Малочисленность дворовъ въ финскихъ деревняхъ объясняется также происхожденіемъ самихъ деревень, имѣвшихъ значеніе подворной, а не сельской общины. Этимъ же обстоятельствомъ объясняется и третья типичная черта поселеній, принадлежащихъ финскимъ народамъ, это—выходъ фасада дома не на улицу, какъ въ большинствѣ русскихъ деревень, а во дворъ. Тамъ, гдѣ каждый дворъ представляетъ самостоятельное хозяйственное цѣлое, гдѣ онъ мало или вовсе не объединенъ съ другими сосѣдними дворами общими *хозяйственными* интересами, мы въ правѣ ожидать, что жилыя постройки будутъ приноровлены къ потребностямъ узкой семейной жизни, что каждый дворъ будетъ представлять замкнутую

[1]) Если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у финскихъ племенъ и встрѣчаются многолюдныя деревни, то это находитъ себѣ объясненіе или во вліяніи сосѣдей (какъ, напр., у архангельскихъ кореловъ, мордвы, черемисовъ и пр.) или въ особенностяхъ мѣстности, вынуждающей селиться большими деревнями. Такъ, напр., зырянскія деревни отличаются большими размѣрами и многолюдностью По словамъ К. А. Попова, въ Устьсысольскомъ уѣз. на каждую населенную мѣстность приходится въ среднемъ по 200 душъ; а село Карткеросское въ томъ же уѣздѣ, на р. Вышерѣ, состоитъ изъ 309 дворовъ, съ населеніемъ въ 2066 душъ, причемъ оно разбросано на 4 версты. „Столь значительная многолюдность зырянскихъ селеній, "замѣчаетъ К. А. Поповъ, особенно поразительна въ виду совершенно противнаго явленія въ сосѣднихъ русскихъ частяхъ Вологодской губ., даже Яранскаго уѣзда, гдѣ деревни вообще очень мелки. Мы не можемъ положительно объяснить причину такого контраста и лишь догадываемся, что зыряне жмутся въ большія кучи вслѣдствіе недостатка, въ ихъ болотистой почвѣ, удобныхъ усадебныхъ мѣстъ.“ (К. А. Поповъ, Зыряне и Зырянскій край., стр. 61).

саму въ себя единицу, располагающую свои отдѣльныя части такъ, какъ это оказывается наиболѣе удобнымъ для потребностей живущей во дворѣ семьи. Отсюда происходитъ замѣченная у всѣхъ финскихъ народностей, постройки которыхъ не ограничиваются только жилымъ помѣщеніемъ и небольшой кладовой,—черта строить свои дома такъ, что на улицу выходятъ лишь глухія бревенчатыя стѣны. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ уже сказывается сильно вліяніе сосѣдей, преимущественно русскихъ, этотъ обычай подвергается измѣненію, и въ корельскихъ деревняхъ, находящихся вблизи отъ русскихъ селеній, какъ и въ деревняхъ черемисовъ, мордвы и вотяковъ, встрѣчается все больше и больше избъ, фасады которыхъ выходятъ на улицу. Но и въ настоящее время среди финскихъ народностей восточной группы, въ значительной степени поддавшихся русскому вліянію, этотъ обычай не исчезъ. По словамъ Риттиха, у черемисовъ изба часто строится въ глубинѣ двора, а „вокругъ нея стоитъ множество амбаровъ, лачугъ, клѣтей для лѣтняго жилья и для храненія всевозможныхъ запасовъ" [1]). Какъ особенность, характерную для вотяцкой деревни, г. Богаевскій отмѣчаетъ, что „въ любой вотяцкой деревнѣ можно встрѣтить много избъ, окна которыхъ выходятъ во дворъ, а на улицѣ сплошь да рядомъ видны лишь высокія бревенчатыя стѣны избы или клѣти. Нерѣдко, когда на улицу выходитъ клѣть, то, такъ какъ окна чаще вырубаются лишь въ избѣ, они выходятъ далеко вглубь дворовъ, которыхъ въ мало мальски зажиточномъ хозяйствѣ всегда бываетъ два" [2]). Въ мордовскихъ деревняхъ, по словамъ г. Гейкеля (стр. 28), несмотря на значительное русское вліяніе, сказывающееся въ ихъ устройствѣ, встрѣчаются еще дома, обращенные къ улицѣ боковымъ фасадомъ, а для болѣе древняго времени онъ считаетъ выходъ глухой стѣны на улицу обычаемъ широко распространеннымъ. У пермяковъ, несмотря на то, что они въ значительной степени подверглись русскому вліянію, дома до настоящаго времени выходятъ на улицу чаще всего не фасадомъ, а профилемъ [3]). Постройки эстонской деревни разбросаны, пишетъ А. Д. Солодовниковъ [4]), фасады и окна ихъ выходятъ во дворъ,

[1]) Риттихъ: Матеріалы для этнографіи Россіи. Казанская губ., стр. 133.

[2]) П. М. Богаевскій: Оч. быта сарапульскихъ вотяковъ. Сб. мат. по этногр., III., стр. 37.—[3]) Смирновъ: Пермяки, стр. 194.

[4]) А. Д. Солодовниковъ: Жилище эстонцевъ въ его постепен. развитіи.

а заборы и глухія стѣны на улицу. Въ настоящее время эта черта является, какъ было нами уже указано, однимъ изъ отличій финскихъ деревень отъ русскихъ; но этотъ типъ постройки долженъ былъ существовать, вѣроятно, у многихъ народовъ въ періодѣ господства подворной общины, когда и интересы общины, и, быть можетъ, также стремленіе къ безопасности заставляли ее замыкаться отъ внѣшняго міра. Въ настоящее время деревни казанскихъ татаръ, по словамъ Риттиха, строятся по этому же типу [1]); мы встрѣчаемъ этотъ обычай у сартовъ и во многихъ мѣстахъ у сѣверно-кавказскихъ горцевъ, и, наконецъ, даже русскіе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ слѣдовали этому способу постройки: такъ, напр., въ Харьковской г., Старобѣльскомъ у., русскіе поселенцы строили въ недавнее еще время избы такъ, что на улицу выходила только глухая стѣна [2]). Этотъ обычай сохранился до настоящаго времени среди великоруссовъ въ Курской губ., а среди малороссовъ онъ является даже господствующимъ.

Въ настоящее время во дворѣ представителя финскаго племени находится почти все, что нужно при его потребностяхъ. Во дворѣ у вотяка, кромѣ обширной избы и клѣти, встрѣчается и большой амбаръ, который тянется черезъ весь длинный дворъ (въ этомъ амбарѣ часто семья проводитъ жаркое лѣтнее время), изба, въ которой имѣютъ свое мѣстопребываніе женатые члены семьи, иногда еще нѣсколько клѣтей, наконецъ, на дворѣ же стоитъ и *куа*—моленный шалашъ, въ которомъ приносятся жертвы духу-покровителю семьи. Только бани и шалаши, въ которыхъ происходитъ варка кумышки, стоятъ, въ виду соображеній объ удобствахъ, поодаль, на берегу рѣки [3]). Г. Гейкель (стр. 69) даетъ слѣдующее описаніе черемисскаго двора, въ устройствѣ котораго, по его словамъ, мало замѣтно русское вліяніе (рис. 14): въ немъ какъ жилое помѣщеніе, такъ и хозяйственныя постройки стоятъ обособленно; ворота (a) выходятъ на улицу; противъ нихъ помѣщается изба (рис. 14, 15, 16 и 17); около нихъ (рис. 14, b) находится коровникъ сосѣдняго дома; отдѣльно стоитъ на дворѣ *куда* (d), клѣть (e) и погребъ (f) съ конусообразной крышей, и коровникъ (g). Въ усадьбѣ эстонца на дворѣ, кромѣ жилого помѣщенія, стоятъ

---

[1]) Риттихъ: o. cit., стр. 16.—[2]) Вѣстникъ И. Р. Г. О. XIV. 1855, стр. 194.
[3]) П. М. Богаевскій, o. c. стр. 38.

обыкновенно на довольно далекомъ разстояніи другъ отъ друга для безопасности на случай пожара слѣдующія хозяйственныя постройки: 1) амбаръ (*айтъ*), 2) сарай для телѣгъ (*вахво-но*) и 3) хлѣвъ (*лаутъ*); часто эти три зданія соединяются въ одно и образуютъ такимъ образомъ длинное помѣщеніе (въ которомъ всѣ три части отдѣлены), сажень 6 длины и до 2-хъ саж. ширины; далѣе на дворѣ помѣщаются еще 4) рига (*рехе*) и вмѣстѣ съ тѣмъ и сѣнной сарай, соединенный иногда съ чуланами, гдѣ хранятся разныя запасныя сельскохозяйственныя орудія, 5) баня, 6) лѣтняя кухня и наконецъ, 7) погребъ [1]). Дворъ таваста представляетъ также, какъ и дворы упомянутыхъ выше народностей, кучу построекъ, необходимыхъ тавасту. Гейкель (стр. 287 — 289) представляетъ нѣсколько плановъ тавастскихъ дворовъ, на которыхъ размѣщается слишкомъ 20 построекъ разнаго рода: мы находимъ здѣсь отдѣльно помѣщеніе для лошадей, коровъ и овецъ, нѣсколько сараевъ, чуланы, баню, коту, колодезь и т. д.

При сравнительной изолированности жизни финской семьи, при расположеніи внутри двора всѣхъ необходимыхъ хозяйственныхъ построекъ, естественно, что обычай строить дома фасадами во дворъ долженъ былъ сохраниться еще долго послѣ того, какъ подворная община замѣнилась сельской и соображенія самозащиты потеряли свое значеніе: даже въ настоящее время, когда финны въ устройствѣ своихъ домовъ сильно поддались вліянію сосѣдей, когда подъ вліяніемъ послѣднихъ жилища ихъ расширились и довольно значительно уклонились отъ первоначальнаго типа, обычай строить дома фасадами во дворъ держится, пожалуй, наиболѣе крѣпко. Восточная группа финновъ, въ особенности черемисы и мордва, переходятъ теперь, какъ это было указано выше, къ русскому способу постройки избы фасадомъ на улицу; но вслѣдствіе отчасти народнаго консерватизма, отчасти хозяйственныхъ соображеній, въ планѣ ихъ домовъ сохраняются старинныя черты. „Что особенно бросается въ глаза посѣтителю, пишетъ г. Гейкель (стран. 28 и слѣд.), при входѣ его въ мордовскую деревню—это неудобное положеніе окна на фасадѣ дома, выходящаго на улицу: окно помѣщается довольно страннымъ образомъ, обыкновенно ближе къ углу зданія, а не въ серединѣ стѣны.

---

[1]) Солодовниковъ: Жилище эстонцевъ.

помѣщенія семьи, другое служило и кухней, и сѣнями. Въ первомъ отдѣленіи—чувалъ, нары; во второмъ—котелъ для варки пищи. Окна такія-же, какъ въ первой юртѣ, но уже есть потолокъ. Третья юрта, въ которой въ настоящее время живетъ самъ хозяинъ съ семьей, также во многомъ отличается отъ двухъ предыдущихъ: при ней есть просторныя, крытыя сѣни; внутренность ея раздѣлена на двѣ половины—мужскую и женскую. Чувалъ замѣненъ печью, почти совершенно подобной русской. Окна въ юртѣ стеклянныя, вмѣсто наръ—кровати. Котелъ для варки мяса и рыбы находится уже въ другой отдѣльной избушкѣ, какъ у большинства зажиточныхъ вогуловъ. Наконецъ, послѣдняя юрта, еще совершенно новая, уже вполнѣ напоминаетъ русскую пятистѣнную избу. Всѣ эти зданія стоятъ кучкой, другъ подлѣ друга. Тутъ-же, недалеко отъ нихъ, находится старая избушка, прежде предназначавшаяся для рожеництъ и менструирующихъ женщинъ, въ которой послѣднія подвергались обряду очищенія. Въ настоящее время этотъ обычай вывелся, а избушка осталась, какъ памятникъ стараго времени. Нѣсколько поодаль отъ этихъ главныхъ построекъ находятся другъ противъ друга четыре амбара, построенные на сваяхъ; наконецъ, еще сарай, съ крытымъ вверху сѣноваломъ [1]). Типъ болѣе богатаго остяцкаго двора описанъ г. Паткановымъ, видѣвшимъ остяковъ по р. Демьянкѣ. И здѣсь деревни крайне незначительны по числу дворовъ. Около домовъ находятся кое-какія службы: амбарчики и завозни на столбикахъ съ выемками; нѣсколько дальше—скотные дворы, „которые состоятъ изъ небольшого моста, обнесеннаго оградой, гдѣ имѣется 1—2 стойки для коровъ и для молодого скота, а то и просто навѣсъ". Лошади обыкновенно проводятъ зиму подъ навѣсомъ. Бани встрѣчаются, но рѣдко [2]).

Въ описанныхъ типахъ дворовъ мы имѣемъ рядъ звеньевъ въ развитіи двора финна, прежде чѣмъ его культурный и экономическій уровень позволитъ ему застроить свой дворъ всѣми возможными хозяйственными постройками, какъ это мы видимъ у богатаго финляндца. **Н. Харузинъ.**

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) П. Инфантьевъ: За уральскимъ бобромъ. „Вѣстн. Европы". 1894. VI, стр. 566, 567.

[2]) С. Паткановъ: По Демьянкѣ. Запис. Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. XVI, вып. 2 и 3, стр. 24.

ЗАМѢТКИ О МАЛОРУССКИХЪ ДУМАХЪ И ДУХОВНЫХЪ ВИРШАХЪ.

(По поводу соч. П. И. Житецкаго: „Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ“. Кіевъ. 1893. Стр. 249).

Изслѣдованіе П. И. Житецкаго о малорусскихъ думахъ первоначально было напечатано въ „Кіевской Старинѣ“ 1892 г. и затѣмъ въ 1893 г. издано отдѣльно редакціей этого журнала. Такъ какъ все изслѣдованіе г. Ж. построено на одномъ положеніи—о вліяніи школьной литературы на думы,—то при первоначальномъ печатаніи сочиненія въ журналѣ по частямъ трудно было слѣдить за ходомъ мыслей автора, и отдѣльныя его части представлялись безсвязными. Въ отдѣльномъ изданіи сочиненіе г. Житецкаго обратило на себя вниманіе, по оригинальности и новизнѣ основной мысли и по обилію новыхъ любопытныхъ данныхъ изъ области виршъ-орацій и думъ. И. В. Ягичъ въ Archiv f. slav. Phil. 1893, XV, Heft 4, стр. 613—614 находитъ, что „Мысли“ г. Ж. представляютъ собою „das hübsch beschribene Buch“, что авторъ — „gründlicher Kenner des kleinrussischen Volksthum, namentlich der Volksdichtung in ihrem Zusammenhange mit der Geschichte und den culturellen Einflüssen“, и въ частности мысль о вліяніи на думы школы рецензентъ называетъ „ein hübscher Gedanke“. Съ г. Ягичемъ сходится А. Н. Пыпинъ въ небольшой (въ 2 стр.), но мѣткой и содержательной рецензіи въ „Вѣстн. Евр.“ 1893, VI. По словамъ г. Пыпина, изслѣдованіе г. Ж. „даетъ много любопытнѣйшихъ указаній, важныхъ именно тѣмъ, что кромѣ особенностей формы, они опираются на фактахъ стараго быта, школы и нравовъ и на фактахъ старой малорусской книжной рѣчи и литературы“.

Сочиненіе г. Житецкаго состоитъ изъ 6 главъ, и мы разсмотримъ его послѣдовательно по главамъ.

Въ первой главѣ, озаглавленной: „Строй рѣчи и поэтическій стиль въ народныхъ малорусскихъ думахъ“, на пространствѣ 38 страницъ г. Ж. говоритъ о вліяніи риомы на образованіе стиха

въ думахъ, неравномѣрности и подвижности стиховъ, построеніи предложеній въ думахъ, мѣстѣ сказуемаго, сложномъ сказуемомъ, нарощеніи рѣчи, скопленіи придаточныхъ предложеній, инверсіи. Вообще эта глава посвящена формальной сторонѣ думъ.

Народная поэзія, въ частности думы, весьма мало изучена въ формальномъ отношеніи. Изъ людей науки лишь Миклошичъ, Зима и Потебня обращали вниманіе на эту сторону народной поэзіи, и все, что сдѣлано ими въ этомъ отношеніи, весьма цѣнно. Мысль г. Ж. заняться поэтическимъ стилемъ и строемъ думъ—мысль очень хорошая; жаль только, что она выполнена неудовлетворительно, и сочиненіе г. Ж. ничего не потеряло бы, если бы первая глава совсѣмъ отсутствовала. Прежде всего, 38 стр. для характеристики строя рѣчи и поэтическаго стиля думъ—слишкомъ мало, особенно мало при стилѣ автора, расплывчатомъ, пространномъ, съ риторическими прикрасами. Затѣмъ, г. Ж. при разсмотрѣніи языка думъ оставляетъ въ сторонѣ цѣнныя сообщенія по этому поводу Миклошича, Зимы и Потебни, даже не упоминая ихъ по имени, что даетъ поводъ къ предположенію, что автору остались вполнѣ неизвѣстными „Die Darstellung im slavischen Volksepos“ [1]), „Serbische Epik“ Миклошича, „Figure“ Зимы, статья Потебни о малор. пѣснѣ XVI в. и многія мѣста въ его „Объясненіяхъ малор. и сродн. пѣсенъ“. Наконецъ, и въ предѣлахъ 38 стр. авторъ не стоитъ твердо на формальной сторонѣ думъ и съ 25-й страницы переходитъ въ сферу фактическаго содержанія.

Въ оглавленіи первой главы находится заманчивое мѣсто: „архаизмы въ лексическомъ составѣ думъ“; въ самомъ же изслѣдованіи этому интересному заголовку отвѣчаютъ лишь двѣ страницы (35—36), гдѣ говорится о церковно-славянскихъ элементахъ въ языкѣ думъ. Тема чрезвычайно интересная и важная, и нужно пожалѣть, что г. Ж. такъ мало обслѣдовалъ архаизмы думъ. Авторъ—спеціалистъ-филологъ, и отъ него мы могли ожидать обширнаго и цѣннаго изслѣдованія о языкѣ думъ. Но онъ ничего другого не хочетъ знать, кромѣ основного своего положенія—о вліяніи письменности на пѣснотворчество народное, и въ этомъ отношеніи впадаетъ мѣстами въ излишнюю односторонность. Такъ, въ вопросѣ объ архаизмахъ въ лексическомъ строѣ думъ авторъ могъ только замѣтить церковно-славянскіе элементы, точно этими элементами исчерпывается весь вопросъ объ архаизмахъ думъ. При такой односторонности правильнѣе было бы въ заглавіи изслѣдованія поставить не „Мысли“, а „Мысль“ Въ частности же по вопросу объ архаизмахъ въ лексическомъ составѣ думъ г. Житец-

---

[1]) Русскій переводъ этого изслѣдованія вскорѣ появится въ I т. „Трудовъ Славянской Коммиссіи“ при Имп. Моск. Археол. Обществѣ.

Ред.

кому многое оставалось еще сдѣлать. Если бы сравнить языкъ думъ съ языкомъ Слова о Полку Игоревѣ, затѣмъ съ языкомъ южно-русскихъ литературныхъ памятниковъ XVI—XVII вѣковъ, хотя бы такихъ характерныхъ по лексическому составу, какъ Рѣчь Ивана Мелешка, Перестречи и посланія Іоанна Вишенскаго, наконецъ, съ современной живой малорусской рѣчью, то вопросу объ архаизмахъ думъ пришлось бы посвятить обширную главу, можетъ быть, цѣлую монографію. Теперь же приходится довольствоваться лишь тѣмъ, что авторъ напомнилъ о присутствіи въ думахъ архаизмовъ церковно-славянскаго характера.

О многомъ г. Ж. совсѣмъ умалчиваетъ, напр. о запѣвахъ и припѣвахъ, о чемъ ранѣе А. А. Потебня сдѣлалъ рядъ цѣнныхъ замѣчаній, безъ выдѣленія думъ, что было для г. Ж. специальной задачей; ничего далѣе не говорится въ „Мысляхъ" о такихъ характерныхъ явленіяхъ въ языкѣ славянскаго эпоса, въ частности думъ, какъ повторенія словъ и цѣлыхъ предложеній, эпитеты и сравненія, о чемъ ранѣе говорилъ Миклошичъ въ „Die Darstellung im slav. Volksepos".

Запѣвы привлекали вниманіе выдающихся ученыхъ, А. А. Потебни и А. Н. Веселовскаго. Въ „Объясненіи малор. и сродн. нар. пѣсенъ" Потебни находится много цѣнныхъ фактовъ и соображеній. А. Н. Веселовскій въ рец. на „Труды" Чубинскаго (стр. 37 — 38) даетъ слѣдующую мѣткую характеристику запѣва: „Запѣвы, и теперь еще отличающіеся извѣстной устойчивостью, еще болѣе устойчивые въ древней пѣснѣ, представляются мнѣ ея типическою чертою, зерномъ, изъ котораго развилось цѣлое. Небольшая картинка природы, вечерняя зиронька, сухой дубъ, то и другое среди небольшого дѣйствія, опредѣленнаго простѣйшимъ наблюденіемъ народной жизни; параллелизмъ этого дѣйствія съ моментами личной жизни человѣка, съ настроеніями его чувства; символическій смыслъ, вложенный народнымъ повѣріемъ въ тотъ или другой цвѣтокъ или быліе — и опять нити, протягивающіяся къ человѣческой душѣ, отзывающейся на этотъ символизмъ; наконецъ, простѣйшія положенія людского быта, опредѣленно осмысленныя извѣстными психическими ощущеніями: таковы немногія данныя, изъ которыхъ зародилась народная лирическая пѣсня. Разработка шла путемъ анализа,—какъ и наше обособленное до эгоизма личное чувство растетъ, изощряется и никнетъ — анализомъ, углубленіемъ въ такія стороны чувства, которыя не даны его первымъ моментомъ... Народная пѣсня живетъ повтореніями; она избита, потому что связана немногими мотивами и рядомъ ассоціацій, предуставленныхъ поэтическимъ символизмомъ".

Мы не имѣемъ основанія требовать отъ автора широкаго изученія запѣвовъ, хотя такое изученіе и не поставили бы ему въ вину; но мы желали бы видѣть изученіе запѣвовъ думъ въ за-

висимости отъ теоріи автора о школьныхъ вліяніяхъ, желали бы получить отвѣты на вопросы: не отразилась ли въ запѣвахъ думъ своеобразная логика школьнаго пониманія? сливаются ли они съ обыденными пѣсенными запѣвами?

Малорусскія думы очень любятъ *тавтологію* и въ нихъ на каждомъ шагу встрѣчаются сопоставленія синонимовъ, двойныя слова, повтореніе нарѣчій, предлоговъ. Отмѣтимъ два, три десятка такихъ случаевъ (по сб. Ант. и Драгом.).

Грунтъ—худоба (119),
хлибъ—силь (118),
пыли—туманы (113),
срибро—злато (91),
селомъ—улыцею (80),
звиръ—птыця (117),
щука—рыба...
степъ—долына (139),
стежки—дорожки (II 102),
долыны—яры (79),
доломъ—долыною (80),
часъ—годына (139),
свитлыця—камяныця (211),
кайданы—зализо (89),
пиша—пишаныця (106),
чужа—чужанина (332, 190),
пітыхъ—копье (II 121),
живъ—здоровъ (116),
мало—немножко (117),
малъ—невелычокъ (113),
батькова—матчина (111, срв. 180, 187),
сира-сирыця (90),
сіе—посивае (80),
стучить—гремыть (31),
бере—хапае (109),
стеле—покладае (116),
квиле—проквиляе (177),
мыто—промыто (II 21),
суды—судыты (49),
рады—радылы . .
обидъ—обидае (248),
сикты—рубаты. . .
думаты—гадаты (108),
пыты—пидпываты (212),
пыть—гулять . . .
леньмо—поленьмо. . .
кляла—проклинала (91),
бижыть—пидбигае (332),
потурчила—побасурманила. . .

и т. д.

Въ южнославянскомъ эпосѣ и въ эпосѣ великорусскомъ обнаруживается то же самое повтореніе не только предлоговъ, но именъ существительныхъ, сопоставленіе синонимовъ, разнообразные виды тавтологіи. Такъ, у сербовъ тамница тавна, болг. темна темница, велик. молоденьки молодушки, свѣтлая свѣтлица и др. (Miklosich, Die Darst. 7—26). Любопытныя аналогіи у Гомера указаны Миклошичемъ въ цитир. сочиненіи.

Изученіе *повтореній* въ предѣлахъ думъ также могло бы уяснить кое-что въ ихъ характерѣ и содержаніи. Акад. А. Н. Веселовскій такимъ образомъ объясняетъ повторенія въ народныхъ пѣсняхъ: „Нѣкоторыя сцены, образы до такой степени возбуждаютъ поэтическое вниманіе, такъ захватываютъ духъ, что отъ нихъ не оторвать глаза и памяти, какъ бы ни было впечатлѣніе болѣзненно, томительно, и, можетъ быть, потому именно, что оно томительно, что оно щемитъ душу, имъ не насытиться за-разъ. Веселые мо-

менты жизни переживаются быстрѣе.... Народная поэзія и поэзія, стоящая подъ ея вліяніемъ, ближе воспроизводятъ дѣйствительный процессъ психическаго акта. Въ каждомъ комплексѣ воспоминаній, преимущественно патетическихъ, есть одно, почему бы то ни было становящееся поверхъ другихъ, какъ бы ихъ покрывающее, дающее тонъ всему. Воспоминанія тянутся вереницей, возбуждая различныя ассоціаціи, разбѣгаясь за ними въ сторону, и снова возвращаются къ основной нотѣ и (основному) образу („Нов. изслѣд. о франц. эпосѣ“, изъ оттиска). Очень любопытный примѣръ повторенія въ малорусской думѣ (у Ант. и Драг. I 100, № 33) приведенъ А. Н. Веселовскимъ въ цитированной статьѣ съ указаніемъ весьма характерной параллели въ пѣснѣ о Роландѣ. Г. Житецкому эта статья акад. Веселовскаго осталась неизвѣстной.

Г. Ж. не обратилъ вниманія на *сравненія*, а при изученіи сравненій не лишнимъ было бы вспомнить кое-гдѣ о Словѣ о Полку Игоревѣ, напр. на стр. 123, при стихѣ думы о Корсунской битвѣ:

Не вербы-жъ то шумилы и не галки закричалы:
Тожъ козаки зъ ляхамы пыво варыть зачиналы.

Сравненіе враговъ ляховъ съ галками и битвы съ пиромъ воспроизведено по старому эпическому образцу, внѣ вліянія виршъ.

Г. Житецкій также не обратилъ вниманія на *эпитеты*; объ этомъ нужно тѣмъ болѣе пожалѣть, что изученіе эпитетовъ въ думахъ могло бы кое-что уяснить по главному вопросу о вліяніи письменности на поэзію народную. Нѣтъ надобности здѣсь разъяснять, какое важное значеніе имѣетъ эпитетъ въ народной поэзіи; во многихъ случаяхъ эпитетъ является обломкомъ стариннаго міросозерцанія и быта, обломкомъ древнѣйшаго живописнаго состоянія языка. Въ виду такого важнаго значенія эпитетовъ, недурно было бы выбрать ихъ изъ думъ (хотя бы изъ одного сборника гг. Антоновича и Драгоманова), разставить въ алфавитномъ порядкѣ, при чемъ опредѣлились бы характерные пріемы художественнаго опредѣленія природы и быта, затѣмъ распредѣлить эпитеты въ предметномъ порядкѣ, что можетъ привести къ любопытнымъ историко-культурнымъ выводамъ, и, наконецъ, остановиться на нѣкоторыхъ эпитетахъ, особенно интересныхъ для историка культуры и психолога. Такая работа могла бы быть произведена приблизительно въ такомъ видѣ:

Бидны невольники (I 88, 90 и др.), Билый камень (I 31, 107), рука (83), нога, лицо, свѣтъ, снѣгъ, габа ((I 219), скамья (I 211), челядь (I 86, 109), Битый шляхъ (I 81, 83), Близка сусида (I 91, 190), Божій свитъ, Буйный витеръ (I 80, 111), Булатна сабля (I 121), Быстрый конь (I 33), хвыля (I 89), рѣка, Велики дороги росхидныи (I 116), диво (185), грихъ (186), Веселый край (I 191), Вирна жона (I 89), Вороный конь

(I 8, 31 и др.), Высока степь (I 116), Гнѣдый конь (Голов. I 12), Гордый панъ (I 8), Горячыи слезы., Гострый мечъ (I 31), Далека дорога (I 138, 139), Добрая рада (I 1 и др.), Дрибенъ дощъ (I 9, 80), великор. мелкой частой дождикъ (Труды Яросл. Губ. Ст. Ком. I 13), листе-письмо (I 135), слеза, Жовтая коса (I 86), чоботы (Голов. II 50), мѣдь на воротахъ (I 31), кость (I 89), Зеленый яворъ (I 85), дубъ (I 134), жупанъ (I 87, 116), диброва (83), Злая хуртовына (I 186), Золотой волосъ (I 83), столъ (8), човенъ (2), весло (1), перстни (2 и др.), соха (53), грива (3), сѣдло (2), серпы (79), мечъ (46), златосини киндяки (219), Калинова стрѣла (2), Камяна темница, Кленови уши коня (35), Кованый возъ (Голов. I 92), поясъ (Гол. II 50, Ант. I 43, 47), Кривава ничъ (I 185), Кришталева фляшка (I 77), Кровна родына (I 91), Мидяны човна (I 1), сошникъ (53), Мизине дзецко (I 39), палецъ (184), Милосердный Господь (I 90, 88), Оправи кульбаки (I 114), Павяный винокъ (I 43), Перлова тканка (Гол. II 50)., Пильна годына (Ант. II 6)., Пирскій конь (I 35). Писаня скрыня (Гол. I 13). Простая дорога (I 91), люди (187), Рудая сукня (I 43). Руса коса (I 135, 138)., Святое море (I 182), недиля (88), небо (194), церква (184), письмо (185 и сл.), Семипьядна пищаль (I 111, 219), Сердешни товарищи (I 192). Сивый конь (I 35, 6), волы (43), голубъ (93), зозуля (111), Сиза зозуля, орлы (88, 111), Сыре кориння (I 107), вовки сироманци (111). Синее море (99 и др.), Смертельный грихъ, мечъ (187), Срибныи пидковы (I 35), полыця (53), Старыя жоны (I 184), вдовы (187), мать (192), Супротывня хвыля (I 191), Темный похоронъ (I 117), ничка (118), лѣса (7, 83), Тисови синци (I 44), Тихи воды (I 89), Тяжка неволя (I 88), Хрещеный народъ (I 191 и др.), Червоне убране (I 87), каптанъ (108), китайка (116), таволга (89), Чисте поле (I 7, 43), Чорный пожаръ (I 114), кровь (85), мажа (86), китыця (108), аксамитъ (165, 167), очи, брови (87, 117 и др.), воронъ (85, 117), хмара (79), Чудныя стороны (I 184), Широкій танецъ (I 36), Шовковый наметъ (I 8), хвостъ коня (35), Яворовы сходци (I 44), Яріи пчолы (I 40), пшеница (79), Ясный соколъ (I 95), огонь (77), зори (90), сонце, (ib.), зброя, мисяць, и т. д.

Цвѣтовые эпитеты самые распространенные. Въ изслѣдованіи Миклошича „Die Darstellung im slavischen Volksepos“ мы находимъ подборъ наиболѣе встрѣчающихся эпитетовъ сербскихъ, хорватскихъ, болгарскихъ, великорусскихъ и малорусскихъ. Въ сербскихъ пѣсняхъ эпитетъ „бѣлый“ прилагается къ разнымъ частямъ человѣческаго тѣла. У Гомера—„бѣлый“ локоть, зубы, ячмень, городъ. У сербовъ также „камена тавница“, „руса коса“. Море—синее у сербовъ и великоруссовъ. Мелкое, дробное—ситное письмо у бол-

гаръ и сербовъ. Голубь и соколъ сивые и въ южнославянскомъ эпосѣ. Здѣсь же находимъ „вѣрную жену“, „зеленый“ боръ, ель, садъ, „золотые“ ключи, кольца, колыбель, чаши, вѣнки, „желтые“ сапоги (рарис̆а), „бѣлую“ пшеницу, „ясное“ солнце, мѣсяцъ и звѣзды, „широкія“ дороги, „тихія“ воды Дуная, „вороныхъ“ коней; у великоруссовъ повторяются почти всѣ эпитеты думъ: „каленая“ стрѣла, „ясный“ соколъ и солнце, „каменныя“ палаты, „темные“ лѣса и темницы и др. (подроб. у Миклошича въ Die Darstellung... 26—40).

При группировкѣ эпитетовъ раскрывается широкая и живописная картина украинской природы, стариннаго быта, одежды, вооруженія, пищи и пр., напр.: поле чистое (I. 7, 43) [1]), степь высокая (116), дороги простыя (91), или „велыки росхидніи“ (116), широкія, далекія (138, 139), дворъ, обмурованный бѣлымъ камнемъ, ворота изъ желтой мѣди (31), тесовыя сѣни, яворовое крыльцо (44), теремъ золотомъ писаный (45), вазы кованыя (Гол. I 92), мажи черныя (Ант. I 86), въ комнатахъ скамьи бѣлыя (211), скрыни писаныя (Гол. I 13), фляшки хрустальныя (Ант. 77) столы кедровые, миски мѣдныя, ложки золотыя (297), кафтанъ красный съ черными снурками (108), у женщинъ и мужчинъ жупаны зеленые (87, 116), рубашка бѣлая, какъ снѣгъ, тонкая, какъ листъ, шапочка, якъ макъ дрибненька, съ „стрюцевымъ“ (т. е. страусовымъ) перомъ, дорогая матерія „златоглавъ“ (парча) для атамана (219), для казаковъ сукни адамашки (Гол. I 13, 19), иногда чорный аксамитъ (Ант. 165, 167), у гетмана золотой перстень на мизинцѣ (II 4), кованый поясъ, на ногахъ шнурованыя битки, т. е. ботики (Гол. II 50, 74 Ант. I 43) сапоги изъ желтой кожи (Гол. II 50), у пояса шелковый платокъ (Ант. II 4), стрѣла каленая, сабля булатная, золотая (921, 49), мечъ золотой, острый, пищаль семипядная (111, 219), кони сивые, гнѣдые, большею частью вороные, вообще быстрые, и въ добавокъ—съ „кленовыми ушками“ (35) и „серебряными подковами“ (ib.). Нѣкоторыя детали, вѣроятно построены на древней бытовой дѣйствительности, о чемъ см. Ант. и Драг. I, стр. 47 и 49.

Нѣкоторые эпитеты представляютъ большой интересъ. Таковъ, напр., эпитетъ „жовта коса“ для обозначенія красавицы. Въ старинной пѣснѣ о трехъ поповнахъ, взятыхъ въ плѣнъ турками, одна изъ плѣнницъ говоритъ:

Косо моя жовтенькая!
Не маты тя росчесуе,
Визныкъ бичемъ рострипуе
(Ант. и Др. I. 86).

Въ сербской и болгарской народной поэзіи у красавицы коса также русая. Миклошичъ замѣчаетъ по этому случаю въ од-

---

[1]) Однѣ цифровыя ссылки, какъ и выше, относятся къ сборнику Антоновича и Драгоманова.

номъ мѣстѣ: „Das Epitheton muss uralt sein, da heutzutage röthliches Haar bei den Serben zu den Seltenheiten gehört", и въ другомъ мѣстѣ вспоминаетъ, что „damit stimmt die Nachricht von Prokopios überein, wonach die Slaven blond ὑπέρυθροι waren" (Die Darstellung... 31, 36). Любопытно, что въ средневѣковой Европѣ въ произведеніяхъ поэтовъ провансальскихъ, французскихъ, испанскихъ, италіанскихъ и германскихъ красавица—блондинка; у нея золотистые волосы, и въ то-же время прославляются черныя брови дугою, какъ въ малорусскихъ пѣсняхъ „очи кари". Въ этой мелочи обнаруживается то родство психіи малоруссовъ съ западно-европейскими народами, какое въ болѣе яркихъ формахъ сказывается въ существованіи у малоруссовъ множества западныхъ легендъ, новеллъ и фацецій, въ обиліи заимствованныхъ нѣмецкихъ, польскихъ и румынскихъ словъ. Итальянскій ученый Реньяръ въ предпочтеніи въ средневѣковой поэзіи типа блондинки склоненъ видѣть антропологическій фактъ: арійцы — бѣлокурая раса. А. Н. Веселовскій высказывается противъ этого мнѣнія, въ томъ предположеніи, что согласіе средневѣковой лирики въ культѣ бѣлокурой красавицы есть согласіе чисто литературное, причемъ источникомъ нужно считать сравнительно болѣе древнюю лирику провансальскую и старофранцузскую. Почтенный академикъ идетъ далѣе и говоритъ, что народная пѣсня (приведена одна сицилійская) не подтверждаетъ расоваго предрасположенія къ блондинкамъ (Весел. „Новыя изслѣд.", отд. отт.). Вопросъ этотъ, мнѣ кажется, получитъ болѣе полное разрѣшеніе съ подборомъ бо́льшаго числа фольклорныхъ фактовъ, и въ такомъ случаѣ такая мелочь, какъ „жовта коса" малорусскихъ думъ, не лишена значенія, давая одинъ шансъ на сторону мнѣнія Реньяра.

Есть въ эпосѣ славянскомъ, въ частности въ думахъ, такія стороны, которыя совсѣмъ не обслѣдованы, о которыхъ ни Миклошичъ, ни Потебня не говорили, и которыя представляютъ большой научный интересъ. Таковы *описательныя выраженія* и общія мѣста. У г. Ж. о нихъ помину нѣтъ. Между тѣмъ спеціальное изученіе общихъ мѣстъ и описательныхъ выраженій проливаетъ большой свѣтъ на психологію народную, въ особенности при сравнительномъ методѣ. Описательныя выраженія являются часто живой характеристикой предмета или народнаго взгляда на него, и при формальномъ своемъ значеніи не лишены историко-культурнаго содержанія.

Описаніе Украины въ думахъ типичное:

Вызволь, Боже, всихъ
  бидныхъ невольникивъ
На тыхи воды,
На ясни бори,
У край веселый,
У мыръ хрещеный,
Въ города христіаньски
(I 90).

Описательное выраженіе *многочисленнаго непріятеля*:

Ой по горахъ огни горять,
По долынахъ дымы курять (I 286).

Для выраженія *презрѣнія:*

Не подобало бъ тоби надъ нами, козаками, гетьмановаты,
А подобало бъ тоби наши козацьки курени пидмитаты (II 122).

Для выраженія *изумленія*:

Гей вдарывся та панъ Савва по полахъ руками (Голов. I 20)...
Ударится объ полы руками,
Обильется дрибными слёзами (Ант. и Др. II 5).

Для выраженія поспѣшнаго *бѣгства:*

... Голыми пятами накивавъ (Ант. II 27).

Это типичное выраженіе повторяется въ „Енеидѣ“ Котляревскаго.

Въ думахъ много описательныхъ и общихъ выраженій *для битвы и убійства*, въ зависимости отъ возникновенія думъ въ бурное военное время:

Всю мою землю Волоську обрушывъ,
Все мое поле копьемъ изоравъ,
Усимъ моимъ волохамъ, яхъ галкамъ,
Зъ пличъ головки познимавъ,
Де булы въ поли стежки-дорожки,
Волоськими головками повымощувавъ,
Де булы въ поли глыбокіи долыны,
Волоською кровъю повыповнювавъ (II 102)...
.... Мои турки-янычары
Стали вси въ пень порубаны (I 210)...
Перебійнысъ узявъ ляхивъ... у снопы класты...
Нечай... взявъ ляхамы, якъ снопамы, по два ряды класты (II 46).

Послѣдній образъ прямо отвѣчаетъ мѣсту въ Словѣ о Полку Игоревѣ: „на Немизѣ снопы стелютъ головами“ и пр.

Еще: тиломъ своимъ панськимъ комары годуваты (II 5).

Взявъ соби за жиночку
Въ чистомъ поли могилочку.
. . . .
(Въ „Этнограф. Обозр.“ кн. XVI мною собраны пѣсни на этотъ мотивъ).

... Три барвы на рокъ убираю:
Ой убираю на веснѣ та зелененькую,
А въ осени чорненькую, а въ зимѣ бѣленькую (Голов. I 11).
Ой волилы Нечаенька въ дрибный макъ сѣкаты (Голов. I 9).

Описательныя выраженія *никогда,* о чемъ см. мою статью въ XVI кн. „Этнограф. Обозр.“ (1893 № 1), стр. 59—60; кромѣ того, у Ант. и Др. I 271, Гол. I 98, II 6.

Общее выраженіе для *гибели, смерти*—„надъ NN чорный воронъ кряче“ (напр., у Голов. I 9). Чорный воронъ любитъ падаль, и эта черта отразилась во многихъ пѣсняхъ, поговоркахъ и повѣрьяхъ, о чемъ см. мою статью въ „Этнограф. Обозр.“ кн. IV. Въ исторической пѣснѣ о двухъ сестрахъ-плѣнницахъ чорный воронъ пьетъ кровь человѣческую (Ант. и Др. I 85). Твардовскій въ описаніи осады Збаража казаками въ 1649 г. говоритъ, что казаки ругали осажденныхъ поляковъ и кричали имъ: „сдавайтесь, задерживаете кормъ воронамъ“ (ib. II 55). Повѣрье о зловѣщихъ воронахъ отразилось въ заговорахъ, Словѣ о Полку Игоревѣ и др. памятникахъ древности, о чемъ см. въ III т. изслѣд. Е. Барсова о Словѣ о П. И., стр. 103, 172—174.

Любопытно общее мѣсто малорусскаго эпоса: *казакъ топчетъ конемъ дѣтей.* Такъ Алексѣй Поповичъ—

> ... зъ города выбигавъ,
> Триста душъ дитей маленькихъ
> Конемъ своимъ розбывавъ (I 179).

Богданъ Хмельницкій въ думѣ про угнетеніе Украины жидами

> До польскаго города прибувавъ...
> А которыи бувалы мали диты,
> То винъ и киньмы порозбывавъ (II 28).

Другое общее мѣсто *пить съ кумой:*

Печай съ кумою медъ-вино кружае (Гол. I 8, Ант. и Драг. II 58, 62 и мн. др.).

Далѣе типично *сравненіе войны съ пиромъ*, напр. въ думѣ про угнетеніе Украины жидами (II 29) и въ думѣ про Корсунскую битву (II 33),—черта архаическая, хорошо извѣстная по Слову о Полку Игоревѣ.

Наряду съ типичнымъ выраженіемъ *угнетенія* въ видѣ *ѣзды на женщинахъ,* что встрѣчается въ древней лѣтописи и во многихъ народныхъ преданіяхъ и сказкахъ, стоитъ близкое къ нему locus communis—*ораніе поля людьми*, напр. въ думѣ про угнетеніе Украины жидами (мститель Богданъ Хмельницкій):

> Та старыми жидами оравъ,
> А жидивками боронувавъ (II 28).

Въ галицкихъ варіантахъ думъ часто встрѣчается *писаніе писемъ* I 12, 18, 19, 46, 48, 93, 104, 108, что можетъ указывать на сербскія литературныя вліянія, такъ какъ въ сербской народной поэзіи писаніе писемъ—излюбленное общее мѣсто.

Стрѣльба въ цѣль въ думахъ о Байдѣ (у Гол. I 2 и др.) встрѣчается, какъ общее мѣсто, въ великорусскихъ былинахъ, въ сербскихъ юнацкихъ пѣсняхъ, въ историческихъ преданіяхъ и сказкахъ разныхъ народовъ, о чемъ подробности см. въ моей статьѣ о народныхъ сказаніяхъ объ искусномъ стрѣлкѣ въ „Этнограф. Обозр.", кн. V, 130 (Вильгельмъ Телль, Ханенко и др. мѣткіе стрѣлки).

Обращеніе къ птицамъ, чаще всего къ орлу, представляется въ думахъ также общимъ мѣстомъ. Средневѣковый греческій эпосъ и ново-греческія пѣсни полны разсказовъ о дружбѣ между птицами и героями. Обычный мотивъ: птица извѣщаетъ героя о постигшемъ его несчастіи (Дестунисъ, XXXIV т. Сборн. Акад. Н. № 1, 21).

Не однѣ думы заслуживали болѣе обстоятельнаго изученія со стороны слога и отдѣльныхъ выраженій; и въ тѣхъ виршахъ, которыя въ обиліи приведены въ книгѣ г. Ж., есть много замѣчательныхъ образовъ и характерныхъ выраженій. Ограничимся двумя примѣтами:

Хто на семъ свѣтѣ безъ долѣ вродился,
Тому свѣтъ марне, якъ коломъ точился (колесомъ катился).
Лѣта плинуть марне, якъ быстрыя рѣки,
Часы молодые, якъ зъ дожду потоки,
Все то марно минаетъ (стр. 76).

Для стилистической оцѣнки этого мѣста не лишено значенія слѣдующее выраженіе въ былинахъ о Добрынѣ: „Стала ждать Настасья Добрыню; ждетъ три года; день за днемъ, будто дождь дождитъ, недѣля за недѣлей, какъ трава растетъ, а годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ" (Кирѣев. II 7, Рыбник. II 23, 26).

Въ другой виршѣ:

Пройшлы лита скоро, якъ быстрыи рики,
А я живу при несчасти черезъ уси вики;
Віютъ витры въ степу—запрету не маютъ,
Идутъ мысли въ день и въ нощи—спокою не даютъ (77).

Для опредѣленія внутренняго значенія и художественной силы этого образа, не лишне будетъ привести превосходное стихотвореніе А. Пушкина „Зачѣмъ крутится вѣтръ въ оврагѣ" (см. „Рус. Филол. Вѣстн." 1893, III, стр. 159 и сл.). Образъ малорусскаго школьнаго поэта XVII в. совпадаетъ съ высоко художественнымъ образомъ въ одномъ изъ лучшихъ стихотвореній Пушкина. Такія сопоставленія не лишены значенія. Они объясняютъ силу образа, что на руку г. Житецкому, въ смыслѣ утвержденія его основной мысли о вліяніи виршъ на думы.

На стр. 107, въ виршѣ, еврей говоритъ, что умершій раввинъ „теперь исть въ небѣ вола соробора". Г. Ж. послѣ „соробора"

ставитъ: (sic); слово это взято, вѣроятно, изъ Талмуда; „волъ шараборъ" упоминается въ „Мессіи Правдивомъ" Галятовскаго и, что любопытно, также въ видѣ насмѣшки надъ евреями.

Обстоятельное изученіе формальной стороны думъ могло устранить нѣкоторыя недостаточно ясныя и не вполнѣ правильныя сужденія о фактической сторонѣ ихъ. Такъ, на стр. 21 г. Ж. проклятіе, встрѣчающееся въ невольницкихъ думахъ, обращенное къ ненавистной землѣ турецкой, объясняетъ съ историко-бытовой точки зрѣнія. Разумѣется, такая точка зрѣнія здѣсь возможна; но при этомъ въ статьѣ о строѣ рѣчи слѣдовало бы замѣтить, что форма проклятія основана не только на явленіяхъ жизни и не всегда служила выраженіемъ факта, а часто бывала простымъ эпическимъ пріемомъ, и въ думахъ часто имѣетъ исключительно формальное значеніе loci communis. Съ такимъ значеніемъ чаще всего является проклятіе сына матерью, напр. въ думахъ про Морозенка (*Полит. писни* I 131), въ шотландскихъ балладахъ объ убійствѣ брата братомъ (Child, The englisch and scot. ballads, II № 49). Въ цѣнномъ изслѣдованіи Луки Зимы: „Figure u našem narodnom pjesničtvu" (1880 г.) проклятіе выдѣлено, какъ самостоятельная фигура народнаго эпоса (140—142). Эта риторическая фигура извѣстна была и древнимъ—ἀρά, execratio). Въ сербскомъ эпосѣ проклятія очень распространены и разнообразны, какъ видно изъ сочиненія того же г. Зимы:

На стр. 12 г. Ж. говоритъ, что „историческій реализмъ въ изображеніи явленій жизни сообщаетъ во многихъ случаяхъ языку думъ прозаическую реальность, которая встрѣчается обыкновенно въ дѣловой рѣчи писателя, обдумывающаго и исправляющаго каждую фразу своего сочиненія сообразно съ требованіями грамматической логики", и далѣе, какъ объяснительный примѣръ, приведено описаніе бури на Черномъ морѣ въ думѣ про Алексѣя Поповича:

... на Чорному мори не гараздъ починае,
На святому неби уси звизды потьмарыло,
Половына мисяця у тьму уступыло...

„Видно усиліе мысли, говоритъ г. Житецкій, выразительно указать на то, что происходило на небѣ и на морѣ". Такого рода картины, повидимому, по плечу народнымъ поэтамъ, и созданіе такихъ картинъ не требовало особенныхъ усилій мысли. Въ шотландской балладѣ, сложенной подъ прямымъ вліяніемъ средневѣковой легендарной литературы о чудесахъ Пресв. Богородицы, о чемъ подробно см. въ моей статьѣ въ I кн. „Кіев. Стар." 1894 г., находится подобная картина морской бури:

It fell upon a Wodensday
Brown Robyn's men went to sea,

But they saw neither moon nor sun,
Nor starlight wi their ee. (Child, The engl. ballads III 18).

Затѣмъ, помимо историческаго реализма, картина бури въ думѣ про Алексѣя Поповича могла возникнуть подъ литературными вліяніями.

Въ концѣ первой главы г. Ж. говоритъ: „Во всякомъ случаѣ, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что творцы думъ были люди отчасти книжные, и что они способны были не только къ усвоенію книжныхъ вліяній, но и къ переработкѣ ихъ въ народномъ духѣ. Къ тому же выводу приводитъ насъ и наблюденіе надъ построеніемъ предложенія, какъ въ думахъ, такъ и въ старинной малорусской прозѣ. Обычное явленіе въ ней—это постановка глагольныхъ сказуемыхъ въ концѣ предложенія, отчего получается иногда своего рода стихъ, риемованный такимъ же образомъ, какъ и стихъ думъ". Далѣе авторъ прибѣгаетъ къ очень интересному пріему: именно сопоставляетъ нѣкоторыя мѣста думъ съ старинными памятниками письменности. Жаль, что у автора всѣ сопоставленія улеглись на одной страницѣ (37-й), причемъ взято только три отрывка думъ, и сравненіе произведено лишь съ тремя, притомъ поздними, памятниками: „Словомъ о бездождіи" (конца XVII в.), „Мессіей Правдивымъ" Галятовскаго (1665 г.) и „Казаньемъ на соборъ пресв. Богородицы" по рукоп. 1751 г. То-же явленіе—глагольная риема—обнаруживается въ гораздо болѣе раннихъ памятникахъ южно-русской письменности, современныхъ возникновенію наиболѣе старинныхъ думъ, напр., въ политическомъ памфлетѣ и бытовой сатирѣ конца XVI в., извѣстной подъ названіемъ „Рѣчи Ивана Мелешка на варшавскомъ сеймѣ 1589 г.", и въ посланіяхъ южнорусскаго писателя конца XVI в. Іоанна изъ Вишни (Вишенскаго).

Опредѣленіе думы, какъ особаго вида народнаго пѣснотворчества, у г. Ж. не отличается достаточной опредѣленностью. На стр. 7-й г. Ж. говоритъ: „въ думѣ передается *продуманный* (подчеркнуто г. Житецкимъ) разсказъ о событіи, и оттого поэтическая рѣчь думы требуетъ такого стиха, который бы безусловно принадлежалъ мысли, который бы отзывался на всѣ ея малѣйшія требованія"; на стр. 17-й: „отъ народной малорусской думы именно вѣетъ думой пѣвца, которая располагаетъ слушателей къ размышленію, къ раздумью"; на стр. 19-й: „вообще въ думахъ дѣйствующія лица изображаются людьми размышляющими, думающими". Квалификація думъ, какъ продуманныхъ произведеній, отвѣчающая основной теоріи автора о большомъ вліяніи на думы письменности, недостаточно опредѣляетъ думы. Продуманность свойственна всей народной поэзіи, и нѣкоторыя лирическія пѣсни проникнуты такой глубокой мыслью, какой нельзя встрѣтить въ думахъ. Таковы, напр., пѣсни: „Ой кудро, кудро, кудрявая" и „Ой шлы чумаки зъ

Украины", обслѣдованныя А. А. Потебней въ I т. „Объясненій малор. и сродн. пѣс." (стр. 247, 267), также нѣкоторыя колядки и др. Г. Ж. правъ въ томъ смыслѣ, что на думахъ лежитъ своеобразный отпечатокъ размышленія, что при своеобразномъ, большею частью историческомъ ихъ содержаніи и своеобразной формѣ въ видѣ длинныхъ и неравномѣрныхъ стиховъ, составляетъ наиболѣе характерную особенность думъ.

По объему и внутренней цѣнности главное значеніе въ изслѣдованіи г. Ж. имѣютъ 2 и 3 главы, гдѣ говорится о странствующихъ школьникахъ въ старинной Малороссіи и о старинныхъ малорусскихъ виршахъ. Вирши разсмотрѣны по тремъ рубрикамъ: вирши нравоучительныя, нравоописательныя и историческія. Эти двѣ главы занимаютъ 100 страницъ; онѣ сравнительно съ другими главами богаче внутреннимъ фактическимъ содержаніемъ и, что въ особенности цѣнно, содержаніе это большею частью извлечено изъ неизданныхъ рукописей Кіево-Михайловскаго монастыря и Церковно-Археол. Музея при Кіев. Дух. Акад., а также изъ рукоп. сборника Кибальчича XVIII в.

Слабыя стороны этой наиболѣе крупной части изслѣдованія г. Ж. состоятъ въ слѣдующемъ:

Выдвигая на первый планъ положеніе о вліяніи школьной литературы, преимущественно виршъ, на думы, г. Ж. раннія явленія народной словесности объясняетъ, сравнительно съ ними, поздними книжными памятниками. Думы, какъ извѣстно, существовали уже въ концѣ XVI в., а наиболѣе старинные образцы нравоучительныхъ, нравоописательныхъ и историческихъ виршъ г. Ж. приводитъ изъ памятниковъ половины XVII в.: «Лѣкарства роскошникамъ того свѣта», «Острожскаго лямента», или изъ еще болѣе новыхъ памятниковъ XVIII в., вертепной драмы, рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ.

Затѣмъ, авторъ книжное вліяніе опредѣляетъ нѣсколько односторонне, усматривая его лишь въ виршахъ, вообще въ школьныхъ издѣліяхъ стараго времени. Совсѣмъ въ сторонѣ оставлены другія литературныя вліянія, напр., вліяніе западно европейской и малорусской легендарной литературы. Такъ, одна изъ лучшихъ думъ—объ Алексѣѣ Поповичѣ и бурѣ на Черномъ морѣ—стоитъ въ тѣсной связи съ легендами о покаяніи грѣшника на морѣ и спасеніи его при участіи Пресв. Богородицы, о чемъ см. мою статью въ 1 кн. „Кіев. Стар." 1894 г. Это вліяніе можно усмотрѣть не только въ основной фабулѣ разсказа, но и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ; напр., въ легендѣ, нашедшей мѣсто въ „Запискахъ" Петра Могилы, говорится, что казаковъ, возвращавшихся съ морского похода на Турцію, захватила страшная буря —„волны противныя",—и въ думахъ про Алексѣя Поповича вездѣ выдвинута „злосопротывна хвылечка".

Нѣкоторыя малорусскія вирши могли возникнуть подъ вліяніемъ западныхъ мистерій, на что уже было указано въ одной небольшой статейкѣ (въ 6 стр.), напечатанной въ галицкомъ альманахѣ «Ватра». Въ замѣткѣ этой рѣчь идетъ о напечатанной въ іюньской кн. «Основы» 1862 г. пасхальной виршѣ о томъ, какъ Люциферъ подружился въ аду съ Іудой, какъ сошелъ въ адъ Христосъ и освободилъ грѣшниковъ, оставивъ въ аду только Соломона и Каина. Люциферъ опасаясь, чтобы Христосъ не прицелъ вторично въ адъ за Соломономъ, выгналъ Соломона изъ ада. Вирша обширная, въ 118 стиховъ. Хотя основное содержаніе этой вирши построено на апокрифическомъ евангеліи Никодима, но ближайшимъ источникомъ ея была нѣмецкая пасхальная драма. Для объясненія вирши приведено одно мѣсто нѣмецкой драмы XIV в. о сошествіи Спасителя въ адъ. Украинская вирша обращается съ религіознымъ содержаніемъ мистеріи свободно и фамильярно. Мотивъ объ изгнаніи изъ ада Соломона съ небольшими измѣненіями (вмѣсто Соломона—священникъ повторяется въ нѣмецкой драмѣ: «Christi Auferstehung», по рукописи 1464 г.

Можно думать, что средневѣковая латинская и болѣе поздняя нѣмецкая и польская духовная лирика оказали вліяніе на малорусскія старинныя вирши, въ особенности на вирши нравоучительныя. Вообще малорусская схоластическая литература XVII в. стоитъ въ прямой связи съ средневѣковой европейской схоластической литературой, и такое же сходство обнаруживается во всемъ строѣ и содержаніи южнорусской культуры XVII в. Не даромъ мы у южнорусскихъ писателей XVII в., особенно часто у Галятовскаго, встрѣчаемъ Ансельма Кентерберійскаго, Ѳому Аквинскаго, Дунса Скота, Петра Альфонса, Кантипрата, Лирануса и др. схоластическихъ писателей XII—XIV вѣковъ. Въ народной и полународной виршевой литературѣ малорусской XVII в. обнаруживается значительное сходство съ Vagantenlieder средневѣковой Европы.

Христіанская латинская поэзія очень рано возникла на западѣ, въ Италіи, гдѣ она первоначально по самому языку могла пользоваться большимъ распространеніемъ, была памятна не однимъ церковникамъ, но вообще образованнымъ людямъ, грамматикамъ и риторамъ, которые не переводились въ Италіи съ древнѣйшихъ временъ. Въ XII в. латинская поэзія развилась во Франціи, благодаря возникновенію умственныхъ интересовъ и общему подъему образованія, и почти одновременно она проникла и укрѣпилась въ Германіи въ кругу грамотныхъ людей. Составленіе виршей стало признакомъ образованности. Нѣкоторые писатели пріобрѣли въ этой области громкую извѣстность, преимущественно во Франціи (Стефанъ Орлеанскій, Петръ Блуаскій, Гиларій). Выработаны были опредѣленныя формы стиха и правила стихотворства: hexametri

consonantes, leonini, caudati, peractherici, repercussivi, pariles, dactylici, reciproci, retrogradi, concatenati, intercisi, circulati, citocadi (Hubatsch, Die lateinischen Vagantenlieder d. Mittelalters, 7). Стали вырабатываться самые мотивы, напр., мотивъ помилованія о грѣхахъ. Такъ, клюнійскій монахъ Бернардъ фонъ-Морла (XII—XIII в.) въ виршѣ въ 3000 гекзаметровъ, съ риѳмами на концѣ и ассонансами въ серединѣ, оплакивалъ порочность и непрочность мірской жизни. Самое начало этой длинной вирши напоминаетъ многія позднѣйшія малорусскія вирши:

Hora novissima tempora pessima sunt, vigilemus.
Ecce minaciter imminet arbiter ille Supremus

Латинская духовная поэзія стояла самостоятельно въ ряду съ поэзіей рыцарской и поэзіей народной. Въ то время, какъ двѣ послѣднія, въ особенности поэзія народная, ограничены были національными рамками, латинская поэзія была дорогой гостьей во всѣхъ западныхъ католическихъ странахъ, преимущественно въ средѣ образованныхъ людей. Латинскій языкъ и схоластическая школа были главными ея пропагандистами, и потому неудивительно, что и въ Малороссіи со времени Петра Могилы сильно развиваются вирши, какъ отраженіе уже заглохшей къ тому времени на западѣ латинской духовной поэзіи.

Малорусскіе „мандрованные" дьяки и школьники— пиворѣзы XVII в.—своеобразное мѣстное „культурное переживаніе" западноевропейскихъ странствующихъ школяровъ, такъ называемыхъ вагантовъ и голіардовъ, которые процвѣтали въ западной Европѣ въ XII в. въ роли главныхъ разсадниковъ свѣтской латинской лирики. Ваганты—странствующіе грамотѣи-церковники. Ходили они изъ города въ городъ, изъ страны въ страну, пользуясь покровительствомъ закона и доброхотными даяніями горожанъ и рыцарей. Извѣстенъ указъ Фридриха Барбароссы 1158 г. о свободномъ путешествіи клериковъ по всей странѣ. Одинъ изъ средневѣковыхъ писателей говоритъ: „Urbes et orbem circumire solent scholastici, ut ex multis litteris efficiantur insani... ecce quaerunt clerici Parisii artes liberales, Aureliani auctores, Bononiae codices, Salerni pyxides" (Hubatsch, 14). Странствующіе пѣвцы церковники составляли товарищества, и уже во Франціи имъ дано общее наименованіе голіардовъ, причемъ въ одномъ постановленіи Трирскаго собора 1277 г. голіарды стоятъ рядомъ съ joculatores и bufones; въ эдиктѣ бременскаго архіеп. 1292—„vagi scholares, qui goliardi vel histriones alio nomine appellantur". Изъ другихъ свидѣтельствъ средневѣковыхъ видно, что голіарды были министрелями, распѣвавшими по домамъ духовные стихи. Существуютъ различныя толкованія самого слова „голіарды", причемъ одно изъ нихъ, производящее это слово отъ gula въ смыслѣ gourmand, glouton, т.-е. обжоры (Hubatsch, 10), ин-

тересно по отношенію къ названію украинскихъ школяровъ «пиворѣзами.»

Южнорусскіе пиворѣзы XVII в. не только по своему нравственному характеру, но и по излюбленнымъ литературнымъ темамъ напоминаютъ средневѣковыхъ вагантовъ. Ваганты любили говорить о винѣ и выпивкѣ, и поэзія ихъ отличалась значительной грубостью, по сравненію ея съ рыцарской поэзіей. Въ голіяхъ былъ силенъ сатирическій элементъ, выражавшійся, между прочимъ, въ насмѣшкахъ надъ монахами. Сатира не имѣла личнаго характера; она направлена была или противъ недостатковъ людей вообще, или противъ сословныхъ недостатковъ. При этомъ въ политическомъ и релизіозномъ отношеніяхъ сатира голій была вполнѣ благонамѣренная и правовѣрная. Общей цѣлью латинской поэзіи голіардовъ было—mores explorare, reprobare reprobos et probos probare, и южнорусскія нравоописательныя и нравоучительныя вирши отличались такими же чертами и преслѣдовали такія же цѣли.

Ваганты и голіарды хвастали своей школьной наукой и ставили себя выше свѣтскихъ жонглеровъ и шпильмановъ, вообше выше свѣтскихъ людей:

Cum mare siccatur et daemon ad astra levatur,
Tunc primo laicus fit clero fidus amicus.

Другой странствующій латинскій школяръ въ несчастіи говоритъ: «Куда мнѣ обратиться, мнѣ, знакомому съ музами, изучившему Гомера? Къ свѣтскимъ мнѣ не стоитъ итти; обратиться за помощью я могу только къ клерикамъ». Эти viri litterati хотѣли знаться только съ viris litteratis:

Aestimetur autem laicus ut brutus,
Nam ad artem surdus est et mutus. (Hubatsch, 22).

Малорусскіе пиворѣзы раздѣляли этотъ взглядъ вполнѣ и даже выражали его въ сходной формѣ. Они считали свою науку своимъ природнымъ преимуществомъ:

Не пнись, что тебѣ не дано отъ Бога....
Если не рожденъ, не сунься въ науку....
Насъ братія соборнѣйша знаетъ,
Толко туди появлюсь, то вся прибѣгаетъ
Подъ нашу милость, дабы клиру сопричтити
И соборъ мижъ братію добре утвердити.
Не только жъ мы умѣемъ клиромъ управляти,
Но можемъ еще куншти разніе писати....

Лучше всего школярское высокомѣріе выразилось въ виршахъ монаха Климентія:

Въ простого мужика простый есть обычай,
А въ письменнаго особый политичный звычай. (Житецкій 49, 51).

Тѣсная связь со школой и въ особенности школьная зубристика грамматтики наложили свою печать на поэзію вагантовъ и пиворѣзовъ. Такъ, въ латинскихъ виршахъ голіардовъ:

Multum habet oneris do das dedi dare....
Si te forte traxerit Romam Vocativus,
Et si te deponere vult Accusativus, etc...

Малорусскіе виршеплеты стараго времени:

Казавъ мени бакаляръ промовыты: „Азъ, Азъ!"
А якъ же я не вымовывъ, винъ по пыци — разъ, разъ!
Крыкнувъ же винъ у друге: „А ну, кажи: Буки!" и т. п.

Въ одномъ изъ наиболѣе древнихъ латинскихъ стиховъ «Confessio poetae», составленномъ между 1162 и 1165 годами, поэтъ жалуется, что онъ созданъ изъ легкаго матеріала и подобенъ листу, которымъ играетъ вѣтеръ: „Я, какъ корабль, безъ кормчаго, говоритъ поэтъ, какъ птица, безцѣльно носящаяся въ воздухѣ. (Hubatsch, 44). Возможно, что подобнаго рода сравненія не остались безъ вліянія на позднѣйшія малорусскія вирши и пѣсни, напр.:

. . . . родыны не маю,
На чужини пробуваю и викъ свий теряю;
Ой якъ орелъ по надъ поле повитремъ носытся,
Такъ сырота на чужини съ плачомъ веселытся....
Нѣгде отъ злыхъ человѣкъ спокою не маю.... (Жит. 75).

Ваганты процвѣтали во Франціи въ XII и въ началѣ XIII в.; въ XIII в. они были многочисленны въ Англіи и Германіи. Главными путями ихъ движенія и распространенія были Рейнъ („die grosse Pfaffengasse") и Дунай (Hubatsch, 16). Въ XIV в. ваганты и голіарды подвергаются преслѣдованію со стороны церковныхъ властей за сатирическія вирши противъ порядковъ духовенства и въ особенности папства; они понемногу начинаютъ терять подъ собой школьную латинскую почву. Вытѣсненные изъ клира и школы, голіарды мало-по-малу отождествляются съ странствующими шпильманами и скоморохами. Въ латинскія вирши вносятся фразы французскія, нѣмецкія, смотря по національности ваганта, и, наконецъ, латынь совсѣмъ замѣняется живыми народными языками. Одни памятники старой латинской поэзіи сохранились въ монастыряхъ, другіе вошли въ студенческія пѣсни. Нѣкоторыми сатирическими произведеніями голіардовъ противъ Рима воспользовались въ XVI в. протестанты.

Допуская возможнымъ вліяніе латинской поэзіи Запада на малорусскія вирши стараго времени, мы до болѣе подробнаго обслѣдованія этого историко-литературнаго вопроса считаемъ нѣсколько смѣлыми и поспѣшными положенія г. Житецкаго о національномъ характерѣ украинскихъ пиворѣзовъ и ихъ литературныхъ произ-

веденій. „Не симпатиченъ для насъ обычай“, говоритъ г. Ж., „въ безцѣльной игрѣ жизнію строить всякія штуки, рисоваться передъ народной толпой въ качествѣ удалыхъ, добрыхъ молодцовъ, залицяться съ поселянками посредствомъ портретовъ.... Нужно сказать, впрочемъ, къ чести пиворѣзовъ, что они сами расположены были къ сознанію собственныхъ своихъ недостатковъ и даже къ сатирическому изображенію ихъ. Любили они упражняться въ сочиненіяхъ, направленныхъ къ самообличенію. Въ школьныхъ сборникахъ прошлаго вѣка нерѣдко попадаются жестокія по тону обращенія къ пиворѣзамъ, чтобы они отстали отъ главнаго порока своего—пьянства“ (52, 53). Все это, разумѣется, характерно для старой Малороссіи; но „самообличеніе пиворѣзовъ“ получитъ нѣсколько своеобразное значеніе, если допустить, что при благопріятныхъ мѣстныхъ бытовыхъ условіяхъ, а, можетъ быть, даже и помимо ихъ, „самообличенія“ могли возникнуть на почвѣ литературныхъ заимствованій и подражаній, напр., подъ вліяніемъ чрезвычайно популярной у вагантовъ, потомъ у студентовъ пѣсни: „Meum est propositum in taberna mori“.

„Мы имѣли возможность, говоритъ г. Житецкій, пересмотрѣть не мало школьныхъ сборниковъ, составленныхъ въ *прошломъ* и въ началѣ *настоящаго* вѣка для практическаго употребленія въ школѣ и внѣ школы. По своему формату они напоминаютъ наши записныя книги и заключаютъ въ себѣ массу всякаго рода стихотвореній на языкахъ славянскомъ, книжномъ малорусскомъ, народномъ малорусскомъ и даже польскомъ. Нерѣдко встрѣчаются въ этихъ сборникахъ и народныя пѣсни съ нотами и безъ нотъ. Изученіе этого матеріала, по нашему мнѣнію, должно служить основой для разъясненія интересующаго насъ вопроса о происхожденіи своеобразныхъ пріемовъ мысли и рѣчи во многихъ произведеніяхъ народной поэзіи и особенно въ народныхъ малорусскихъ думахъ“ (43 стр.). Въ другомъ мѣстѣ (стр. 53) г. Ж. перечисляетъ нѣсколько самообличительныхъ произведеній пиворѣзовъ, найденныхъ имъ въ одной рукописи Кіев. Церковно-Археологическаго Музея.

Прежде всего нельзя не выразить сожалѣнія, что г. Ж. не издалъ этихъ записей цѣликомъ или, по крайней мѣрѣ, въ извлеченіи, что дало бы читателю возможность судить о внутреннемъ ихъ составѣ, о книжныхъ и народныхъ элементахъ. Разъ уже рѣшено было авторомъ не издавать эти сборники, нужно было по меньшей мѣрѣ представить обстоятельное описаніе ихъ.

Признавая школьные сборники, по немногочисленнымъ и краткимъ извлеченіямъ, весьма цѣннымъ историко-литературнымъ матеріаломъ вообще и въ частности относительно думъ, я не могу, однако, вмѣстѣ съ г. Ж. утверждать, что эти сборники „должны служить основой для разъясненія вопроса о происхожденіи своеобразныхъ пріемовъ мысли и рѣчи во многихъ произведеніяхъ на-

родной поэзіи и особенно въ думахъ". Сборники, по словамъ самого г. Ж., относятся къ XVIII и началу XIX ст., а книжный складъ носятъ уже думы XVII и даже конца XVI вѣка, если допустить, что дума про Алексѣя Поповича сложена въ концѣ XVI в. Во всякомъ случаѣ эта дума сложена не позже начала XVII в. Ощутительное присутствіе въ этой думѣ книжныхъ вліяній расширяетъ поставленный г. Житецкимъ вопросъ о вліяніи школьныхъ учебниковъ вполнѣ возможной гипотезой о болѣе раннемъ книжномъ вліяніи другихъ источниковъ, напр. латинской поэзіи вообще и легендъ въ частности.

У г. Ж. вездѣ, гдѣ говорится о виршахъ, выдвинуто исключительно бытовое начало и упущено возможное литературное начало, параллельное съ бытовымъ, изрѣдка, можетъ быть, и безъ примѣси послѣдняго. „Есть пѣсни о дьякахъ, изображающія нѣкоторыя неудачныя похожденія ихъ въ область женской красоты; но онѣ сложены въ добродушно шутливомъ тонѣ, который свидѣтельствуетъ о томъ, что дьякъ былъ свой человѣкъ въ приходѣ, не только свой, но и симпатичный человѣкъ, безъ котораго немыслимо было обычное теченіе сельской жизни въ самыхъ интимныхъ проявленіяхъ ея" (53). Несомнѣнно, что дьякъ былъ въ старой Малороссіи свой человѣкъ, и можно согласиться съ авторомъ, что дьякъ пользовался симпатіями; но отсюда еще не вытекаетъ первая посылка автора о пѣсняхъ про дьяка, какъ свидѣтельствѣ народныхъ къ нему симпатій. Пѣсни ироническія на тему о любви дьяка къ женщинѣ легко могли быть заимствованы съ Запада, гдѣ любовныя похожденія духовныхъ лицъ получили широкую литературную разработку въ новеллахъ, фацеціяхъ и миннегезангахъ. Огромное большинство современныхъ малорусскихъ народныхъ сказокъ и анекдотовъ о любовныхъ похожденіяхъ поповъ и дьяковъ построены на западныхъ литературныхъ источникахъ, и весьма вѣроятно, что и старинныя малорусскія вирши черпали изъ неистощимаго источника западно-европейской сатирической литературы на духовенство. Типъ влюбчиваго попа или дьяка давно сталъ излюбленнымъ въ народной словесности, отсюда перешелъ въ сочиненія Котляревскаго и Квитки и донынѣ воспроизводится малорусскими драматургами, и потому мы полагаемъ, что исключительно бытовое объясненіе личности дьяка въ малорусскихъ виршахъ XVIII в. такъ-же несостоятельно въ научномъ отношеніи, какъ было бы несостоятельно сужденіе о нравахъ современныхъ дьячковъ и отношеніяхъ къ нимъ крестьянъ по персонажамъ въ комедіяхъ г. Кропивницкаго.

Г. Житецкій говоритъ, что школяры, „постепенно сливаясь съ народной массой, превращались изъ латинниковъ въ псалтырниковъ и относились уже отрицательно къ своему прошлому, которое любили изображать въ „кунштахъ и виршахъ" юмористическаго

содержанія“ (54). Возможно, что такое отрицательное отношеніе псалтырники уже нашли въ кунштахъ и виршахъ и затѣмъ лишь примѣнили его къ себѣ и къ окружавшей ихъ средѣ.

Разъ въ тѣхъ или другихъ частныхъ случаяхъ обнаруживается большое сходство въ пѣсняхъ разныхъ народовъ, необходимо къ фактическому содержанію такого рода пѣсенъ относиться съ большой осторожностью, не давая ему бытоваго пріуроченія. А въ пѣсняхъ о дьякахъ много такихъ совпаденій, указывающихъ на общій литературный источникъ. Возьмемъ въ видѣ характернаго примѣра слѣдующія двѣ пѣсни, галицко-русскую (Голов. II, 146—147) и моравскую, (*Sušil*, 76), и сопоставимъ ихъ параллельно:

Дячку, дячку вывченый,	Žačku, začku učený,
На всѣ школы выбраный!	Ze usech škol vybirany
Повѣджъ же намъ, що еденъ а еденъ?	A ty viš, nam poviš,
	Co jè jeden?
— Що я вѣмъ, вамъ повѣмъ:	A jà wim vam povim,
Еденъ то бывъ самъ Сынъ Божій,	Co je jeden.
Що надъ нами кралюе	Jeden jest Jesu Krist,
И кралеваць все буде.	Co nad nami králem jest.
Дячку, дячку вывченый,	Žačku, žačku učený,
На всѣ школы выбраный!	Ze všech škol vybirany!
Повѣджъ же намъ, що два а два?	A ty viš nam poviš,
— Що я вѣмъ, вамъ повѣмъ:	Co to jsú dvě?
Двохъ ихъ было Божихъ святца,	A ja vim, vam povim,
А еденъ бывъ самъ Сынъ Божій,	Co to jsú dvě.
Що надъ нами кралюе	Dvě tabule Mojžisovy,
И кралеваць все буде.	Jeden jest Jesu Krist,
	Co nad nami králem jest.
Дячку, дячку вывченый,	Žačku, žačku učený,
На всѣ школы выбраный!	Po všech školach cvičeny,
Повѣджъ же намъ, що три а три?	A ty viš, nam poviš,
Трехъ ихъ было патруляшовъ,	Co to jsú tři?
Двохъ ихъ было Божихъ святци,	A ja vim vam povim,
А еденъ бывъ самъ Сынъ Божій,	Co to jsú tři.
Що надъ нами кралюе	Tři patriarchove,
И кралеваць все буде.	Dvě tabule Mojžišovy,
	Jeden jest Jesu Krist,
	Co nad nami králem jest...

Вопросы и далѣе идутъ въ такой же обстановкѣ, съ такими цифровыми комментаріями: и т. д. съ добавленіями въ слѣдующихъ строфахъ:

Штыри листы ангелисты....	Čtyry evangelistove....
Пять ихъ было Божихъ ранъ ...	Pet ran Kristovych krvavych....
Шести граютъ лелію	Šest jest stoudni kamennych

Передъ панянковъ Маріовъ....
Семъ радости у Бога. ..
Восемъ свѣчъ горитъ предъ
Богомъ....
Дячку, дячку вывченый,
На всѣ школы выбраный!
Повѣджъ же намъ, що девять?
— Що я вѣмъ, то повѣмъ:
Девять коронъ ангельскихъ,
Восемъ свѣчъ горитъ предъ
Богомъ,
Семъ радости у Бога и т. д.

V Galileji postavenych....
Sedum darů Ducha svetého....
Osmero blahoslavenství....

Devět je zboru anjelskych....
Deset Božich přikazani....
Jedenast panen zamordovanych....
Dvanast apostolů....

и т. д.

Галицко-русскій варіантъ этой пѣсни съ „ученымъ дьякомъ" подкупаетъ изслѣдователя въ пользу историко-бытового комментарія если не всей пѣсни, представляющей хорошо извѣстный апокрифъ (о чемъ см. Веселовскаго въ Сборн. отд. р. яз. Акад. Н. т. XXXII, стр. 78—82, 92—95, 432—433, Н. Сумцова Очерки ист. южнорус. апокриф. сказ. 145—146),—то запѣва о дьякѣ; но разъ мы находимъ и въ моравскомъ варіантѣ буквальныя выраженія объ ученомъ дьякѣ, то всякія бытовыя пріуроченія дѣлаются вообще шаткими.

На стр. 75—76 г. Ж. говоритъ мимоходомъ о псальмѣ „Сиритка", распѣваемой и теперь лирниками. Авторъ замѣчаетъ о близости этой псальмы „къ народному настроенію" и о „трогательности" ея содержанія. Соглашаясь съ авторомъ, мы замѣтимъ, что основная тема вообще близка къ народному настроенію и у разныхъ народовъ разработана въ трогательно-меланхолическомъ тонѣ. Остановимся на псальмѣ, указанной у г. Ж., напеч. въ III т. I ч. Головацкаго стр. 272:

А въ недилю рано взяло свитаты,
Пишла сиритка мамунци шукаты;
Ой пишла сиритка горамы, доламы,
Здыбавъ ю Господь съ двома ангеламы:
„Где йдешь, сиритко?"—„Мамуни шукаты".
„Верныся, сиритко, бо далеко зайдешъ,
Бо далеко зайдешъ, мамунци не знайдешъ"...

По указанію Господа, сирота находитъ могилу матери. Мать посылаетъ ее къ мачехѣ. Мачеха не помыла головы сиротѣ, а проклялa ее, не сшила ей сорочку, а избила ее. Ангелы унесли душу сироты въ рай, а черти унесли душу мачехи въ адъ.

Во Франціи въ Верхней Бретани записана такая пѣсня:

C'était une complainte de trois petits enfants (*bis*),
Leur mère était morte, leur père se maria
A une méchante femme pour élever ses enfants.

Le plus petit demande un petit morceau de pain,
Un grand coup de pied dans le coeur le renversa par terre,
Reléve toi, mon frère, nous irons au cimetière
Trouver notre mère...
Dans leur chemin rencontrent Notre Seigneur Jésus-Christ,
—„Ou allez vous, trois anges, trois anges si petits?"
—„Nous allons au cimetière trouver notre mère"...

Спаситель даетъ матери 12 лѣтъ жизни для воспитанія дѣтей (Revue des trad. popul. 1892, IV 292).

На стр. 66—69 г. Ж. приводитъ содержаніе галицкой колядки „Чому жъ такъ нема, якъ було давно?", основная мысль которой выражена въ словахъ: „ой бо вже давно, якъ правды нема". Въ чемъ же заключается по народнымъ представленіямъ идея правды?—спрашиваетъ по этому поводу г. Ж., и затѣмъ говоритъ: „Глубоко трогательный отвѣтъ мы находимъ въ извѣстномъ духовномъ стихѣ о правдѣ". Древнѣйшимъ варіантомъ этого стиха г. Ж. считаетъ тотъ, который начинается напоминаніемъ о смерти (у Голов. II 21). „По всему видно, говоритъ г. Ж., что стихъ этотъ былъ предназначенъ для людей, которые извѣдали на опытѣ всю горечь жизни и подъ конецъ ея пришли къ разочарованію въ самыхъ дорогихъ надеждахъ и симпатіяхъ своихъ... Къ такимъ печальнымъ обобщеніямъ пришелъ пѣвецъ на основаніи наблюденій надъ жизнью отцовъ и дѣтей"... Авторъ сходитъ здѣсь съ историко-литературной на историко-бытовую почву безъ достаточнаго фактическаго основанія. Пѣсни о правдѣ и кривдѣ имѣютъ длинную исторію; онѣ восходятъ къ древней апокрифической литературѣ, о чемъ подробности см. въ диссертаціи г. Мочульскаго: „О Голубиной книгѣ", стр. 186—234. О какомъ-либо отношеніи дѣтей къ отцамъ на малорусской почвѣ нельзя судить по стихотвореніямъ о правдѣ и кривдѣ.

Отъ краткихъ и общихъ замѣчаній о пѣсняхъ о правдѣ и кривдѣ г. Ж. переходитъ на 69 и на слѣд. стр. къ пѣснямъ о матери вообще и въ частности къ думамъ о вдовѣ и трехъ ея сыновьяхъ. Что же связываетъ всѣ эти пѣсни? Г. Ж. связью ставитъ такой общечеловѣческій мотивъ, какъ любовь къ матери: „По народнымъ представленіямъ мать есть символъ всепрощающей (?) любви и безконечнаго (?) самоотверженія. Она есть сама правда—такъ-же вѣчно страдающая, какъ и та святая правда, которая была „на хрести прибита", поэтому и въ разбираемыхъ нами стихахъ правда называется матерью родною, а мать въ свою очередь—правдою вѣрною. Итакъ, правда есть ничто иное, какъ любовь, воплощенная въ лицѣ матери на землѣ, въ лицѣ Господа на небѣ". Это разсужденіе г. Ж., весьма краснорѣчивое (авторъ любитъ выражаться цвѣтисто), въ научномъ отношеніи вполнѣ несостоятельно. Литературныя явленія здѣсь совсѣмъ оторваны отъ исторической почвы и получаютъ слишкомъ одностороннее и искусственное

семейно-нравственное толкованіе. И въ общемъ сужденіи автора о значеніи матери въ малорусской народной поэзіи есть преувеличеніе. Далеко не всегда здѣсь мать является „самой правдой, вѣчно страдающей". Во многихъ пѣсняхъ мать не лишена большого себялюбія и за оскорбленіе, неуваженіе, или даже простое непослушаніе мститъ сыну проклятіями и низводитъ на него всякаго рода бѣдствія и преждевременную кончину.

У г. Ж. совсѣмъ нѣтъ научнаго изслѣдованія отдѣльныхъ думъ, и гдѣ о нихъ заходитъ рѣчь, мы видимъ лишь общія фразы и неопредѣленныя характеристики моральнаго свойства. Фактическое содержаніе думъ какъ-то ускользаетъ у автора изъ рукъ, и думы объединяются по случайнымъ внѣшнимъ признакамъ. Выше мы отмѣтили, что рядъ разнородныхъ пѣсенъ объединенъ г. Житецкимъ по мотиву любви къ матери. Другимъ характернымъ примѣромъ такого случайнаго объединенія пѣсенъ могутъ служить 143 и слѣд. стр. „о рубаныхъ казакахъ". „Такихъ пѣсенъ (о рубаныхъ казакахъ) въ малорусской поэзіи чрезвычайное множество. Обыкновенно изображаются въ нихъ предсмертныя минуты этихъ степныхъ рыцарей. Послѣднею заботой ихъ въ эти минуты бываетъ передача отцу и матери печальной вѣсти о смерти сына ихъ. Вѣстниками бываетъ воронъ, орелъ и соколъ"... Далѣе авторъ вспоминаетъ пѣсни о смерти казака вообще, думы о Ѳедорѣ Безродномъ, объ Ивасѣ Коновченкѣ. Рамка для сравненія и объединенія пѣсенъ взята слишкомъ общая; въ такую рамку можно вставить не только думы о Ѳедорѣ Безродномъ и объ Ивасѣ Коновченкѣ, но массу западныхъ пѣсенъ, греческихъ о смерти клефтовъ, сербскихъ о смерти юнаковъ, пѣсенъ шотландскихъ, французскихъ и мн. другихъ. Въ эту рамку можно ввести и „Шотландскую пѣсню" А. С. Пушкина. Такія общія рамки совершенно безплодны въ научномъ отношеніи. Дума о Ѳедорѣ Безродномъ оригинальная, а пѣсня о смерти казака въ степи съ обращеніемъ его къ коню съ просьбой извѣстить родныхъ о его смерти можетъ быть заимствованной и лишь пріуроченной къ мѣстнымъ условіямъ. Крайности обобщенія по внѣшнимъ случайнымъ признакамъ обусловлены той особой складкой ума, которая при господствѣ одной общей идеи—въ данномъ случаѣ идеи о вліяніи виршъ на думы—пренебрегаетъ и даже совсѣмъ не замѣчаетъ частностей, какъ бы важны онѣ ни были по существу своему.

Наклонность къ широкимъ морально-литературнымъ обобщеніямъ думъ, пѣсенъ и виршей у автора идетъ рука объ руку съ риторизмомъ и многословіемъ, мѣстами затемняющими ходъ изслѣдованія. Среди многословныхъ разсужденій и обобщеній у г. Ж. иногда проскальзываютъ ошибочныя положенія, напр.: „Мы понимаемъ, говоритъ г. Ж., что идеальныя черты матери далеко не всегда могли совпадать съ дѣйствительностію, но для насъ ва-

женъ поэтическій замыселъ—воспользоваться опытомъ жизни, чтобы создать въ образѣ матери нравственную силу, которая есть ничто иное, какъ сила любви, возстановляющей между людьми святую правду. Собственно говоря, это не есть сознательно поставленная формула жизни, выработанная на почвѣ правовыхъ или политическихъ отношеній. Но положительно можно сказать, что въ поэтическомъ настроеніи, которое мы подвергаемъ анализу, немаловажное значеніе имѣли земледѣльческія формы быта, въ которыхъ жилъ и до нынѣ живетъ малорусскій народъ. По самому существу своему формы эти требуютъ больше труда, чѣмъ капитала въ которомъ нуждаются преимущественно коллективныя предпріятія, осуществляемыя въ коопераціи многихъ рабочихъ силъ, не связанныхъ между собою узами кровнаго родства. Отсюда — индивидуально-семейное начало составляетъ основу земледѣльческаго труда,—отсюда же индивидуальная свобода дѣйствій, которая приводитъ къ разногласіямъ. На этой почвѣ семейнаго индивидуализма единственной точкой опоры являлась идея любви въ лицѣ матери. За оскорбленіе этой беззавѣтной любви караетъ Господь, какъ за нарушеніе правды, надъ которой торжествуетъ неправда, какъ въ семейной, такъ и въ общественной жизни. Весьма можетъ быть, что это міровоззрѣніе развивалось въ малорусскомъ народѣ по мѣрѣ неудачъ его въ общественно - политической жизни. Но, оставляя область гаданій, считаемъ нужнымъ установить то положеніе, что въ произведеніяхъ малорусской поэзіи, какъ школьной, такъ и народной, вся народная этика сводится главнымъ образомъ къ такъ называемой семейной морали, основанной на чувствѣ родства, на взаимной симпатіи людей, близкихъ между собою по крови" (72). Въ этомъ довольно таки темномъ разсужденіи выдается мнѣніе г. Ж., что малорусская народная этика сводится къ семейной морали. Странно, что такое мнѣніе высказывается въ спеціальномъ изслѣдованіи о думахъ, т. е. такихъ памятникахъ народной словесности, которые почти всецѣло построены на общественной морали. Но и помимо думъ есть много народныхъ пѣсенъ, доказывающихъ чуткое отношеніе малоруссовъ къ общественной морали. Такое отношеніе обнаруживается даже въ такихъ архисемейныхъ пѣсняхъ, какъ пѣсни колыбельныя. „Общественные интересы въ малорусскихъ колыбельныхъ пѣсняхъ выступаютъ на первый планъ. Въ малорусскихъ колыбельныхъ пѣсняхъ всѣхъ разрядовъ семейное счастье ставится выше личнаго; общественному же благосостоянію приносится въ жертву то и другое. Идеалъ, рисуемый малороссіянкой, отличается нравственной широтой:

Бодай спало—не плакало,
Бодай росло—не болило
Головонька и все тило—
Отцу, матци на втишеньку,
Добрымъ людямъ на услугу

(Ветуховъ, въ XV кн. „Этногр. Обозр." стр. 99).

Этотъ частный случай съ достаточной ясностью показываетъ, какъ далеко авторъ заходитъ въ своихъ обобщеніяхъ и къ какимъ одностороннимъ выводамъ пришелъ онъ, увлекшись идеей объ исключительно высокомъ значеніи у малоруссовъ идеала матери.

Многія общія положенія, общія замѣчанія г. Ж. заслуживаютъ фактической научной провѣрки. Таковы, напр., вскользь высказанныя замѣчанія о пессимизмѣ, „свойственномъ міровоззрѣнію малорусскаго народа" (стр. 59), о сліяніи въ малорусской поэзіи „скорби и смѣха, безграничной вѣры и безпощаднаго (?) сомнѣнія" (58) и нѣкот. др.

Г. Житецкій часто смѣшиваетъ двѣ по существу различныя точки зрѣнія—историко-литературную и историко-бытовую, не довольствуется ролью историка литературы и вторгается въ исторію быта, иногда безъ достаточныхъ фактическихъ основаній. Напримѣръ, на 77—78 стр. г. Ж. приводитъ въ извлеченіи любопытную псальму о молодости и старости, причемъ псальма рекомендуетъ удаленіе отъ міра, бѣгство въ темные луга, въ степи и пустыни. По этому поводу г. Ж. говоритъ слѣдующее: «Такихъ бѣглецовъ было много въ старинной Малороссіи. Одни изъ нихъ стремились въ Запорожскую Сѣчь, которая становилась для нихъ матерью, а «Велыкый лугъ—батькомъ». Другіе направлялись въ степи и въ дикія поля, на которыхъ можно было при счастьѣ и отвагѣ поразить врага и отнять у него богатую добычу. Были, наконецъ, и такіе, которые уходили отъ тревогъ жизни въ пустыни, чаще въ монастыри, какъ говорится объ этомъ въ одной задушевной псальмѣ:

Не пиду у мыръ, Щобъ душу спасты,
Пиду въ монастырь, Щобъ Господь простывъ...»

Авторъ здѣсь очевидно совсѣмъ сошелъ на историко-бытовую почву и упустилъ изъ виду, что псальмы объ удаленіи горемыки въ пустыню или въ монастырь воспроизводятъ тотъ же мотивъ «о спасенномъ пути», который съ полнотой разработанъ въ русской повѣсти или (какъ Срезневскій назвалъ ее) старческой пѣснѣ о Горѣ-Злочастіи.

На стр. 90 г. Ж., говоря о виршахъ про Ирода, вспоминаетъ некстати о татарахъ.

Въ книгѣ г. Ж. мѣстами приведены вирши, хотя весьма интересныя, но собственно къ думамъ не имѣющія отношенія, напр., стихотворная легенда о пекельномъ Маркѣ (стр. 98). Эта легенда—своеобразная малорусская переработка широко распространенныхъ въ Россіи и въ Западной Европѣ сказаній о солдатѣ (мужикѣ) въ аду. (Афанасьевъ IV 494, Ватра 124—128, бретонская сказка въ Κρυπτάδια II 77, „Кіев. Стар". 1886 VI 445, Добро-

вольскій, Смол. Этногр. Сбор. I, 285, Zbiór Wiadomości VIII 301, Караджичъ, Приповѣтки 301).

При нѣкоторыхъ литературныхъ мотивахъ желательно видѣть историческія справки. Такъ, г. Ж. на стр. 104 говоритъ: «во второй рождественской интерлюдіи М. Довгалевскаго одинъ крестьянинъ разсказываетъ двумъ собесѣдникамъ своимъ сонъ»... Отрывокъ изъ интерлюдіи Довгалевскаго приведенъ по рукописи 1736 г., хранящейся въ библіотекѣ Кіево-Михайловскаго монастыря. Мотивъ о чудесномъ снѣ былъ уже ранѣе подробно обслѣдованъ на страницахъ „Кіев. Стар.“ въ статьѣ г. Кузьмичевскаго, къ которой можно теперь сдѣлать довольно много дополненій (напр., изъ XVI т. Сборника матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа, 293 и др.).

Цѣлая IV глава, довольно большая (137—156), носитъ нѣсколько странное заглавіе: «Отраженіе пѣсенныхъ мотивовъ въ народныхъ малорусскихъ думахъ». Относительно научнаго изученія пѣсенъ въ деталяхъ, по отдѣльнымъ мотивамъ, сдѣлано такъ мало, что врядъ ли можно судить о нихъ, какъ о чемъ-либо достаточно извѣстномъ и опредѣленномъ. Однѣ лишь колядки разобраны А. А. Потебней по мотивамъ, а пѣсни историческія, балладныя, любовныя, семейно-родственныя и пр. совсѣмъ не подвергались такому изслѣдованію. Какъ можно говорить объ отраженіи пѣсенныхъ мотивовъ въ думахъ, когда пѣсенный репертуаръ малоруссовъ стараго времени совсѣмъ неизвѣстенъ? Въ дѣйствительности, мы не находимъ въ этой главѣ никакихъ мотивовъ, если понимать мотивъ такъ, какъ понималъ его А. А. Потебня, и глава эта не имѣетъ никакого значенія въ смыслѣ научнаго разложенія и опредѣленія составныхъ элементовъ думъ. Авторъ ограничивается пересказомъ нѣсколькихъ думъ, сопоставляя ихъ по самымъ общимъ признакамъ (думы невольницкія, думы о рубаныхъ казакахъ). Простой фразеологіей представляется замѣчаніе г. Ж. на стр. 138 что то, «что въ пѣсняхъ является въ видѣ намека, въ видѣ отдѣльныхъ указаній на тѣ или другія состоянія страдающихъ людей, выступаетъ въ думахъ, какъ цѣльная картина, пропитанная, такъ сказать, влагою невысохшихъ слезъ, или же поднятая на высоту для всенароднаго созерцанія казацкой славы». Для того, чтобы доказать такое соподчиненное отношеніе пѣсенъ и думъ, нужно было привести выдержки изъ пѣсенъ и изъ думъ, но такихъ выдержекъ въ книгѣ г. Ж. нѣтъ и быть не можетъ, что признаетъ самъ авторъ, замѣчающій на стр. 139: «для этихъ думъ (о Самойлѣ Кишкѣ, объ Иванѣ Богуславцѣ и др.) почти невозможно подобрать соотвѣтствующихъ параллелей въ пѣсняхъ». Несомнѣнно, что «творцы думъ пользовались готовымъ уже пѣсеннымъ матеріаломъ для своихъ произведеній» (стр. 143); но изъ сочиненія г. Ж. не видно, какъ и чѣмъ они могли пользоваться.

Чтобы разобраться въ этомъ трудномъ и сложномъ вопросѣ, нужна обширная и разносторонняя эрудиція, внимательное отношеніе къ малѣйшимъ деталямъ и большая осторожность въ обобщеніяхъ.

Въ V главѣ г. Ж. говоритъ о творцахъ думъ. Авторъ путемъ наведеній и литературныхъ внушеній старается убѣдить читателя, что творцами думъ были «старци», т. е. нищіе. Проживая въ церковныхъ шпиталяхъ, вблизи школъ, стоя въ близкихъ отношеніяхъ къ церковникамъ, нищіе усвоивали отъ нихъ литературные мотивы и переработывали ихъ по даннымъ народной жизни. Трудно принять эту гипотезу по той причинѣ, что «старци» издавна извѣстны, какъ люди физически немощные, калѣки, больные и престарѣлые; люди такого «убогаго чина» не могли создать такія сильныя художественныя произведенія, какъ думы. Возможно, что и «старци» были творцами думъ, но не такіе убогіе, какими они являются въ книгѣ г. Ж., какими они въ дѣйствительности были въ XVII — XVIII в., а предположительно такіе, какъ богатыри велико-русской былины о сорока каликахъ со каликою. Можетъ быть, дѣйствительная жизнь старой Руси давала такихъ богатырей, старцевъ-пѣснотворцевъ; это могло быть при существованіи въ древней Руси нищенскихъ товариществъ и братствъ. Изъ древнихъ лѣтописей и поученій видно, что паломники ходили толпами, что предполагаетъ прочную организацію. Въ 1283 г. въ Курской области татарами были «переимани переходници, иже ходятъ по земдямъ милостыни просяще» (Л. Майковъ, Матер. по стар. рус. литер. I 41). Среди такихъ старцевъ могли быть богатыри-пѣснотворцы, наслѣдники древнихъ Баяновъ, пріятели западныхъ вагантовъ и голіардовъ.

Въ послѣдней главѣ (VI) напечатана старинная (между 1808 и 1827 г.) запись малорусскихъ думъ, принадлежавшая покойному А. А. Котляревскому. Думы и пѣсни расположены въ рукописи въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Три брата въ плѣну въ Азовѣ, 2) Козакъ Иванъ Коновченко, 3) Алексѣй Поповичъ, 4) Ѳедоръ Безродный, 5) Три брата Самарскіе, 6) Атаманъ Матяшъ старый, 7) Козакъ прощается съ сестрами, 8) Братъ и сестра, 9) Самійло Кишка, 10) Иванъ Богословецъ, 11) Вдова въ г. Чечельничѣ, 12) Дворянская жена, 13) Чечотка, 14) Попадья, 15) Разговоръ Днѣпра съ Дунаемъ и 16) Вдова Ивана Сирка. Отрывки изъ девяти думъ ранѣе были уже напечатаны Н. И. Костомаровымъ въ статьѣ его о малорусскихъ историческихъ пѣсняхъ въ «Русской Мысли» 1880 и 1883 г. Г. Житецкій издалъ полный текстъ 13 думъ; не изданы только пѣсни: Дворянская жена, Чечотка и Попадья, хорошо извѣстныя по другимъ сборникамъ. Въ началѣ главы г. Ж. говоритъ о языкѣ записи. Составитель записи вносилъ великорусскія слова, но не былъ твердъ въ русскомъ правописаніи. Сверхъ десяти варіантовъ извѣстныхъ уже думъ, руко-

пись Котляревскаго даетъ еще три думы, которыя не были извѣстны собирателямъ народныхъ пѣсенъ: 1) Атаманъ Матіашъ, 2) Вдова Ивана Сирка и 3) Разговоръ Днѣпра съ Дунаемъ. Послѣдняя дума отличается искусственностью. Повидимому, это искусственная пѣсня, составленная довольно неумѣло, можетъ быть, въ началѣ настоящаго вѣка, на популярный народно-поэтическій мотивъ о разговорѣ рѣкъ.

Въ началѣ думъ г. Ж. помѣстилъ небольшія замѣтки, заключающія или краткій пересказъ содержанія, или краткое сравненіе варіантовъ, и въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ помѣстилъ указанія на печатные варіанты. Вступительныя къ думамъ замѣтки по краткости и общему характеру не имѣютъ научнаго значенія. Подстрочныя библіографическія указанія могутъ пригодиться лицамъ, занимающимся думами, хотя они не совсѣмъ полны. Такъ, г. Ж. оставилъ въ сторонѣ польскіе этнографическіе сборники, въ которыхъ изрѣдка попадаются малорусскія думы; таковы, напр., «Zapiski etnograficzne» Руликовскаго, напеч. въ III т. Краковскаго изданія Zbiór wiadomości, гдѣ находится дума объ Ивасѣ Вдовыченкѣ, думы о Дмитріи Вишневецкомъ, Семенѣ Паліи и др.. Упущены изъ виду кое-какіе варіанты, изданные въ русскихъ журналахъ, напр., варіантъ думы объ Алексѣѣ Поповичѣ, напеч. въ „Кіев. Стар.", 1885, II, 215—228. Но въ общемъ подстрочныя библіографическія указанія г. Ж. отличаются значительной полнотой.

Въ заключеніе мы можемъ замѣтить, что г. Житецкій, не изслѣдуя думъ въ отдѣльности и не останавливаясь на частностяхъ, все свое вниманіе сосредоточиваетъ на постановкѣ и рѣшеніи важнаго общаго вопроса о вліяніи школы на языкъ и содержаніе думъ. Авторъ открываетъ новое обширное поле для научныхъ изслѣдованій, причемъ вниманіе изслѣдователей направляетъ въ сумежье между книжной литературой и народной поэзіей, между школой и жизнью, т. е. въ такую область, гдѣ приходится вникать въ весьма сложныя соотношенія безъискусственнаго народнаго творчества, школьнаго образованія и исторически сложившейся бытовой обстановки. Авторъ обнаружилъ большую любовь къ избранному имъ предмету изслѣдованія и постарался дать ему освѣщеніе съ усвоенной имъ оригинальной точки зрѣнія. «Мысли о нар. малор. думахъ», помимо общихъ выводовъ и соображеній автора, заключаютъ въ себѣ новые фактическіе матеріалы, отрывки изъ любопытныхъ виршъ (по неизданнымъ рукописямъ) и нѣсколько новыхъ историческихъ пѣсенъ изъ рукописи А. А. Котляревскаго. Все это въ совокупности придаетъ книгѣ г. Житецкаго крупное научное значеніе.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

ИЗЪ ЗАП.-ЕВРОПЕЙСКОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

О зачаткахъ и развитіи искусства у малокультурныхъ народовъ.

Grosse: Die Anfänge der Kunst. (Freib. u Leipz. 1894. стр. 301, 8⁰).
Ch. Letourneau: L'évolution littéraire dans les diverses races humaines. (Paris. 1894. стр. VII+574. 8⁰).

Оба труда, заглавія которыхъ мы выписали, затрогиваютъ одну изъ наименѣе разработанныхъ сторонъ науки этнографіи, и какъ таковые заслуживаютъ особеннаго вниманія. Работа французскаго этнолога разсматриваетъ только часть тѣхъ явленій, въ которыхъ высказывается эстетическое чувство человѣка; трудъ г. Гроссе стремится охватить всѣ указанныя явленія: но, въ то время какъ г. Гроссе подвергаетъ наблюденію только наименѣе культурныя народности, г. Летурно разсматриваетъ произведенія народнаго творчества и у культурныхъ народовъ вплоть до средневѣковой литературы, такъ что обѣ работы могли-бы дополнять другъ друга. Остановимся сперва на первой.

Г. Гроссе справедливо полагаетъ, что никакая «исторія искусства» недостигнетъ полноты и правильности выводовъ, если авторъ ея не обратитъ вниманія на произведенія художественнаго творчества у первобытныхъ народовъ: во всѣхъ остальныхъ областяхъ соціологіи, пишетъ г. Гроссе, научились начинать сначала; всѣ прочія соціологическія дисциплины поняли, какую могущественную помощницу онѣ имѣютъ въ лицѣ этнологіи; только наука объ искусствѣ все еще пренебрегаетъ бросить взглядъ на грубыя произведенія первобытныхъ народовъ, даваемыя въ ея распоряженіе этнологіей. Наука объ искусствѣ должна распространить кругъ своихъ изслѣдованій на всѣ племена. Если мы хотимъ достигнуть научнаго пониманія искусства культурныхъ народностей, мы должны раньше проникнуть въ сущность и въ условія существованія искусства у народовъ первобытныхъ:— неизбѣжно знать таблицу умноженія прежде чѣмъ приступать къ рѣшенію болѣе сложныхъ математическихъ задачъ; для знакомства-же съ первобытнымъ искусствомъ слѣдуетъ обращаться не къ исторіи, не къ памятникамъ доисторическимъ, а къ этнологіи. Слѣдуя этому, авторъ собралъ обширный матеріалъ по искусству у некультурныхъ племенъ, но этотъ мате-

ріалъ во многихъ отношеніяхъ оказался недостаточно полнымъ. Въ многочисленной этнографической литературѣ, въ музеяхъ дѣйствительно собранъ довольно значительный, хотя и далеко не исчерпывающій вопроса матеріалъ по произведеніямъ искусства у первобытныхъ народовъ, поскольку оно выражается въ предметахъ видимыхъ, осязаемыхъ; но обширная область народнаго творчества сравнительно мало изслѣдована; относительно многихъ народностей свѣдѣнія о произведеніяхъ ихъ поэтическаго творчества крайне скудны, а относительно многихъ изъ нихъ свѣдѣній нѣтъ совершенно. Въ еще худшемъ состояніи находится дѣло изученія музыки у первобытныхъ племенъ: даже тѣ немногіе образцы примитивныхъ мелодій, которыя записаны у нѣкоторыхъ народностей, оставляютъ желать еще многаго. Авторъ вполнѣ сознаетъ трудность своей задачи и вслѣдствіе этого, насколько это касается малоизслѣдованныхъ областей, крайне остороженъ въ своихъ выводахъ.

Другой важный вопросъ, который приходится рѣшить г. Гроссе прежде чѣмъ приступить къ изложенію зачатковъ искусства на низшихъ ступеняхъ развитія человѣчества,—это вопросъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ названіемъ «первобытный» народъ. Авторъ отмѣчаетъ неопредѣленность этого термина, который и до него смущалъ многихъ. Предполагаемая субъективность взгляда, опредѣляющаго, что слѣдуетъ считать предшествующимъ и что послѣдующимъ звеномъ въ общей исторіи развитія человѣчества, заставляетъ многихъ изслѣдователей стремиться къ отысканію прочнаго критерія для этнологической классификаціи народовъ, и г. Гроссе, вмѣстѣ со многими другими, надѣется найти этотъ критерій въ различіи экономическаго быта разныхъ племенъ. Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе справедливости этого взгляда, какъ потому, что намъ приходилось неоднократно говорить о немъ, такъ и потому, что въ данномъ случаѣ для насъ важно дѣлаемое авторомъ опредѣленіе низшей ступени въ развитіи человѣчества только для того, чтобы уяснить себѣ кругъ тѣхъ народовъ, который онъ имѣетъ въ виду подвергнуть разсмотрѣнію: «первобытными народами, говоритъ г. Гроссе, являются тѣ, которые пользуются первобытными способами добыванія себѣ пищи», именно охотой и собираніемъ растительныхъ продуктовъ [1]). Ограничивая кругъ своихъ наблюденій только охотничьими народами, авторъ, внутри этой группы, уже не дѣлаетъ другихъ подраздѣленій по сложности экономическаго строя отдѣльныхъ народностей, и въ опредѣленіи большей или меньшей первобытности произведеній искусства слѣдуетъ методу восхожденія отъ болѣе простыхъ къ болѣе сложнымъ видамъ произведеній, такъ какъ прогрессъ въ искусствѣ, какъ и въ другихъ областяхъ развитія человѣчества, далеко не всегда соотвѣтствуетъ прогрессу въ развитіи экономическаго быта.

Первое, въ чемъ выражается первобытное искусство,—это въ стремленіи къ украшенію, причемъ первымъ объектомъ украшенія является чело-

---

1) Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ слѣдовать этому опредѣленію г. Гроссе.

вѣческое тѣло: со способовъ самоукрашенія у первобытныхъ народовъ г. Гроссе и начинаетъ изложеніе исторіи искусства.

Украшенія тѣла бываютъ двухъ родовъ: постоянныя и перемѣняемыя. Къ первымъ авторъ относитъ украшенія путемъ устройства шрамовъ (Narbenzeichnung), татуировку, просверливаніе носа, губъ и ушей. Ко вторымъ: раскрашиваніе тѣла и надѣваніе различныхъ предметовъ. Изложивши матеріалъ, касающійся украшенія тѣла путемъ устройства шрамовъ, и татуировки, а также господствующія мнѣнія по вопросу о происхожденіи этого обычая (значеніе религіозное, знакъ принадлежности къ извѣстной группѣ и пр.), авторъ полагаетъ, что первоначально эти виды украшенія тѣла имѣли значеніе лишь украшеній, что они появились прежде, чѣмъ извѣстная группа доросла до пониманія своего единства, и что лишь впослѣдствіи они получили значеніе племенныхъ или другихъ знаковъ. Въ остальныхъ, какъ и въ этихъ двухъ видахъ украшенія, первобытный человѣкъ слѣдуетъ извѣстному эстетическому чувству, въ основѣ котораго лежатъ однако совершенно практическія соображенія: краски, которыми онъ окрашиваетъ тѣло, всегда подобраны къ цвѣту кожи такъ, чтобы онѣ наиболѣе выдѣлялись; этимъ только объясняется, что обычай татуировки встрѣчается исключительно у свѣтлокожихъ народовъ, такъ какъ она была-бы незамѣтна на темномъ цвѣтѣ кожи. Далѣе самый цвѣтъ перемѣняемыхъ украшеній расчитанъ у разныхъ народностей именно на то, чтобы они выдѣлялись на фонѣ кожи; отъ этого именно и происходитъ трудно объяснимый на первый взглядъ фактъ, что напримѣръ бушмены предпочитаютъ черныя бусы, въ то время какъ кафры относятся къ послѣднимъ съ пренебреженіемъ: на болѣе свѣтлой кожѣ бушменовъ черныя бусы рѣзко выдѣляются, въ то время какъ онѣ мало были бы замѣтны на темной кожѣ кафра. Эстетическое чувство приводитъ дикаря къ тому, что при устройствѣ, напримѣръ, ожерелья изъ темныхъ и свѣтлыхъ предметовъ (напримѣръ, зубовъ и бусъ), онъ нанизываетъ эти предметы поочередно: цѣль—чтобы каждый изъ этихъ предметовъ выдѣлялся съ большею ясностью. Такъ какъ первый объектъ украшенія—тѣло—устроено симметрично, то у первобытнаго человѣка развивается весьма рано сначала понятіе, а затѣмъ привычка и любовь къ симметричности во всѣхъ украшеніяхъ.

Каковы были побудительные мотивы, приведшіе всѣ народы на самыхъ низшихъ ступеняхъ ихъ развитія къ стремленію украшать свое тѣло, спрашиваетъ авторъ. Путемъ анализа фактовъ онъ приходитъ къ заключенію, что эти мотивы первоначально были чисто практическаго свойства: украшая свое тѣло, человѣкъ съ одной стороны стремился возбудить къ себѣ вниманіе и понравиться индивидамъ другого типа, любви которыхъ онъ домогался, *) а съ другой стороны наводить страхъ на лицъ ему враждебныхъ. Въ обоихъ случаяхъ украшенія служили необходимымъ и наиболѣе

*) Этимъ-же побудительнымъ мотивомъ авторъ объясняетъ и происхожденіе обычая покрывать тѣло, обычай, который, сдѣлавшись господствующимъ, привелъ къ развитію чувства стыдливости.

дѣйствительнымъ оружіемъ въ борьбѣ за существованіе. Этимъ стремленіемъ и объясняется, что у первобытныхъ народовъ украшенія тѣла болѣе развиты у мужчинъ, чѣмъ у женщинъ.

Обычай украшать свою утварь, оружіе и т. д. является позже обычая украшать тѣло, и первый, на низшихъ ступеняхъ развитія, отстаетъ отъ второго, а у нѣкоторыхъ народовъ и вовсе отсутствуетъ; наиболѣе развитъ орнаментъ у австралійцевъ, минкопи и у арктическихъ народностей. Подчасъ первобытный орнаментъ представляетъ на взглядъ европейца сочетанія геометрическихъ фигуръ, вслѣдствіе чего установился взглядъ, будто первымъ шагомъ на пути развитія орнамента является орнаментъ геометрическій. Противъ этого мнѣнія возстаетъ вполнѣ основательно г. Гроссе: то, что европеецъ принимаетъ за геометрическія фигуры, оказывается грубыми изображеніями образцовъ, даваемыхъ природой. Это положеніе иллюстрируется авторомъ рядомъ примѣровъ: такъ, у бразиліанскихъ племенъ почти исключительно господствуютъ геометрическія фигуры въ орнаментѣ, но Эренрейхъ, который изслѣдовалъ вопросъ на мѣстѣ, доказалъ, что дикари сами видятъ въ нихъ изображенія живыхъ существъ: такъ, ломаная линія, повторяющаяся нѣсколько разъ, должна изображать змѣю; фигура креста, частое повтореніе котораго у американскихъ дикарей подчасъ смущало изслѣдователей, должна изображать особый видъ ящерицы и т. д. Наблюденія Эренрейха не стоятъ особнякомъ: они подтверждаются наблюденіями надъ орнаментомъ американскихъ краснокожихъ и австралійцевъ. Такимъ образомъ, въ т. н. геометрическомъ орнаментѣ слѣдуетъ видѣть прежде всего неудачныя подражанія живымъ формамъ, которыя вскорѣ стилизуются вслѣдствіе стремленія подражать первоначальнымъ образцамъ. Второй основой, изъ которой развивается геометрическій орнаментъ, является стремленіе подражать плетенымъ, сшитымъ или связанымъ предметамъ. Этотъ видъ весьма широко распространенъ какъ у арктическихъ народовъ, такъ и у минкопи и австралійцевъ. Онъ весьма часто встрѣчается на глиняныхъ сосудахъ, что объясняется какъ самимъ происхожденіемъ обычая дѣлать сосудъ изъ глины, такъ и обыкновеніемъ окружать эти послѣдніе плетеніемъ для бо́льшей прочности. Многіе остававшіеся непонятными мотивы орнаментовъ у первобытныхъ народовъ легко объясняются этимъ вторымъ источникомъ орнамента. Извѣстная ритмичность первобытнаго орнамента объясняется отчасти воспроизведеніемъ животныхъ и человѣческихъ формъ, отчасти подражаніемъ плетенію, при которомъ ритмичность вытекаетъ изъ самого характера работы, но къ ней-же подчасъ могли привести и практическія соображенія: при устройствѣ, напр., нѣкоторыхъ видовъ оружія, (стрѣлъ, копій и пр). необходимо было соотвѣтствіе обѣихъ половинъ, чтобы оружіе достигало своей цѣли. При дальнѣйшемъ развитіи ритмичность орнамента становится потребностью для удовлетворенія эстетическаго чувства. Въ общемъ орнаментъ у охотничьихъ племенъ крайне бѣденъ и несложенъ; при отысканіи среди окружающей природы мотивовъ для изображенія, первобытный человѣкъ останавливается только на мірѣ животныхъ, и въ орнаментѣ отсутствуютъ растительныя формы. Это объясняется, по мнѣнію автора,

характеромъ охотничьяго быта: мужчины, снискивая себѣ пропитаніе, обращаютъ почти исключительное вниманіе на охоту; собирать растительную пищу—удѣлъ женщинъ; вслѣдствіе этого охотники мало обращаютъ вниманія на окружающую ихъ растительность, и такъ какъ украшеніемъ предметовъ занимаются мужчины, то и естественно, что они не черпаютъ мотивовъ изъ растительнаго царства. Дальнѣйшее утвержденіе г. Гроссе, что растительный орнаментъ появляется только послѣ перехода къ земледѣлію, кажется намъ нѣсколько рискованнымъ.

На низшихъ-же ступеняхъ развитія появляются и зачатки рисованія, живописи и рѣзьбы на камнѣ, кости, древесной корѣ. Авторъ подробно останавливается на подобныхъ произведеніяхъ у австралійцевъ, бушменовъ и арктическихъ народовъ. Въ рисункахъ, которыми австралійцы и бушмены покрываютъ скалы, пещеры и пр., краски сравнительно мало употребляются. Мотивами служатъ также царство животныхъ и охотничьи сцены; ими-же украшаютъ австралійцы и куски коры, а арктическіе народы куски кости и свои костяныя орудія. Для этого вида первобытнаго искусства характерно умѣнье примитивнаго художника схватывать поразительно вѣрно естественныя формы и изображать движеніе въ фигурахъ. Уже на низшихъ ступеняхъ развитія человѣчества нетрудно замѣтить извѣстный прогрессъ въ рисункѣ: въ то время какъ австралійцы незнакомы съ перспективой и при изображеніи болѣе отдаленныхъ предметовъ помѣщаютъ ихъ непосредственно надъ изображаемыми болѣе близкими фигурами, бушмены, по крайней мѣрѣ лучшіе рисовальщики изъ ихъ среды, уже освоились въ главныхъ чертахъ съ законами перспективы. Рисунки первобытныхъ народовъ обнаруживаютъ недюжинныя художественныя способности: они настолько искусны, стоятъ въ такомъ противорѣчіи съ общимъ низкимъ уровнемъ развитія самого племени, что возникало сомнѣніе въ принадлежности ихъ рукѣ первобытнаго человѣка. Въ настоящее время этотъ вопросъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, и г. Гроссе отмѣчаетъ, что нѣтъ ничего удивительнаго, что у первобытныхъ народовъ искусство рисовать развито въ большей степени и болѣе распространено, чѣмъ у многихъ другихъ народовъ, стоящихъ на болѣе высокой ступени культуры: среди первобытнаго народа рисовать умѣетъ почти всякій, и это потому, что у каждаго почти развиты необходимыя для рисованья качества, именно наблюдательность, вѣрность глаза и руки. Эти качества вырабатываются у охотничьихъ племенъ борьбой за существованіе; они являются ему необходимыми для снисканія себѣ пропитанія. Низкій уровень развитія этихъ племенъ выражается въ томъ, что бѣдность ихъ фантазіи не позволяетъ имъ подняться въ замыслѣ рисунка надъ подражаніемъ природѣ.

Слѣдующія три главы г. Гроссе посвящаетъ разбору пляски, поэтическимъ произведеніямъ и музыкѣ у охотничьихъ народовъ. Изученіе этихъ видовъ искусства у низшихъ расъ составляетъ начало труда г. Летурно. Труды послѣдняго хорошо извѣстны въ Россіи. Въ своей «Evolution littéraire» г. Летурно не отступаетъ отъ метода расположенія матеріала, принятаго имъ въ предшествующихъ трудахъ, посвященныхъ эволюціи собственности, семьи, нравственности и т. д., въ томъ отношеніи, что

и здѣсь авторъ старается отыскать зародыши искусства въ мірѣ животныхъ; остальной матеріалъ располагается г. Летурно на этотъ разъ по расамъ, при чемъ онъ различаетъ ихъ три: черную, желтую и бѣлую. Къ первой онъ причисляетъ веддовъ, австралійцевъ, папуасовъ, готентоттовъ, банту и суданскихъ негровъ; въ составъ 2-й группы входятъ полинезійцы, всѣ американскіе народы, монголы, тюрки, арктическіе народы и пр.; наконецъ, 3-ю группу составляютъ египтяне, берберы, абиссинцы, семиты, арійцы и финны. Несовершенство этой сисстемы слишкомъ бьетъ въ глаза, чтобы стоило останавливаться на разборѣ ея; но помимо ненаучности ея, она въ значительной степени затрудняетъ возможность выяснить вопросъ, насколько культурный уровень племени отражается на характерѣ его творчества, такъ какъ, напр., относительно первобытныхъ народовъ приходится искать разбросанныя авторомъ замѣчанія по разнымъ главамъ. Выводы, къ которымъ приходятъ гг. Летурно и Гроссе, однако сходятся въ существенномъ: первый признаетъ, что пѣніе является раньше, чѣмъ членораздѣльная рѣчь; къ этому приводятъ наблюденія надъ животными а также и надъ міромъ дѣтей. Это положеніе отмѣчаетъ и г. Гроссе. Далѣе оба автора согласны въ томъ, что уже на низшихъ ступеняхъ развитія можно отмѣтить зародыши всѣхъ видовъ поэзіи (лирики, эпики и драмы) и что пляска, музыка (пѣніе) и поэзія выступаютъ почти всегда одновременно.

Пляска, по мнѣнію г. Гроссе,—самое непосредственное, наиболѣе сильно дѣйствующее выраженіе примитивнаго эстетическаго чувства; ея характерной чертой являются ритмическія движенія. Всѣ виды пляски, встрѣчаемые у первобытныхъ народовъ можно подвести подъ двѣ группы: мимическая и гимнастическая пляски: первая подражаетъ дѣйствіямъ животныхъ и людей, вторая—не имѣетъ въ окружающей обстановкѣ объекта подражанія. Обзоръ плясокъ у австралійцевъ, бушменовъ и эскимосовъ (у послѣднихъ гимнастическія пляски стоятъ на второмъ планѣ сравнительно съ мимическими) приводитъ г. Гроссе къ заключенію, что главными мотивами въ мимическихъ пляскахъ являются половая жизнь и военныя дѣйствія. Привязанность первобытныхъ народовъ къ обоимъ видамъ плясокъ объясняется, какъ и само ихъ происхожденіе, присущимъ человѣку стремленіемъ къ подражанію и потребностью дать внѣшнее выраженіе возбужденному чувству; пляска пріобрѣтаетъ религіозное значеніе лишь впослѣдствіи. Оба автора отмѣчаютъ громадное соціальное значеніе, которое пляски имѣютъ у первобытныхъ народовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, по мнѣнію г. Гроссе, это единственный видъ искусства, который на высшихъ ступеняхъ развитія приходитъ въ упадокъ.

Матеріалъ, который находится въ распоряженія этнографа для изученія народной словесности на низшихъ ступеняхъ развитія человѣчества, крайне ограниченъ; но онъ достаточенъ, чтобы намѣтить по крайней мѣрѣ основныя черты первобытной поэзіи, въ особенности насколько это касается лирики. Содержаніе лирическихъ произведеній у охотничьихъ народовъ грубо и до крайности просто: въ нихъ каждый воспѣваетъ свои несложныя горести и радости, характеръ которыхъ у дикаря совершенно

матеріальный; возвышеннымъ, съ нашей точки зрѣнія, чувствамъ нѣтъ мѣста въ лирикѣ дикаря; въ ней не встрѣчается ни воспѣванія природы, ни чувства любви, и это потому, что примитивный человѣкъ мало или вовсе незнакомъ съ чувствомъ влюбленности, а природа, которой онъ подчиненъ и съ которой ему приходится вести безпрестанную борьбу, не будитъ въ немъ эстетическаго чувства. По формѣ эти произведенія чрезвычайно просты; строчки каждаго отдѣльнаго стиха коротки и удлиненіе ихъ доказываетъ, по словамъ г. Летурно, значительный прогрессъ въ развитіи племени. Центръ тяжести произведенія лежитъ не въ содержаніи, а въ метрикѣ; этимъ объясняется, почему у огнеземельцевъ и австрійцевъ, по словамъ г. Летурно, встрѣчаются пѣсни почти безъ всякаго смысла, а г. Гроссе справедливо объясняетъ этимъ преобладающимъ вліяніемъ на слушателей размѣра стиха передъ содержаніемъ тотъ фактъ, что лирическія пѣсни, несмотря на то, что онѣ носятъ узко эгоистическій и индивидуальный характеръ, находятъ подчасъ широкое распространеніе не только въ предѣлахъ племени, но и у сосѣднихъ племенъ, говорящихъ другимъ языкомъ и слѣдовательно не понимающихъ словъ пѣсни.

Лирика у первобытнаго человѣка настолько бѣдна по своему содержанію, что г. Летурно склоненъ отрицать ея существованіе на этой ступени развитія, по крайней мѣрѣ въ ея значеніи чисто индивидуальной: господство группы надъ личностью настолько сильно, что, по его мнѣнію, не остается мѣста для воспѣванія фактовъ, не имѣющихъ общаго интереса для цѣлой группы. Примѣры, приводимые г. Гроссе, не позволяютъ однако согласиться съ этимъ утвержденіемъ, но г. Летурно несомнѣнно правъ въ томъ отношеніи, что импульсомъ для развитія лирики на слѣдующихъ культурныхъ ступеняхъ, слѣдуетъ считать перемѣны, совершающіяся въ соціальномъ строѣ; развитіе собственности, ограниченіе свободы въ общеніи половъ, имущественное неравенство и пр.—все это вноситъ въ душу человѣка новыя, незнакомыя первобытному человѣку чувства, которыя и находятъ себѣ выраженія въ лирическихъ пѣсняхъ.

Переходя къ эпическимъ произведеніямъ охотничьихъ народовъ, г. Гроссе отмѣчаетъ, какъ недостаточность матеріала, такъ и трудность его критической оцѣнки. Эпическихъ произведеній, имѣющихъ цѣлью удовлетвореніе эстетическаго чувства слушателей и самаго творца, вылившихся въ опредѣленную форму, сравнительно мало извѣстно у первобытныхъ народовъ. Разсказы, имѣющіе миѳологическій характеръ, полные чудесныхъ происшествій, сказочныхъ подробностей, которые считаются европейцами за произведенія эпическія, не являются таковыми въ глазахъ первобытныхъ слушателей; для послѣднихъ это бывшія въ дѣйствительности происшествія, имѣющія не поэтическій, а историческій интересъ; далѣе нѣкоторыя легенды о происхожденіи животныхъ, растеній и пр. представляютъ лишь наивныя попытки объясненія непонятнаго для ума первобытнаго человѣка, но не поэтическое творчество. Не признавая за этими произведеніями характера эпическихъ, г. Гроссе дѣлаетъ на нашъ взглядъ ошибку: при опредѣленіи, слѣдуетъ-ли то или другое произведеніе отнести къ разряду поэтическихъ, въ смыслѣ продукта народнаго творчества,

едва ли можетъ играть роль вопросъ, какъ относятся къ нему слушатели, какъ къ сказочному или какъ къ дѣйствительному факту; опредѣленность формы также не является существенной: мы и не вправѣ ожидать ее на низшихъ ступеняхъ развитія человѣчества. Тѣмъ не менѣе, если разсказы, будь ихъ содержаніе миѳологическое или историческое, являются достояніемъ всего племени, переходятъ изъ устъ въ уста въ теченіе поколѣній, мы должны отнести ихъ по содержанію къ общей суммѣ произведеній народнаго творчества, а по формѣ къ числу произведеній эпическихъ. Поэтому болѣе правъ г. Летурно, который въ своемъ обзорѣ литературныхъ произведеній разныхъ народовъ отводитъ значительное мѣсто сказаніямъ миѳологическаго характера. Болѣе серьезно другое препятствіе, которое выставляетъ г. Гроссе въ дѣлѣ изученія первобытнаго эпоса,—это трудность, а въ настоящее время, въ большинствѣ случаевъ, и невозможность выдѣлить изъ общаго цикла эпическихъ сказаній тѣ, которыя принадлежатъ творчеству извѣстнаго племени отъ заимствованныхъ. Заимствованія совершаются не только отъ непосредственныхъ сосѣдей извѣстнаго племени, какъ напр. эскимосами у краснокожихъ, но къ дикарямъ попадаютъ и разсказы европейцевъ, причемъ охотничьи племена, примѣняя заимствованный сюжетъ къ условіямъ собственнаго быта, видоизмѣняютъ разсказъ почти до неузнаваемости. Тѣ эпическія произведенія, которыя, по мнѣнію г. Гроссе, слѣдуетъ считать вполнѣ національными, рѣзко отражаютъ охотничій бытъ и борьбу первобытнаго человѣка за свое существованіе съ враждебными силами природы.

Не менѣе древни и зачатки драмы: уже въ простомъ разсказѣ дикаря находятся зачатки драматическаго дѣйствія — перемѣны голоса, мимика, подражающая внѣшности и дѣйствіямъ встрѣчающихся въ разсказѣ людей и животныхъ. Діалоги, часто встрѣчающіеся у арктическихъ народовъ и австралійцевъ, образцы которыхъ приведены въ трудахъ обоихъ авторовъ, являются зародышами драматическихъ произведеній; такими-же слѣдуетъ считать тѣ мимическіе танцы, которые сопровождаются словесными объясненіями, или въ которыхъ отсутствуютъ ритмическія движенія и даже объяснительныя слова, но которыя изображаютъ охоту, войну и пр.

Произведеніе поэтическаго творчества на низшихъ ступеняхъ всегда сопровождаются музыкой, причемъ, по выраженію г. Гроссе, первоначальнымъ музыкальнымъ инструментомъ былъ голосъ: вообще вокальная музыка появляется и развивается раньше инструментальной. Первобытные народы при пѣніи обращаютъ главное вниманіе не на мелодію, а на ритмъ, что поддерживается и тѣмъ, что пѣніе сопровождаетъ пляску. Поэтому, по мнѣнію обоихъ изслѣдователей, первоначальные музыкальные инструменты приноровлены исключительно къ отбиванію такта: такъ у австралійцевъ пляски сопровождаются ударами распорядителя палкою о палку, а женщины ударяютъ по кожаному плащу, который онѣ держатъ натянутымъ на колѣняхъ; изъ этого развивается едва-ли не первый музыкальный инструментъ въ видѣ разныхъ ударныхъ инструментовъ; по крайней мѣрѣ подобные инструменты извѣстны уже у всѣхъ охотничьихъ народовъ, и исключеніе составляютъ только ботокуды, у которыхъ

изслѣдователи отмѣчаютъ исключительно духовые инструменты; въ качествѣ послѣдней стадіи развитія, послѣ духовыхъ инструментовъ, появляются инструменты струнные, и игра на нихъ все болѣе отдѣляется отъ пѣнія. Музыка, по мнѣнію г. Гроссе, является единственнымъ видомъ искусства у первобытныхъ народовъ, которое въ своемъ происхожденіи не имѣетъ практическихъ соображеній; онъ не согласенъ съ мнѣніемъ, по которому пѣніе является въ своей основѣ средствомъ привлечь къ себѣ лицо другого пола; г. Гроссе не отрицаетъ, что у охотничьихъ народовъ при пѣніи и музыкѣ могутъ играть роль и эти соображенія, но они оказываются лишь факторами поддерживающими и развивающими музыкальное творчество, а не первоначальнымъ источникомъ, которымъ является исключительно стремленіе къ удовольствію; поэтому музыку г. Гроссе считаетъ наиболѣе «чистымъ» искусствомъ на низшихъ ступеняхъ развитія: она служитъ сама себѣ цѣлью.

Мы уже указывали, что г. Летурно подвергаетъ своему наблюденію не только охотничьи народы, но и другіе, какъ некультурные, такъ и тѣ, которые съиграли выдающуюся роль въ общей исторіи цивилизаціи. Онъ дѣлаетъ характеристику и приводитъ образцы народнаго творчества цѣлой массы народностей, причемъ изъ культурныхъ народовъ онъ останавливается на литературѣ древней Мексики и Перу, Китая и Японіи, древняго Египта, Индіи, Персіи, Греціи, Рима, семитовъ, финновъ, славянъ, кельтовъ, германцевъ и наконецъ на средневѣковой литературѣ Европы. При такомъ разнообразіи содержанія и сравнительно небольшомъ объемѣ книги, характеристики должны быть естественно очень кратки и приводимые образцы крайне немногочисленны: авторъ далеко не охватываетъ всего имѣющагося въ его распоряженіи матеріала, что крайне невыгодно отражается на содержаніи работы г. Летурно; эти недостатки особенно бросаются въ глаза, когда авторъ переходитъ къ племенамъ, литература которыхъ хорошо изучена. Для примѣра укажемъ на отдѣлъ, гдѣ г. Летурно говоритъ о литературѣ славянъ: почти единственнымъ источникомъ служитъ ему сочиненіе A. Rambaud: La Russie épique, вслѣдствіе чего, имѣя въ виду народное творчество *славянскаго племени*, г. Летурно почти исключительно говоритъ объ однихъ русскихъ, причемъ преимущественно о нашемъ народномъ эпосѣ. Нѣкоторыя неточности какъ въ выводахъ, такъ подчасъ и въ именахъ (напр. *Добрыня*—Drobryna), которыя мы встрѣчаемъ у автора, едвали представляютъ интересъ для русскихъ читателей, такъ какъ едвали кто нибудь изъ нихъ будетъ основывать свои взгляды на наше народное творчество на трудѣ г. Летурно.

Не останавливаясь на изложеніи матеріала, перейдемъ къ выводамъ, къ которымъ приходитъ авторъ относительно эволюціи литературы. Съ развитіемъ общественныхъ группъ усложняются и искусства: пѣніе, словесное творчество, инструментальная музыка становятся болѣе трудными; въ то время, какъ на низшихъ ступеняхъ развитія каждый членъ группы можетъ принимать участіе во всѣхъ видахъ искусства, при болѣе высокомъ культурномъ уровнѣ, требуется спеціальное изученіе: оно приводитъ къ появленію профессіональныхъ пѣвцовъ, какими

являются греческіе рапсоды, скандинавскіе скальды, пѣвцы въ тропической Африкѣ, въ Полинезіи и пр. Вначалѣ эти пѣвцы свободно слѣдуютъ собственному вдохновенію, но съ развитіемъ религіознаго и государственнаго строя, они вынуждены силой обстоятельствъ брать сюжеты изъ жизни боговъ, героевъ, а внѣ этихъ оффиціальныхъ сюжетовъ—событія, имѣющія интересъ для всѣхъ ихъ согражданъ: выдающіяся событія народной жизни. Эта перемѣна отразилась крайне благотворно на развитіи сюжетовъ и формы произведеній; кромѣ того, изъ устныхъ они дѣлаются письменными, но въ содержаніи они теряютъ, такъ какъ творчество не въ состояніи выливаться свободно, вслѣдствіе новыхъ условій общественной жизни: оно становится искусственнымъ и теряетъ свою прежнюю свѣжесть и непосредственность.

Однако, становясь достояніемъ избранныхъ лицъ, творчество продолжаетъ отражать въ себѣ общій строй жизни народа, какъ оно это дѣлаетъ и на низшихъ ступеняхъ развитія, и, по вѣрному замѣчанію г. Гроссе, «чувства, обнаруживаемыя первобытнымъ искусствомъ, болѣе узки и болѣе грубы, мотивы его менѣе богаты, неуклюжѣе и бѣднѣе его формы, но въ основныхъ мотивахъ, средствахъ и цѣляхъ искусство первобытнаго времени тождественно съ искусствомъ всѣхъ временъ».

Н. Харузинъ.

СМѢСЬ.

ИЗЪ СТАРИННЫХЪ РУКОПИСЕЙ.

Вѣдомость о масленичномъ поведеніи

явствуетъ в'сей тетрати
Вѣдомость 1762-*го* году, *)

Февраля $\tilde{д}$ дня.

Приѣхалъ вестовщикъ,
Нарочитой *от*масленіцы ямщікъ,
Всамы*х* поспешителныхъ довода*х*,
Наям'ски*х* почтовыхъ по*д*водахъ.
Объявилъ о себѣ, что присланъ
Изгорода неслыхалова,
Села и деревни небывалова. [*о*бяви*т*,
Приказала ему масленіца внародъ
Что (sic) они могли отомъ извѣстны
быть:
Понеже имъ ведать и меня ожидать,
Изабл*а*говремен*но* питья приуготов-
лять. [о*т*мѣну,
Однако*ж* къ своему приѣзду имѣе*т*
И особливую въ томъ премѣну.
Хотя она была и прошлаго года,
И тутъ ея пристигла немалая нез-
года. [знаки,
Затѣ*м* что происходили немалыя
Но великия чінились влюдехъ драки.
Ктомужъ она каталась спереведе*н*ской
Да мало нажила себѣ похвалы; [згоры,
Притомъ же нажила беду многу,
Каталась да переломила себѣ ногу.
О*т*чего ходила цѣлой годъ надере-
вяшке, [ляшки.
Чрез великую силу носила свои
Того ради нынѣ несмѣетъ явитца,
Мыслитъ, чтобъ втакой бедѣ нена-
ходитца. [кая сухота,
Паче же сумневаетца и ото*м* вели-
Что бывае*т* вмарте м*с*це великая
мокрота.
Впрошедши*х* годахъ была въ нужи,
Затѣмъ что о*т*теплоты бываю*т* лужи;
Нелзя боле забавлятца,
Бе*з*снѣгу насаняхъ кататца. [снѣгъ,
А хотя и нагора*х* будетъ лежа*т*
О*д*накож опасается что*б* нездѣла*ся*
смѣхъ.
А нынѣ прислала стаки*м* договоромъ,
О*б*явить бы людем такимъ доводо*м*.
Ежели могутъ сие учинить,
То она велѣла объявить:

Вопервыхъ:

В'стрѣтить ея честно паче всякаго
совѣту,

*) Буквы, выведенныя изъ-подъ титлъ, набраны курсивомъ; паерокъ замѣненъ апострофомъ; въ остальномъ правописаніе удержано. Ред.

И посадит ея во особливую корѣту.
А нетакъ, чтоб вести нароспускахъ,
Оттого она будет въ великихъ то-
скахъ.

Вовторых:

Приготовит ей вина и пива,
Не желаетъ она другаго дива.
Такожъ запасти блинов, аладей и
Дабы она была всегда весела. [киселя,

Третьее:

А впереведенской слободѣ наслат
перин постенам,
Что бы неушиптись ея бокамъ.
А ежели сего учинить непохотятъ,
То всей годъ меня не узрятъ.
Желает отомъ отлюдей отвѣту,
Приещаетьли (sic) ей къ ним поихъ
И отомъ буде имъ мочно, [совѣту.
Тобы положили время срочно.
Весь февраля (sic) мсцъ размышлять,
А что вздумают отвѣтъ прислать.

Февраля Д дня.

Приѣхал отмасленіцы вѣрной ея паж,
Особливаго ея здравия стражъ,
Всамых тяшкіхъ и несносныхъ тру-
Нашести ямскихъ лошядяхъ. [дахъ,
Объявил, что масленіца весма весела,
Вчера доехала докраснаго села,
Итеперь въ веселий пребываетъ,
Что надворе теплота бываетъ.
Будет жить вкрасномъ селѣ,
Доперваго числа марта,
Вчемъ показуетъ сия карта:
Слышала, что великия беды мразы
учинили, [били.
Многие народы носы свой позно-
Отчево исама много страдала,
И ввеликую болѣзнь попала.
Онако (sic) вылечилас от мразной бо-
Пришли времена полезны. [лѣзни,

А вылнчилъ (sic) ея деревенской му-
жикъ Ермилъ,
Изато сталъ весма онъ милъ.
Впретъ нехощет нести такое бремя,
Ожидаетъ самое благополучное время.
Ивелѣла прислат посебя корѣту,
Нежелает болѣе другаго совѣту.

Извѣстіе отлюдей к'масленіце:

Февраля Ѕ дня.

Честнѣйшая наша масленіца веселая,
Вѣдаемъ, что ты недругая какая иная.
Желаем тебѣ вгороде неслыхаве (sic)
пребывати,
Пивомъ и виномъ себя увеселяти.
Приѣхалъ кнамъ вестовщикъ,
Посланъ отвасъ нарочитой ямщикъ,
Втакой силѣ, что хощешъ кнам ѣхать,
То изволь нынѣ о семъ вѣдать.
Мы желаем в'февралѣ учинит сви-
даніе,
Отом увсѣхъ насъ (sic) едино желаніе.
Авмарте какъ уже подниметца толокно,
Которое грозится натебя давно,
Никакая неможетъ удержат укрѣпа,
Баталью возимѣетъ стобой и паре-
ная рѣпа,
Такъже и углецкое хорошое тѣсто
Нигдѣ тебѣ недастъ мѣста.
Ізволь ты кнамъ приехать тихо,
Неучинитъ тебѣ никто лиха.
Присемъ писавъ ктебѣ воздравай
пребываем,
Атебя стихостию ожидаемъ.
Насіе наше писаніе твоя воля буди,
Засимъ писавы (sic) добрыя люди.

Изкронштата Февраля Н дня.

Многія люди обмасленіце объяв-
ляютъ
И самую правду обней возвещаютъ,
Что она изволитъ гулять вкрон-
штате (sic).

Очюнь (sic) бодро впарикѣ и впуховой
Сама себя весма увеселяетъ, [шляпе.
И того веселия никому незапрещаетъ.
Ходит познатным домамъ и пирамъ,
И пообретающимся там трактирамъ.

Кмасленіце извѣстие чрезъ почту
Изпетербурга, Февраля і-го числа.

Желаемъ вскоре, хотя бы іневдругъ,
Приѣхат кнамъ всанктпетербургъ.
Совсякою охотою твоею (sic) честь
стрѣтимъ, [уготовимъ
Доволно пива и вина и меду при-
Ктакому твоему веселому приѣзду,
Имѣй втом на насъ надежду.
А ежели намъ плату, (sic)
Устроим тебѣ особливую палату,
Вней здѣлаем такими манерами:
Обьемъ всу (sic) кругомъ шпалерами,
И поставим вней блины и яица,
Нальем вотки и вина сткляницы.
Токмо нетак бы тебѣ чинит, какъ
прежде:
Недат бы влюдех такия знаки,
Не происходилиб оттебя велкія
драки. [литца,
Мы желаем хотя ипитиемъ весе-
Токмо совсякою тихостию обходитца.
А ты как прикатишъ бодра,
Ивсякъ поулицамъ деретъ горла.
Мы нечем какъ дураки пѣти,
Нолутче тихо станемъ седѣти.
А когда ты непоступишъ посему,
То небывать и ничему.
Толко тебѣ одну недѣлю ликовать,
Апосле будеть всего миновать.
Скоро тебѣ будеть премѣна:
Испужаешъся ты исама хрѣна.

Отмасленіцы искронштата

Февраля кі дня.

Прибежал почтарь всамом тяшком
Толко иаодной подводе. [доводе,
Приказала ему особѣ объявить,
И онечастій своем народу возвестить.
Хотя она ѣхала чрезъ многия грады,
А неоткого невидала такия досады.
Ныне изкронштата поехала впетер-
бургъ,
Ажно нечаянно напали нанея вдругъ,
И пристигли ея безслужителей впути,
Немогла отнеприятеля утьти.
Аимянно, хренъ, ретка, толокно,
Пареная рѣпа и грибы.
Такъ онѣ ея силно похватили,
Чуть и впролупь непосадили.
Однако отнихъ отбилась,
Паки вкронштат возвратилас
Іприказала внародъ объявить,
Чтобы могли извѣстны быть.
Прислалибы понея оладей роту,
Весма отомъ имѣетъ зоботу,
Возымѣть схрѣном баталью полевую,
Зачто онѣ здѣлали обиду такую.

Вѣдомость учиненной баталий между Масленицой, хрѣном, реткой и прот'чими. Что ими учиненно, значитъ ниже сего:

Февраля ді дня.

Когда масленичныя полки отправи-
лись,
Кнадлежащему своему дѣлу сладя-
лись,
То увѣдая хрѣн, ретка и толокно,
Ибо они ожидали ея давно,
Хотѣли онѣ вскоре сотворить,
Чтоб масленицу конечно разорить.
Инапали онѣ наблиновъ жестоко,
Ипродолжилас между йми баталья
глубоко. [блинъ,
Но какъ выскочил одинъ грешневой
Откотораго паръ шелъ яко дымъ,
Много победил хрѣна и ретки,
А тѣста и числомъ неизвѣстно.
И услышала отом масленица вскоре,
Незахотѣла вкроштате быть боле.

Нежелая блинам здѣлат траты,
Надѣла насебя крѣпкия латы
Итакъ сильно нахрѣна напала,
Едва невконецъ ево потоптала.
Видя такую беду, ретка
Выбежала, как сьяйцъ насетка,
Весма безмѣрно храбро поступила,
Инамасленіцу нападенія чинила.
Однакож масленіца ранила ретку
Толко отнея ретка охъ! [в'бокъ,
Итакъ хрена, ретку и продчих прогнали,
Что онѣ такой батали невидали.
Апаче оладенная конница
Великая на батальи была спорница.
Аблиновая пехота поступила так
Что и смотрѣть было дивно. [дивно,
А нынѣ масленица соладями и бли-
Пряженьцами и хворостами [нами,
Ѣдет внародъ срадостными вестями,
Счестию своею великою
И належащею (sic) ея музыкою.

Притой баталіи сообоихъ сторон побито и вполон взято и ранено великое число.

Февраля ѕ҃і дня.

Масленіца ѣдет совсею силою благополучно,
Ивпути пребываетъ нескучно,
И ведет ретку и хрѣна вполон, а всѣ обрестованы,
Заклепными желѣзами перекованы,
Просят умасленцы, чтоб дат имъ шу-
Ибо онѣ платьемъ обносились, [бы,
Иникогда таковы ненаходились.
Масленіца, жалѣя ихъ упрямство,
Прислала блиновъ цѣлое капраство,
Купить бы имъ шубы наголны,
Чтоб полоненыя втеплотах были доволны.
А масленіца имѣетъ надежду вѣрну,
Приѣхала вкаликину деревню [лесу,
И проставила лагири втамошнемъ
А отправляетца в'ямскую вскором часу. [німат,
Уже ипослано л҃ аладей кватеры за-
Гдѣ бы свое воинъство раставлять.
Аладьям приказала проихъ здоровья
Жалованя выдать пят пудъ масла коровья. [вонъ
Анынѣ из'каликиной блины вышли
Ивели съ собою в'ямскую вполонъ
Хрена, ретьку, капусту, грибы и прочее,
Не такъ что спохвалами,
Перекованы всѣ канъдалами.
Заними шло караулов рога блинов,
Две роты аладей, да м҃ пряженцовъ,
Самых искусныхъ молодцовъ.
Неизвѣстно в'ведомостяхъ явилось,
Коликое число хрѣна стоваріщи разорилось.

Февраля 18 дня.

Изволіла масленіца вкаликине кататца, [чатца.
Анад хрѣном иреткой стала вели-
Инечаянно вдругъ выбежало ҂г огурцовъ, [лодцовъ,
Самых природных ихрабрых мо-
И так сильно наблины иоладьи наступили, [били,
Что иполонъ весь безостатку от-
Притом же побито аладей ї блиновъ немалое число,
А досталных прогнали невѣдомо кода.
Понеже такой страсти невидали никогда.
Акогда масленіца огом известилась,
Втотъ часъ спечали болна явилась,
И приказала себя вести въ ям'скую,
Понеже там нетак отпечали тоскую.
Уже нехощет вкаликине быт боле,
Изволит ѣхать впетербургъ вскоре.
Видя оное хрен и ретка весма забодрились, [ныя явились,
Для того что отмасленіцы свобод-
Ивесма крѣпко занея ухватились,

Аунея слезы какъ градъ покатилісь.
И весма презѣлно стали воевати,
Мыслять, куда бы имъ масленіцу девати.
Ивсѣ масленицыны затѣи рушили,
А масленицу въ куль зашили.
Некуды стало масленице дитца (sic),
Стала имъ жалосно молитцо (sic).
А онѣ, незря наея моленье,
Вяжуть къ кулю каменье
Иговорят: лутчеде одинова досадить, [дить.
Анадобно масленіцу впролупь поса-
Ипосадили в'сыропусть въ г҃ часу нощи.
Тогда честны стали постныя овощи.
Молодыя люди стали в'печали,
Чистова понедѣлника и проэжить нечали (sic), [жить:
А пожилые люди невелѣли имъ ту-
Можноде и безмасленицы жить.
Онако (sic) хотя иного говорили,
Толко насие всѣ положили,
Чтоде смасленіцой долго невидатца,
Аможно испосными овощи перебиватца.
Впонедѣлнікъ, доживши дообѣтъ,
Учинен был сей совѣтъ.

Сия Історія омасленичномъ поведеній вологодского уѣзду церкви царя Констянтина ї матере его Елены что накозланъче попова сына Алеѯѣя петрова. Адонея дѣла нѣтъ никому ни продать, низаложить, ни закакую ману, а писалъ своею рукою 1762 году мсца Февраля 2 дня.

Примѣч. Печатано съ рукописи, доставленной въ редакцію П. А. Дилакторскимъ изъ Вологды. Рукопись въ 4-ку на 10 листахъ, причемъ двѣ последнія страницы пустыя. Въ заголовкѣ наклеена раскрашенная виньетка. Ровинскому этотъ текстъ, повидимому, не былъ извѣстенъ (Срвн. „Рус. нар. картинки", I 303, IѴ 209, Ѵ 217). *Ред.*

Масляница въ Саранскомъ уѣздѣ (Пенз. губ.).

Періодъ времени въ послѣ-рождественскій мясоѣдъ проходитъ преимущественно въ веселіи, завершеніемъ и полнымъ апогеемъ котораго служитъ масляница (мясопустъ).

Русская масляница есть ничто иное, какъ только обломокъ, ничтожный остатокъ того всенароднаго пиршества, которое въ отдаленномъ прошломъ, во времена языческія, нашими предками справлялось въ болѣе широкихъ размѣрахъ, имѣя въ себѣ миѳическо-религіозный оттѣнокъ. Полагаютъ, что эти празднества совершались въ честь особаго божества, подобнаго римскому Бахусу, или греч. Вакху. Шумный, исполненный въ прежнее время религіозныхъ обрядовъ и сопровождавшійся семейнымъ разгуломъ—этотъ зимній праздникъ продолжался у нашихъ предковъ до 14—17 дней, но потомъ масляница была сокращена на 8 дней, а въ настоящее время справляется всего 3—4 дня и заканчиваетъ собою зимнее веселіе, началомъ котораго служатъ святки. Русская масляница весьма оригинальна: ея обряды и обычаи до чрезвычайности разнообразятся въ русской деревнѣ. Возьмемъ для примѣрнаго описанія масляной село Зыково, Саранскаго уѣзда, мою родину.

И веселятся на масляницу Зыковцы, и празднуютъ, и пируютъ, какъ говорится, «отъ мала до велика», отъ богача до бѣдняка. Вездѣ и всюду видишь хлѣбосольство и радушное гостепріимство. Широкая русская

натура въ то время получаетъ полный разгулъ, испытываются всевозможныя удовольствія. Всѣ ожидаютъ сырную седмицу съ какимъ-то лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, какъ какого-нибудь большого церковнаго праздника. „Къ масляницѣ купимъ, на масляницу съѣздимъ, послѣ масляницы сработаемъ" и т. п. выраженія можно сплошь и рядомъ услышать изъ устъ не только простолюдина но и «городнòго» жителя. Празднованіе масляницы обыкновенно состоитъ изъ «встрѣчи» (до четверга), «широкой-честнòй» масляницы и «прòводовъ» съ прощальнымъ воскресеніемъ. До масляницы, въ одинъ изъ ближайшихъ базаровъ (въ г. Саранскѣ 18 вер. отъ Зыкова и въ селѣ Архангельскомъ-Голицынѣ — 3 версты), женскій персоналъ закупаетъ у мѣстныхъ «краснорядцевъ» матеріи, кумачу, ситцу, коленкору, берлентину—въ гостинецъ крестникамъ (какъ говорятъ «на зубокъ»), кумовьямъ, а дѣтямъ своимъ—игрушекъ, въ родѣ коней, погремушекъ и прочихъ кустарныхъ издѣлій, а для дессерта—«малйнокъ» *) и подсолнышковъ—этого любимаго предмета деревенскаго лакомства. Деньги на эти покупки пріобрѣтаются бабами отъ продажи тѣхъ продуктовъ (масла, сметаны, яицъ, кислаго молока, и пр.), которые приносятся ими на базаръ; мужики покупаютъ водки, солоду и хмелю для браги. Все время до «честной» проходитъ въ деревнѣ въ приготовленіяхъ. Надо упомянуть, что важную роль въ масляничномъ пиршествѣ играетъ извѣстный напитокъ—брага, которую подносятъ гостямъ «бражнымъ» (т. е. большимъ) стаканомъ; та брага хороша, которая „густа да липка, сладка да хмельна". Пекутся «пироженцы» (изъ кислаго тѣста или сдобные) съ начинкой изъ творогу или пшенной каши. Съ первыхъ дней—масляницы еще не видно, хотя блины давно кушаютъ, пробуя предъ этимъ достоинство закупленнаго вина. Подходитъ «широкая»; на дворѣ четвергъ. Кого ни встрѣтишь—всякій непремѣнно поздравитъ съ «честной» масляницей. Лишь только покажется свѣтъ, хозяйки во всѣхъ домахъ принимаются за свою работу: поспѣшно затопляютъ печи; на сковородахъ шипятъ уже блины; за столомъ идетъ шумный, веселый разговоръ; чарки по столу похаживаютъ, головы хмелѣютъ и языки путаются, всѣ говорятъ и никто никого не слушаетъ. Къ обѣденному времени у домохозяина полное хлѣбосольство,—столъ, состоящій изъ блюдъ: «холоднаго» (рыбнаго студня), рыбы жареной, какого-нибудь «хлёбова», каши молочной (пшенной) и проч., а «на загладку» всетаки опять блины. Словомъ, въ это время, какъ говорится, «не житье, а масляница»... Въ самомъ дѣлѣ, если для кого хорошее житье состоитъ только въ томъ, чтобъ быть постоянно сытымъ и пьянымъ, то для такихъ людей, масляница едва-ли не самое лучшее время въ году.

Но еще одна характеристическая особенность «широкой масляницы»— это, такъ сказать, уличность и публичность. Всевозможныя увеселенія, забавы, катанія на розвальняхъ, съ горъ, на ледянкахъ, скамейкахъ (подмороженныхъ каровьимъ каломъ), самодѣльныхъ конькахъ или по-просту— присѣвъ на ледешокъ,—все это въ полномъ разгарѣ. Еще заранѣе при-

*) Названіе пряниковъ, сверху закрашенныхъ фуксиномъ.

готовляютъ лучшую для лошадей упряжь; дуги, украшаютъ платками и разноцвѣтными кушаками. Отправляются парами и на одной. Бабы и дѣвки, засѣвши кучками, катаются, «играя» пѣсни. Въ чужія деревни у насъ не катаются, а только до своей околицы; назадъ отправляются шагомъ, лошадь что называется вся «въ мылѣ». У молодежи (я разумѣю дѣвушекъ-невѣстъ и парней-жениховъ) свое катанiе. Предъ масляницей по всей деревнѣ идетъ «подворный» сборъ матерiала (досокъ, гвоздей, «кудели», т. е. пеньки для каната и проч.) для изготовленiя огромныхъ размѣровъ дровней. На этомъ оригинальномъ экипажѣ молодежь, садясь большими ватагами, катается изъ одного конца деревни до другого, или отъ т. н. «курмыша» (захолустная улица) до «села» *)—до церкви. Въ этотъ экипажъ садятся попеременно, смѣняя одни другихъ въ возкѣ дровней съ массою всадниковъ. Ребята, дѣвчата съ шумомъ, гамомъ, веселой и дружной гурьбою провожаютъ ихъ. Вотъ на встрѣчу имъ попадаются толпы мужиковъ; вездѣ веселiе, шумъ, пѣсни подъ аккопанементъ гармоники «семиладки», пляска съ хлопанiемъ въ ладоши, словомъ полное уличное веселiе. Народъ съ утра до поздней ночи на улицѣ, всѣ въ лучшихъ костюмахъ. Пожилые и старики, которые еще могутъ бродить, не обращаютъ вниманiя на веселую молодежь и не торопясь бредутъ изъ дома въ домъ, отъ свата къ куму, поздравляютъ другъ друга съ «широкой», приглашая къ себѣ «на стаканчикъ»—пропустить по маленькому. На масляницу послѣднiй пятакъ идетъ въ кабакъ; пьютъ, ѣдятъ, запиваютъ и опять закусываютъ. Сколько картинъ, сколько типовъ найдетъ художникъ-жанристъ въ деревенскомъ этомъ веселiи!... Но вотъ наступило и «заговѣнное» воскресенiе. У обѣдни и десятой доли нѣтъ прихожанъ: нужно проводить масляницу «какъ водится»; до будущаго деревенскаго (весенняго) веселiя, т. е. до Красной горки, всѣхъ восемь недѣль. И вотъ молодежь начинаетъ «провожать» масляницу. Обычай «проводовъ» хорошо извѣстенъ. Въ Зыковскомъ районѣ дѣлаютъ кудельное чучело изъ матерiала (пенька, веревки, кудель), который остался отъ подворной складчины для большихъ дровней. На эти самыя дровни ставятъ чучело и подъ пѣсни, съ шумомъ и гамомъ, увозятъ «гостью Масляницу» за околицу деревни. Здѣсь пугало, мастерски свитое, сплетенное и обернутое тряпьемъ, въ одинъ мигъ варварски уничтожается малыми ребятами, которые затѣмъ возвращаются въ село, неся въ рукахъ тѣ или другiе аттрибуты Масляницы. Между тѣмъ старики и старушки собираются по своимъ другамъ-недругамъ сдѣлать послѣднiй визитъ для «прощальнаго» дня.

На дворѣ смеркается. Масляница приходитъ къ концу; надо-бы помнить—и помнятъ,—что скоро наступитъ Великiй постъ, и вмѣсто блиновъ нужно будетъ довольствоваться черствымъ хлѣбомъ да хрѣномъ. Великопостный колоколъ напрасно зоветъ православныхъ къ вечернему богослуженiю. По улицѣ снуютъ поселяне изъ дома въ домъ съ прекрасною цѣлью «проститься». Вотъ входитъ въ домъ мѣстнаго батюшки сосѣдъ.

*) „Селомъ" у насъ называютъ вообще всю церковную площадь

Подъ мышкой у него «французъ», т. е. бѣлый базарный хлѣбъ.—«Нанысь, батюшка, твоимъ ребятамъ паппшничка..; весь базаръ исходилъ; искали, искали съ хозяйкой—лучше не нашли... всѣ были простые» («караваи»)... Надо упомянуть, что «прощальный» каравай на нашихъ базарахъ печется съ особенными узорами, и эти «вавилоны» на бѣломъ хлѣбѣ бываютъ иногда довольно оригинальны. За подарокъ прихожанинъ проситъ у священника «на послѣдокъ по маленькой пропустить». Приходитъ другой «всхожій въ поповъ домъ» и начинаетъ: «Прости меня отецъ, въ чемъ я тебя прогнѣвалъ» и т. д., и опять подаетъ каравай. Этихъ караваевъ, бывало, натаскаютъ да полутораста, но и вина выйдетъ много: просятъ люди—ничего не подѣлаешь, отказать нельзя. Возвращаются домой, угостившись порядкомъ, и здѣсь считаютъ непремѣнною обязанностью всею семьею заговѣться, т. е. поплотнѣе поужинать и еще выпить.

Свящ—къ Н. Н. Н—овъ.

Толки народа.

(Антихристъ.—Мышиный царь.—Гадюки).

Въ изданной мною «Программѣ для изслѣдованія народной жизни въ связи съ голодомъ и холерою» (см. «Этн. Об.» XXII, 223 и XXIII, 194; срв. XXI, 157), я уже высказывалъ, какъ эти бѣдствія въ 2-хъ лѣтній періодъ съ 1891 г. потрясли народную мысль. Разсказы, возникшіе подъ впечатлѣніемъ этихъ бѣдствій, отдаются эхомъ еще и до настоящаго времени. Еще и теперь говорятъ:

«Оце шо поставляни земськи начальныки, це уже по приказу Анцыхриста: воны будуть мучыть людей—це його помошныкы. Винъ и буде изъ земськыхъ началныкивъ; його ны узнаешъ, де винъ: росказують, шо у його будуть кыкти на рукахъ; а винъ теперъ кожынъ панъ у пырчаткахъ, такъ шо його побачышъ?

Рядомъ съ этимъ разсказывается, «шо буды 99 года страшный судъ нымынучы».

Не успѣлъ еще сойти съ народныхъ устъ вопросъ о страшномъ судѣ, предвѣстниками котораго являются голодъ и холера, какъ народная мысль для разрѣшенія ставитъ новый вопросъ: откуда взялась та масса мышей, о которыхъ такъ много писалось въ газетахъ. Какъ разрѣшилъ народъ этотъ вопросъ, видно изъ слѣдующихъ разсказовъ:

1. «Въ прошломъ 1894 году было у насъ много мышей, и появилось немало легендъ по поводу этого явленія. Нѣкоторыя изъ нихъ пишу со словъ матушки, а она слышала отъ ночевавшихъ приживалокъ».

«Ѣхалъ одинъ человѣкъ. Остановился ночевать. Попросился въ крайнемъ дворѣ села.—Та хто жъ ты такый?—Та я гуртъ гоню! Пусти гостя въ хату. Сѣлъ онъ на лавку, сталъ закусывать своимъ хлѣбомъ-солью. Хозяева удивляются: не слышно никакого гурта, тихо—гдѣ же онъ? Вышелъ потихоньку хозяинъ на дворъ, а ихъ, мышей—тьма!.. Испугался хозяинъ, вошелъ въ хату, молчитъ... Обогрѣлся странный гость, распро-

щался, и вышелъ. За нимъ вышелъ и хозяинъ потихоньку. Слушаетъ: свистнулъ гуртовщикъ—и все стадо мышей пошло за нимъ».

2. «Другой такой же гуртовщикъ зашелъ въ трактиръ.—Пусти меня, говоритъ онъ трактирщику, ночку погулять, съ уговоромъ только: не трогать моихъ гостей, какіе бы они ни были. Удивился трактирщикъ, но согласился. Свистнулъ гуртовщикъ, и явилось множество мышей, крысъ. Сталъ онъ ихъ поить, кормить изъ тарелокъ. Накормилъ, напоилъ и повелъ дальше».

3. « Какова же судьба *мышинаго царя*? Сталъ умирать одинъ изъ такихъ. Съѣхались люди изъ сосѣднихъ слободъ. Умеръ онъ. Стали хоронить. Только стали опускать въ могилу,—откуда ни возьмись мыши, крысы, и понален̂зло ихъ полная могила. Священникъ и народъ перепугались и разбѣжались».

4 «Хотивъ прописать про мышей: скилкы йихъ було, де воны узялысь? Йихъ прыгнавъ такый чоловикъ, што увесь у шерсти та чорный. Його бачылы люды: винъ гнавъ черезъ Динъ, тамъ у слободи Красноселивци заходывъ у кабакъ. Його люды спрашують: Шо ты за чоловикъ? Винъ каже: Я гоню стадо, черезъ Динъ переправляеться. Винъ спрашуе водкы; кабачикъ бызъ грошый ны давъ: такъ винъ якъ уфатывъ за вуголъ хату—такъ и затрищала хата. Кабакъ хто зна де тоди дився. Такъ люды розказувалы: якъ черезъ Динъ ишлы мыши, ны возможно сощетать: увесь Динъ захрясъ. Такъ кажутъ, шо то *богъ мышачый* ишовъ». (Срв. „Этн. Об." VIII 85, XVIII, 162).

5. «Слободы Бутурлымо(в)кы (Бобровскаго уѣзда) о(б)чыство собралы грошый, кажутъ: Давайты пошлемъ у городъ Кранштатъ отцу Ивану, шобъ помолывся объ мышахъ. Узялы послалы пятьдесятъ руб., напысалы: Батюшка! попросить Бога: у насъ багат омышей, ужы и жыть низья — пойилы усе. Батюшка о. Иванъ прыславъ назадъ гроши та й пышы сюды: Молиться самы: це щы ны мыши, шо йидять хлибъ: скоро настануть мыши таки, шо будуть людей йисты».

Рядомъ съ этимъ стоитъ слѣдующее сообщеніе того же корреспондента моего:

6. «А ще росказують, шо тамъ за Кыевомъ насталы таки гадюкы, шо повно у хатахъ, и жыть ни(зь)зя, та усе пойилы: и скотыну позакусювалы, и людей багато уже померло отъ гадюкъ».

Разсказы №№ 1—3 записаны священникомъ Богучарскаго уѣзда о. Іоанномъ Поповымъ, а 4—6 крестьяниномъ А. А Субботою (лѣтъ 30 слишкомъ) при живомъ содѣйствіи того же просвѣщеннаго батюшки.

Ученымъ обществамъ и періодическимъ изданіямъ, собирающимъ и печатающимъ этнографическія данныя, слѣдовало бы сдѣлать воззваніе къ своимъ сотрудникамъ и членамъ-корреспондентамъ о собраніи болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній о томъ, какъ народъ отнесся къ переселенію мышей. И нужно заняться изслѣдованіемъ этого вопроса теперь же, пока «мышиный богъ» не пересталъ быть героемъ дня.

М. Дикаревъ.

Мелкія фольклористическія замѣтки *).

5. Этимологіи въ повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ.

Въ славянскихъ и западныхъ повѣстяхъ съ именемъ Навуходоносора встрѣчаются этимологіи этого имени, которыя не объясняются западными языками. Эти этимологіи, можетъ быть, не праздныя выдумки сочинителя повѣсти, а его домышленія, основанныя на данныхъ того языка, на которомъ говорилъ сочинитель или переводчикъ повѣсти. При такомъ взглядѣ на эти этимологіи мы можемъ надѣяться когда-либо открыть, съ какого языка были сдѣланы славянскіе и западные переводы или по крайней мѣрѣ узнать, черезъ какой языкъ или народъ прошли эти повѣсти на пути отъ источника до славянскаго и западнаго міра. Матеріалъ для предлагаемаго списка этимологій мы заимствовали изъ статей А. Н. Веселовскаго («Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ. Повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ» (Славянскій Сборникъ, т. III) и И. Н. Жданова «Повѣсти о Вавилонѣ и Сказаніе о князехъ владимірскихъ», Спб., 1891 (оттискъ изъ Журн. Мин. Нар. Пр., 1891). Къ словамъ этого списка мы приложили матеріалъ для сравненія, заимствованный изъ монгольскаго языка.

1) Осоръ, Носоръ—сова. А. Н. Веселовскій сближаетъ эту форму съ евр. neser, арабск. nisr, «ястребъ», «орелъ», символъ бога—покровителя Ассиріи, Nisroch'a, изображавшагосая съ орлиной головой (Славянск. сборн., т. III, стр. 140). Въ тюркомонгольскомъ также есть сходная форма. Въ своей статьѣ о Повѣсти, помѣщенной въ «Этногр. Обозр.», кн. XI, стр. 117, я привелъ формы: *хачжир*—большая и сильная птица изъ породы коршуновъ (Банзаровъ), *качыр*—родъ орла, баснословная птица, живущая болѣе тысячи лѣтъ (Будаговъ), *эсыр*—орелъ (Очерки с.—з. Монг., IV, 162, II, 143); «эсыра», какъ тамъ сказано, нѣтъ въ алтайскомъ словарѣ о. Вербицкаго; его нѣтъ и въ словарѣ, приложенномъ къ грамматикѣ алтайск. языка, изданной въ Казани въ 1869 г.; но показаніе моихъ «Очерковъ» о существованіи этого слова не стоитъ одиноко; г. Катановъ въ своей «Поѣздкѣ къ Карагассамъ въ 1890 году», Спб., 1891, стр. 38, помѣстилъ карагасскую сказку, въ которой упоминается птица, и перевелъ это карагасское слово русскимъ «орелъ».

2) Nosor — leprosus, lepra; *носор* — «прокаженный» (И. Н. Ждановъ, стр. 40). По-монгольски *худзюгур* или *худжюгур*— «паршивый», «коростлявый», а также облысѣвшій отъ коросты. Можно допустить выпаденіе слога *гу*, что часто встрѣчается въ монгольскихъ словахъ, напр. *кудзюгун* — «шея», произносятъ *кудзюн*, вмѣсто *кубюгунь*, «сынъ» — *кубюн*; вмѣсто *багатур*, «богатырь»—*батур* и т. п. Поэтому изъ *худзюгур худжюгур* можно вывести форму *худзюр* или *худжюр*. Такая сокращенная форма встрѣчается и въ самихъ сказаніяхъ. Въ монгольской Гэсэріадѣ, которою мы уже пользовались для сближенія одного

*) См. XXIII кн. „Этн. Обозр.“

ея эпизода съ повѣстью о Вавилонскомъ царствѣ (Этн. Об., кн. XI), упоминаются семь паршивыхъ кузнецовъ братьевъ, *долон худжюгур тархан.* Головы ихъ отрублены; изъ семи ихъ череповъ Гэсэръ дѣлаетъ семь чашъ, въ которыхъ подноситъ вино своей бабушкѣ, но, разгнѣванная Гэсэромъ, она бросаетъ ихъ. По бурятской версіи Гэсэріады они становятся созвѣздіемъ Б. Медвѣдицы; въ шаманскихъ же легендахъ бурятъ звѣзды Б. Медвѣдицы выдаются за семь череповъ кузнецовъ сыновей Хожира (Зап. Вост.-сиб. Отд. Геогра. Общ. по этн., т. I, в. I, стр. 126); монгольскія *дж* и *дз* въ бурятскомъ переходятъ въ *ж* и *з*; поэтому монгольское *худжюгур* черезъ предположенную форму «худжюръ» сводится съ бурятскомъ Хожиръ.

Въ киргизскихъ сказкахъ, содержащихъ темы изъ Гэсэріады, лицо, которое можетъ быть сближаемо съ Гэсэромъ, называется Козай или Косу *)—какъ будто тѣмъ же именемъ, какъ и въ монгольскомъ, только съ отпаденіемъ конечнаго *р*. Форма *косе* встрѣчается въ парномъ Алдаръ-косе; такъ называется въ киргизскихъ сказкахъ хитрый человѣкъ, всѣхъ обманывающій, въ родѣ монгольскаго Балынъ-Сенге, или извѣстнаго въ мусульманскомъ мірѣ Насръ-эддина-ходжи. Въ Гэсэріадѣ, особенно въ описаніи дѣтства Гэсэра, замѣтно вліяніе сказокъ о хитромъ человѣкѣ. *Косе* по киргизски значитъ безбородый или безволосый.

3) Nabu, nabuc—bubo, «сова». Монгольскій языкъ не даетъ сходной формы. Филинъ по-монгол. *шари шибо*, «желтая птица».

4) *Аха* (Ахаизда) — «коза». Также нѣтъ сходной формы въ монгольскомъ языкѣ. Есть только такая не близкая: *ухана*, «козелъ».

5) Chodo, chodir—сарга; *ходо*—«коза» (И. Н. Ждановъ, стр. 40). По-монгол. *худури*—«кабарга» (у Ковалевскаго въ словарѣ нѣтъ, но я слышалъ это слово въ сѣверо-западн. Монголіи; см. Очерки с.-з. Монгол., IV, 159); у Марко Поло *гудери* (Le livre Marco Polo par Pauthier, I, p. 269). У Рашидъ-Эддина есть слѣдующее мѣсто (выписываемъ его цѣликомъ, потому что оно изложено нескладно): «Было племя Бекинъ. Государю ихъ имя было Гадеръ-Буюрукъ: «гадеръ»—т. е. весьма могущественный. Монголы, такъ какъ этого имени не знаютъ, говорятъ Гецеръ-ханъ; есть нѣкоторый изъ медикаментовъ монгольскихъ, который нынѣ называютъ гецеръ; въ древности имя его было гадеръ т. е. сильное лѣкарство, государи и этотъ Гадеръ-Буюрукъ (Раш.-эддинъ, Ист. монгол., пер. Березина, въ Трудахъ Вост. Отд. Археол. Общ., ч. V, стр. 113, 114); рѣчь идетъ повидимому о мускусѣ и кабаргѣ. Переходы Гадеръ и Гецеръ напоминаютъ двойное произношеніе у киргизъ—одинъ и тотъ же святой называется иногда Кадыръ, иногда Казыръ; это святой, извѣстный въ передней Азіи у мусульманъ подъ именемъ Хизра (св. Георгій).

6) *Насор*—«волосы» (Веселовскій, Отрывки визант. эпоса, стр. 143). Когда персидская царевна вступила на стеклянный полъ царскаго дворца,

*) Вѣстн. Европы, 1890 г., сентябрь, статья: „Монгольское сказаніе о Гэсэръ-ханѣ".

Навуходоносоръ «пусти огнь въ палатѣ и подпали ей нижніе власы (покрывавшіе ноги царицы), и тое ради вины царевна сама его нарекла Навходоносоромъ, прозва его Насоромъ за то, что нижніе власы подпалилъ». *Ногосун, носун* — по-монгольски шерсть овечья, верблюжья и пр.; въ словарѣ О. Ковалевскаго этого слова нѣтъ. Въ творит. падежѣ *носор*— «посредствомъ шерсти».

Послы царя Алевуя приносятъ изъ Вавилона сердоликовую крабицу. Въ своей статьѣ о Повѣсти въ Этн. Об., XI, стр. 114, мы приравнивали этотъ эпизодъ къ той главѣ «Дѣяній» Гэсэра, въ которой описывается хожденіе Гэсэра къ своей бабушкѣ за Эрдени. Сердоликовая крабица будетъ соотвѣтствовать «Эрдени» Гэсэріады. Въ Гэсэріадѣ этихъ эрдени насчитывается девять; но въ храмовой обстановкѣ буддистовъ ихъ бываетъ семь; еще болѣе, чѣмъ семь, популярно число три; гурбанъ эрдени, «три драгоцѣнности», символъ буддизма. Не явилась ли сердоликовая крабица на мѣстѣ «гурбанъ-эрдени», какъ грубое осмысленіе? Слова эрдени *) и сердоликъ имѣютъ созвучіе въ своей первой половинѣ; можетъ быть монгольское «Эрдени» получало иногда сходное окончаніе; въ монгольскомъ фольклорѣ я не могу указать на такое измѣненіе этой формы, но въ якутской сказкѣ есть Eredelj-bergän (А. Миддендорфъ, Путеш. на сѣверъ и востокъ Сибири, ч. II, Отд. VI. Коренные жители Сибири. Спб. 1878. Стр. 808). Сюжетъ сказки имѣетъ самое общее сходство съ монгольской сказкой о Эрдени-Хараликѣ; Ередели - бергенъ, подобно отцу Эрдени-Харалика (о сближеніи Эрдени-Харалика съ Гэсэромъ см. Этногр. Обозр., кн. XVIII, въ статьѣ: «Ордынскія параллели къ поэмамъ ломбардскаго цикла», стр. 4), женится на подмѣненной невѣстѣ, и только къ концу сказки обманъ обнаруживается; ложная жена удалена, и богатырь соединяется съ настоящей своей невѣстой.

Въ восточной Монголіи есть горы Дзергеле, которыя имѣютъ тупыя, какъ бы саблей срѣзанныя верхушки. Народное преданіе говоритъ, что эти верхушки ссѣкъ Гэсэръ; горы эти не захотѣли за нимъ пойти, потому онъ и ссѣкъ имъ головы. Намъ кажется, что тутъ пріурочена мѣстнымъ населеніемъ подробность изъ сказанія объ Абатаѣ, котораго мы сближаемъ съ Гэсэромъ, именно разсказъ о томъ, какъ Абатай везъ изъ Тибета въ Монголію святыню (Эрдени-цзу) и на перевалѣ святой предметъ не захотѣлъ двигаться далѣе; Абатай ссѣкъ верхнюю половину его, а нижнюю оставилъ тамъ, гдѣ она сдѣлалась недвижимою. Это случилось на перевалѣ черезъ гору, которая по этому обстоятельству и имя свое получила. Обѣ легенды, можетъ быть, одного происхожденія.

Г. Потанинъ.

---

*) У о. Вербицкаго (Словарь алтайск. и аладанскаго нарѣчій тюркскаго языка, Казань, 1884, стр. 50) драгоцѣнность—*ердіне, ерјіне* (ерджине).

Критика и библіографія.

Iosef Müller. Ueber Ursprung und Heimat des Urmenschen (Stuttgart. 1894. 8°. 62 стр.).

Небольшая статья I. Мюллера посвящена развитію гипотезы Морица Вагнера о нахожденіи первобытной родины человѣка. По мнѣнію Вагнера, появленіе человѣка должно было произойти на сѣверѣ Европы или Азіи, при наступленіи ледниковаго періода; мягкій до тѣхъ поръ климатъ допускалъ возможность существованія антропоидовъ на сѣверѣ; съ наступленіемъ ледниковъ климатъ становится холоднѣе, флора видоизмѣняется, и антропоиды, вынужденные искать себѣ иную пищу, постепенно переходятъ отъ растительной пищи къ другимъ видамъ и становятся всеядными: антропоидъ начинаетъ охотиться за звѣрями, а охота постепенно приводитъ его къ умѣнію ходить прямо и пользоваться необдѣланными камнями въ качествѣ оружія. Такимъ образомъ, въ періодъ медленнаго отступленія передъ ледниками на югъ, происходитъ дифференціація человѣка отъ антропоидовъ.

Эти мысли, высказанныя М. Вагнеромъ вкратцѣ, старается развить и дополнить I. Мюллеръ. Фактовъ, которые могли бы сдѣлать гипотезу Вагнера болѣе убѣдительною, авторъ брошюры не приводитъ. Онъ вынужденъ, какъ и его предшественники, занимавшіеся вопросомъ о мѣстонахожденіи прародины человѣка и намѣчавшіе какъ таковую то Африку (напр. Дарвинъ), то южную Азію (напр. Гекель), то сѣверныя страны, какъ Вагнеръ и Катрфажъ, строить болѣе или менѣе правдоподобныя догадки, достовѣрность которыхъ наука, въ настоящее время по крайней мѣрѣ, еще не въ силахъ подтвердить фактическими доказательствами. *Н. Х.*

Richard Hildebrand. Ueber das Problem einer allgemeinen Entwickelungs geschichte des Rechts und der Sitte. (Inaguratiousrede). (Стр. 33. 8° Graz, 1894). Въ небольшой статьѣ ректора Грацкаго университета г. Гильдебранда поднятъ одинъ изъ крупнѣйшихъ этнографическихъ вопросовъ—именно вопросъ объ установленіи критерія для классификаціи послѣдовательности явленій жизни народовъ. Авторъ замѣчаетъ, что еще и

въ настоящее время изслѣдователи руководствуются индивидуальными взглядами при опредѣленіи, слѣдуетъ ли извѣстное явленіе общественной жизни народа считать послѣдующимъ или предшествующимъ другому явленію. Вслѣдствіе этого и сама система является крайне шаткой. Прочную основу для классификаціи въ т. ск. хронологическомъ порядкѣ большого количества явленій г. Гильдебрандъ думаетъ найти въ различныхъ ступеняхъ экономическаго развитія народа.

Различныя стадіи экономической жизни имѣютъ, по его словамъ, то преимущество, что экономическая жизнь «являетъ всюду одинаковый, постоянно двигающійся въ одномъ и томъ же направленіи ходъ развитія, который имѣетъ свое объясненіе въ томъ, что населеніе или число людей всегда и всюду возрастаетъ въ большей или меньшей степени, и изъ всѣхъ интересовъ, которые управляютъ дѣйствующею жизнью, экономическіе интересы, по природѣ вещей, оказываются всегда самыми могущественными или основными. Въ классификаціи по экономически-культурнымъ ступенямъ лежитъ поэтому косвенно и классификація по ступенямъ развитія, или, если можно такъ выразиться,—опредѣленіе возраста явленій. Каждая болѣе высокая экономическая культурная ступень есть всегда вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе поздняя, болѣе зрѣлая ступень развитія»...

«Точка опоры рычага Архимеда, пишетъ авторъ нѣсколько далѣе, посредствомъ котораго можно поднять весь міръ права и нравственности, лежитъ въ экономическомъ бытѣ; совершенно такъ же, какъ въ природѣ, она лежитъ въ борьбѣ за существованіе, на которой покоится происхожденіе видовъ». Въ приведенной цитатѣ заключается основное положеніе, которое г. Гильдебрандъ старается затѣмъ освѣтить нѣкоторыми примѣрами. Остановимся прежде всего на немъ. Въ настоящее время едва ли кто-нибудь можетъ серьезно отрицать могущественное вліяніе, которое оказываютъ экономическія условія на возникновеніе и развитіе общественныхъ нормъ. Если изслѣдователи подчасъ и обращали сравнительно мало вниманія на этотъ факторъ въ исторіи развитія различныхъ институтовъ и не всегда въ достаточной мѣрѣ освѣщали посредствомъ его то или иное явленіе, то большинство ихъ было однако далеко и отъ отрицанія его значенія; наконецъ, за послѣднее время въ новѣйшихъ трудахъ все болѣе и болѣе стали обращать вниманіе на этотъ факторъ. Если смотрѣть съ этой точки зрѣнія, то въ мнѣніяхъ г. Гильдебранда мы не увидимъ ничего особенно новаго; но онъ является представителемъ крайняго направленія, старающагося выдвинуть значеніе одного фактора на первое мѣсто въ ущербъ другимъ. Жизнь каждой народности регулируется цѣлымъ рядомъ факторовъ, въ числѣ которыхъ, конечно, видное мѣсто слѣдуетъ отвести и экономическимъ условіямъ; но значеніе и сила вліянія каждаго изъ нихъ не являются постоянными, неизмѣнными: они находятся въ постоянномъ колебаніи, и временно то одинъ, то другой получаетъ перевѣсъ. Вслѣдствіе этого намъ кажется, что едвали когда-нибудь удастся опредѣлить извѣстный постоянный факторъ, дѣйствующій всегда и всюду неизмѣнно. Г. Гильдебрандъ считаетъ безспорнымъ постоянный ростъ племени въ численномъ отношеніи и соотвѣтственно съ этимъ постоянный прогрессъ въ экономи-

ческихъ ступеняхъ быта. Можетъ случиться, пишетъ онъ, что народъ въ своемъ развитіи перескакиваетъ черезъ ту или другую культурную ступень, такъ что, напр., многіе народы непосредственно перешли отъ охотничьяго или рыболовческаго быта къ земледѣльческому, осѣдлому, не проходя ступень кочевого быта; но никогда не случается, чтобы народъ, который достигъ уже земледѣльческаго или вообще осѣдлаго быта, перешелъ къ пастушескому, кочевому, т. е. чтобы произошелъ экономическій регрессъ.

Между тѣмъ въ дѣйствительности то и другое случается: населеніе далеко не всюду и не всегда увеличивается «въ большей или меньшей степени», напротивъ того, весьма часты явленія противоположнаго характера и именно у тѣхъ народностей, которыя даютъ намъ основной матеріалъ для исторіи развитія человѣчества на низшихъ ступеняхъ развитія; достаточно вспомнить о краснокожихъ Америки и объ австралійцахъ, на жизнь которыхъ г. Гильдебрандъ ссылается въ приводимыхъ имъ примѣчаніяхъ. Культурный регрессъ среди отдѣльныхъ племенъ прослѣженъ на большомъ количествѣ примѣровъ; стоитъ вспомнить только феллаховъ Египта, современныхъ обитателей Месопотаміи, Мексики и Перу, чтобы убѣдиться, что экономическій прогрессъ совершается далеко не постоянно. Извѣстны также случаи, когда экономическая культура народа регрессируетъ частично подъ вліяніемъ хотя-бы религіозныхъ воззрѣній; чтобы ограничиться одною Россіей, отмѣтимъ, напр., полное забвеніе виноделія жителями Крыма подъ вліяніемъ ислама, замѣнившаго собой христіанство. Земледѣльческое населеніе Россіи, подъ вліяніемъ условій самозащиты, перешло въ лицѣ довольно значительной части прииртышскихъ казаковъ къ полукочевому скотоводческому быту. Подобныхъ примѣровъ можно было бы насчитать много; они съ очевидностью свидѣтельствуютъ, что и экономическій бытъ отнюдь не можетъ считаться прочнымъ основаніемъ для классификаціи явленій общественной жизни народа, и намъ кажется, что г. Гильдебранду можетъ быть сдѣланъ тотъ-же упрекъ, который онъ дѣлаетъ современнымъ изслѣдователямъ, которые, по его мнѣнію, руководствуются при установленіи классификаціи индивидуальными взглядами.

Обращаясь къ двумъ примѣрамъ, которыми авторъ старается доказать справедливость своего положенія, мы встрѣчаемъ и здѣсь недостаточность разносторонней оцѣнки приводимыхъ имъ фактовъ. Приведемъ одинъ изъ нихъ. «Теоріей установлено, пишетъ онъ, что первоначальной и древнѣйшей формой заключенія браковъ было похищеніе женщины. Отсюда постепенно возникла, по мѣрѣ смягченія нравовъ, покупка женъ и, наконецъ, съ развитіемъ цивилизаціи, покупка женъ выродилась въ обычай давать подарки родителямъ или опекунамъ невѣсты». При ближайшемъ разсмотрѣніи фактовъ, авторъ приходитъ къ совершенно обратному заключенію: у народовъ, стоящихъ на самыхъ низкихъ ступеняхъ развитія (охотничій и рыболовческій бытъ), обычай *покупки* невѣсты неизвѣстенъ, похищеніе женъ встрѣчается крайне рѣдко; бракъ обыкновенно заключается путемъ приношенія подарковъ родителямъ (ведды на Цейлонѣ, бушмены, алеуты, сѣв.-амер. краснокожіе, австралійцы и пр.). Обычай покупать себѣ женъ встрѣчается только у народовъ, которые достигли уже скотоводческаго

быта или даже земледѣльческаго (лопари, самоѣды, буряты, киргизы, кафры и пр.). На этихъ ступеняхъ чаще начинаетъ встрѣчаться, по мнѣнію г. Гильдебранда, и похищеніе женщинъ. Порядокъ эволюціи этого института является т. обр. совершенно обратнымъ; по словамъ автора, онъ объясняется очень легко: на низшихъ ступеняхъ развитія нѣтъ имущества, слѣдовательно охотникъ или рыболовъ вынужденъ довольствоваться полученіемъ простыхъ подарковъ при выдачѣ своей дочери замужъ. При скотоводческомъ бытѣ появляется имущество, развивается стремленіе къ наживѣ и скупость, вслѣдствіе чего невѣста начинаетъ быть продаваемой за извѣстное количество головъ скота. Обычай покупать невѣсту легко объясняетъ и развитіе похищенія, такъ какъ жениху трудно собрать требуемое за невѣсту количество скота: онъ прибѣгаетъ къ похищенію, которое, впрочемъ, на всѣхъ ступеняхъ развитія является исключеніемъ вслѣдствіе риска, сопряженнаго съ предпріятіемъ. Несостоятельность объясненія, даваемаго г. Гильдебрандомъ всѣмъ этимъ фактамъ, рѣзко бросается въ глаза всякому, хоть немного знакомому съ бытомъ культурныхъ народностей. Въ самомъ дѣлѣ, если слѣдовать теоріи г. Гильдебранда, что у многихъ народностей, которыя заключаютъ, по его мнѣнію, браки мирнымъ путемъ, одаряя родителей невѣсты, то какъ объяснить тотъ фактъ, что обычай часто *требуетъ*, чтобы женихъ, прежде чѣмъ принести подарки, совершилъ символическое или дѣйствительное похищеніе невѣсты; такъ у камчадаловъ онъ нападаетъ на нее, вступаетъ съ ней и съ окружающими ее подругами въ бой, и только въ случаѣ побѣды женихъ получаетъ права давать подарки родственникамъ своей жены. У австралійцевъ обычай похищенія невѣсты продолжаетъ господствовать, причемъ однако встрѣчается, *внутри* каждаго *племени*, и обычай покупать себѣ жену за приносимые подарки ея роднѣ. Какъ объяснить далѣе, что у многихъ народовъ, у которыхъ обычай покупки невѣсты является господствующимъ, въ свадебныхъ обрядахъ воспроизводится обыкновенно символическое похищеніе (киргизы, лопари, самоѣды и пр.),—предпріятіе, на которое, по словамъ г. Гильдебранда, женихъ рѣшается только изрѣдка. Единственнымъ объясненіемъ будетъ то, которое установлено изслѣдователями, которыхъ авторъ упрекаетъ за отсутствіе прочнаго критерія при установленіи классификація институтовъ по времени ихъ возникновенія, именно, что, обычай похищенія невѣсты всюду предшествовалъ покупкѣ невѣсты, причемъ для установленія этого положенія изслѣдователи руководствовались не индивидуальными взглядами, а пользовались историко-сравнительнымъ методомъ и изученіемъ переживаній. Далѣе, въ основаніи возникновенія обычая даренія родителямъ невѣсты извѣстныхъ предметовъ лежитъ какъ у охотничьихъ, такъ и у скотоводческихъ народовъ одна и та-же мысль, именно: либо возмѣщеніе за убытокъ, причиненный увозомъ члена союза, либо стремленіе подарками прекратить могущую возникнуть вражду, причемъ этотъ обычай появляется уже позже и съ развитіемъ народа вытѣсняетъ окончательно обычай похищенія, который сохраняется только какъ символъ. Различіе въ экономическомъ уровнѣ охотничьихъ и скотоводческихъ племенъ сказывается въ выборѣ предметовъ, служащихъ выкупомъ за не-

вѣсту: если этотъ выкупъ болѣе точно опредѣленъ у скотоводческихъ племенъ, то происходитъ это оттого, что у нихъ вообще болѣе развиты представленія о собственности и существуетъ постоянная мѣновая цѣнность—скотъ, котораго еще не знаетъ охотникъ или рыболовъ.

Мы не будемъ больше останавливаться на статьѣ г. Гильдебранда: она служитъ однимъ изъ доказательствъ, что оттѣненіе того или иного фактора, вліяющаго на ходъ развитія народа, при односторонности и недостаточно-внимательномъ изученіи явленій жизни, приводитъ неизбѣжно къ крупнымъ ошибкамъ и не только не двигаетъ впередъ науку, но можетъ даже задерживать ея равитіе. *Н. Х.*

Gustave Le Bon. Les lois psychologiques de l'évolution des peuples. (Paris. 1894. стр. 176. 8⁰). Небольшой трудъ г. Le Bon суммируетъ взгляды автора, изложенные имъ въ разное время въ другихъ трудахъ его, посвященныхъ исторіи культуры разныхъ народовъ. По его мнѣнію, положеніе, высказанное впервые мыслителями прошлаго вѣка, о равенствѣ людей и расъ, до настоящаго времени, хотя и съ видоизмѣненіями, является господствующимъ; нѣтъ ничего ошибочнѣе этого утвержденія: каждая раса имѣетъ ей присущіе психическіе признаки, почти столь-же стойкіе и опредѣленные, какъ и признаки физическіе, и перемѣны въ первыхъ происходятъ такъ-же медленно, какъ и во вторыхъ. Совокупность психическихъ признаковъ (нравственныхъ и умственныхъ) составляетъ духъ расы (народа), который отличаетъ ее отъ другихъ и которымъ проникнуты учрежденія, искусство, вѣрованія каждаго народа; духъ расы регулируетъ и ея исторію; онъ вырабатывается вѣками и является продуктомъ всей прошлой жизни народа. Всѣ человѣческія расы можно раздѣлить на 4 группы: 1) *примитивныя*, «у которыхъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ культуры, и которыя остановились на той эпохѣ первобытнаго животнаго состоянія, которую наши предки переживали въ палеолитическій періодъ: таковы въ настоящее время огнеземельцы и австралійцы»; 2) *низшія* расы, способныя къ воспріятію только первыхъ основъ цивилизаціи; къ нимъ слѣдуетъ прежде всего отнести негровъ; 3) *среднія* расы (китайцы, японцы, семиты и пр.), способныя развить высокую культуру, которую въ состояніи были превзойти только 4) *высшія* расы, которыя состоятъ изъ индо-европейцевъ. Высшія расы отличаются отъ низшихъ не только анатомическими и психическими признаками, но и различіемъ элементовъ, входящихъ въ ихъ составъ: у низшихъ расъ всѣ индивидуумы, даже если они принадлежатъ къ разнымъ поламъ, стоятъ приблизительно на одномъ умственномъ уровнѣ: они всѣ похожи другъ на друга; у высшихъ расъ, наоборотъ, закономъ является неравенство индивидуумовъ и половъ. Это положеніе авторъ старается подкрѣпить данными антропологическими: изъ сравненія череповъ представителей различныхъ человѣческихъ расъ видно, что объемъ черепа представляетъ наибольшія колебанія у цивилизованныхъ расъ; чѣмъ больше раса поднимается по пути цивилизаціи, тѣмъ болѣе диференцируются черепа у отдѣльныхъ членовъ. Равенство анатомическое и физіологическое существуетъ только у низшихъ

расъ; ту-же дифференціацію можно наблюдать, распредѣляя субъектовъ по полу: объемъ черепа мужчины и женщины, даже если сравнивать только субъектовъ одинаковаго возраста, роста и вѣса, представляетъ различія, быстро усиливающіяся съ поднятіемъ уровня культуры. Эти различія, крайне слабыя у низшихъ расъ, становятся громадными у высшихъ. У послѣднихъ женскіе черепа часто едва болѣе развиты, чѣмъ у женщинъ низшихъ расъ. Въ то время, какъ средняя величина заставляетъ черепа парижанъ отнести къ числу наиболѣе крупныхъ изъ всѣхъ извѣстныхъ, черепа парижанокъ должны быть поставлены на одинъ уровень съ черепами китаянокъ и едва-едва выше женскихъ череповъ изъ Новой-Каледоніи. Каждая раса является обособленнымъ цѣлымъ, и перенесеніе культуры, выработанной одною изъ нихъ, на другую невозможно: этимъ объясняется, что европейская культура не прививается къ дикимъ племенамъ. Въ этомъ заключаются основныя положенія автора; остальная глава посвящена лишь развитію этихъ положеній и приведенію примѣровъ, какъ видоизмѣняются проявленія способностей расъ подъ вліяніемъ различныхъ факторовъ; новаго мы не находимъ въ изложеніи автора, ограничивающаго свои замѣчанія поверхностными данными, касающимися племенъ и народовъ историческихъ. Выставляя и доказывая свои положенія, какъ и иллюстрируя ихъ примѣрами, авторъ повторяетъ или всѣмъ извѣстныя истины, или давно доказанныя ошибки, и по отношенію къ его взглядамъ на расы, изъ которыхъ однѣ способны къ культурѣ, въ то время какъ другія обречены навсегда остаться некультурными, можно примѣнить его же слова, что «если трудно установить новую идею, то не менѣе трудно разрушить старую; человѣчество всегда... цѣплялось за мертвыя идеи».

Н. Х.

А. Мюллеръ. Исторія ислама съ основанія до новѣйшихъ временъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціею приватъ-доцента Н. А. Мѣдникова. СПБ. 1895 г. Т. I—376 стр., т. II—354 стр.

Объемистый трудъ нѣмецкаго ученаго, появляющійся теперь въ русскомъ переводѣ, входитъ въ составъ извѣстной Allgemeine Geschichte Онкена, подъ заглавіемъ: Der Islam im Morgen-und Abendland (Берл. 1886—87). Нельзя сказать, чтобы авторъ внесъ въ свое сочиненіе много чего-нибудь новаго, своего собственнаго: наоборотъ, онъ даже прямо поставилъ своей задачей—изложить, вразумительно и обстоятельно, только то, что было добыто до сихъ поръ трудами другихъ изслѣдователей, подвести итоги ихъ изслѣдованіямъ и, такъ сказать, произнести послѣднее слово науки. Задачу свою покойный Мюллеръ исполнилъ прекрасно: неспеціалистъ читаетъ его сочиненіе очень легко, а каждый спеціалистъ замѣтитъ, что авторъ отнесся къ своему дѣлу вполнѣ добросовѣстно и что читатель получаетъ дѣйствительно самые свѣжіе плоды востоковѣдѣнія. Небольшой промежутокъ въ 7 лѣтъ, отдѣляющій появленіе книги Мюллера отъ нашего времени, не можетъ имѣть большого значенія, потому что какихъ-нибудь существенно важныхъ открытій за это время не сдѣлано. Приходится посѣтовать только на одинъ капитальный недоста-

томъ Мюллерова труда, а именно на то, что г. Мюллеромъ не дѣлаются ссылки на ученыя изслѣдованія его предшественниковъ, послужившія ему источникомъ для его компиляціи; несвѣдущій читатель будетъ совершенно лишенъ библіографическихъ указаній на литературу предмета. Въ нѣмецкомъ изданіи была, по крайней мѣрѣ, хоть въ предисловіи замѣтка о томъ, что главный авторитетъ для составителя—это Дози, «der unsterbliche Dozy»; въ русскомъ переводѣ предисловіе вовсе пропущено, и русскій читатель не имѣетъ даже того краткаго указанія на одинъ изъ источниковъ компиляціи. Впрочемъ и русскій переводъ является въ свѣтъ также не безъ предисловія, только другого, составленнаго самимъ г. Мѣдниковымъ (собственно, оно г-номъ Мѣдниковымъ и не составлено, а просто извлечено изъ статейки бар. Розена, которая была помѣщена въ Зап. Вост. Отд., т. VII). Въ этомъ предисловіи сообщается біографія покойнаго нѣмецкаго профессора,—вещь, конечно, очень полезная и отнюдь непредосудительная; но крайне странно встрѣтить здѣсь выраженіе сожалѣнія, зачѣмъ Мюллеръ не сдѣлался спеціалистомъ-филологомъ, а обратился «вслѣдствіе живости своего ума и разносторонности научныхъ интересовъ» (стр. V) къ исторіи! Да неужто живость ума и разносторонность научныхъ интересовъ заслуживаютъ сожалѣнія и порицанія? И не находится ли приведенный упрекъ въ противорѣчіи съ дальнѣйшимъ заявленіемъ самого г. Мѣдникова, что «Исламъ» А. Мюллера является *въ высшей степени* полезнымъ произведеніемъ», и что онъ, г. Мѣдниковъ, «не знаетъ *ни одного другого* сочиненія, которое давало бы столь ясный, связный и осмысленный обзоръ исторіи мусульманскаго міра»?

Что касается достоинствъ или недостатковъ русскаго перевода, то нужно сознаться, что изрѣдка онъ таки тяжеленекъ, страдаетъ германизмами (помнится намъ въ одномъ мѣстѣ даже такая фраза: «онъ сдѣлалъ болѣе, чѣмъ укрѣпить власть»), но все это, конечно, простить можно. Заслуживаетъ похвалы стараніе передать восточныя имена по мѣрѣ возможности правильно, согласно съ настоящимъ восточнымъ произношеніемъ; мы этого совсѣмъ не привыкли видѣть въ переводахъ, сдѣланныхъ съ нѣмецкаго,—обыкновенно имена собственныя, перешедши черезъ нѣмецкую несовершенную транскрипцію, въ русской передачѣ уже совершенно искажаются. Напрасно только г. Мѣдниковъ обращаетъ каждаго Абдаллаха въ Абдуллу (съ женскимъ окончаніемъ). Вполнѣ сочувственно относимся мы къ стремленію г. Мѣдникова придать восточнымъ словамъ удобосклоняемое окончаніе: такъ онъ пишетъ «Алій» (не «Али»), «суфій» (не суфи») и т. п. Въ арабскомъ языкѣ эти слова имѣютъ видъ: «Алійй-онъ», «суфійй-онъ». Употреблять формы, поставленныя нами въ скобкахъ, такъ-же не раціонально, какъ не раціонально было бы передавать латинское Iulius черезъ «Юли» и греческое Διονύσιος черезъ «Діониси».

Вскорѣ должны выйти въ свѣтъ 3-й и 4-й томы предпринятаго русскаго изданія. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ ихъ появленія, потому что возлагаемъ на русскій переводъ сочиненія Мюллера большія надежды. До чего плохо поставлено у насъ въ Россіи востоковѣдѣніе, доказываютъ, напр., слѣдующіе куріозные факты: въ «Настольномъ Энциклопедическомъ

Словарѣ» (изд. Т-ва Гранатъ) говорится о Касимѣ, *сынѣ Пророка Мохаммеда*, убитомъ Омейядами; спеціальный философскій журналъ «Вопросы философіи и психологіи» даетъ мѣсто архи-невѣжественной компиляціи г. Уманца («Метафизика мусульманскаго востока»); на казенный счетъ издается въ Ташкентѣ (!) «Исламъ» Іоганна Гаури. О послѣдней книгѣ мы подробно поговоримъ въ одномъ изъ ближайшихъ нумеровъ нашего журнала, а пока-что отмѣтимъ тотъ характерный и печальный фактъ, что переводчикъ сочиненія Гаури, г. Хомутовъ, считалъ эту невозможную элукубрацію за пышный цвѣтокъ науки. Надѣемся, повторяемъ мы, что русскій переводъ Мюллеровой «Исторіи ислама» распространитъ въ русской публикѣ, которая мало знакома съ востокомъ, болѣе здравыя о немъ понятія и устранитъ самую возможность появленія на русскомъ такихъ книгъ, какъ Гаури.

Сочиненіе Мюллера, хотя имѣетъ въ виду главнымъ образомъ внѣшнюю исторію халифата, содержитъ также много другихъ свѣдѣній и, въ извѣстной степени, можетъ служить восточной энциклопедіей. Но вся эта масса свѣдѣній, особенно по исторіи культуры, собрана не въ отдѣльныхъ главахъ, а разбросана тамъ и сямъ по всей громадной книгѣ. Конечно, подобная система изложенія дѣлаетъ книгу очень интересной для чтенія, но въ высшей степени неудобной для справокъ, а мы полагаемъ, что Мюллерова книга *должна* имѣть справочный характеръ. Краткое оглавленіе, приложенное къ каждому тому, ничуть не поможетъ дѣлу: при слабомъ знакомствѣ нашего общества съ востокомъ, не всякій способенъ будетъ оріентироваться въ толстыхъ книгахъ Мюллера, напечатанныхъ убористымъ шрифтомъ. Какъ въ интересахъ публики, такъ и въ интересахъ самаго изданія, которому мы искренно желаемъ блестящаго успѣха, мы совѣтуемъ г. Мѣдникову помѣстить въ концѣ IV тома именной и предметный *указатели*. Сдѣлать это г. Мѣдниковъ можетъ безъ большого труда (особенно если прибѣгнетъ къ помощи своихъ слушателей), а между тѣмъ значительно возвыситъ внутреннюю цѣнность своего изданія, окажетъ несомнѣнную услугу развитію русскаго востоковѣдѣнія и пріобрѣтетъ себѣ болѣе широкій кругъ читателей и «потребителей» (sit venia verbo!) Въ противномъ случаѣ объемистое сочиненіе Мюллера будетъ для очень многихъ людей богатой сокровищницей, къ которой у нихъ нѣтъ ключа. *А. Крымскій.*

Къ исторіи средневѣковой филологіи и еврейско-арабской литературы. I. *«Книга сравненія еврейскаго языка съ арабскимъ» Абу-Ибрагима* (Исаака) *ибнъ-Баруна*, испанскаго еврея конца XI и начала XII вѣка. Изслѣдованія **П. Коковцова.** Съ приложеніемъ подлиннаго текста сохранившихся отрывковъ труда ибнъ-Баруна. С.-П. Б. 1893, стр. 158.

Нельзя сказать, чтобы семитологія имѣла мало адептовъ въ Европѣ, и тѣмъ не менѣе въ этой области остается еще много, много несдѣланнаго, неизслѣдованнаго, и притомъ по отношенію къ предметамъ самой настоятельной необходимости. Напр., мы до сихъ поръ не имѣемъ историческаго словаря арабскаго языка: существующіе въ Европѣ арабскіе сло-

вари (они представляютъ передѣлку мусульманскихъ) показываютъ при каждомъ арабскомъ словѣ обыкновенно три, четыре и больше значеній, которыя совершенно несходны между собой. Такая путаница происходитъ оттого, что слова вносились въ словарь арабскими лексикографами безъ обозначенія вѣка ихъ употребленія; другая причина—та, что часто обобщается такое значеніе слова, котораго слово на самомъ дѣлѣ не имѣетъ и которое годится развѣ въ переносномъ смыслѣ, для какого-нибудь опредѣленнаго выраженія, и т. п. Не лучше стоитъ дѣло и съ арабской грамматикой. Легшая въ основу европейскихъ трудовъ и удовлетворяющая практической потребности грамматика Сильвестра де-Саси скомпилирована по сочиненіямъ нѣсколькихъ выдающихся грамматистовъ-арабовъ, но кто обращается къ самымъ источникамъ, тотъ знаетъ, сколько важныхъ разногласій существуетъ у арабскихъ авторитетовъ по грамматикѣ. Разногласія эти вполнѣ понятны: разговорный арабскій языкъ, въ теченіе долгихъ вѣковъ, естественно измѣнялся, между тѣмъ арабская литературная рѣчь ставила себѣ принципомъ—не уклоняться отъ древнихъ образцовъ; такимъ образомъ литературный арабскій языкъ, дѣлаясь въ сущности мертвымъ, долженъ былъ испытать судьбу нашего церковно-славянскаго (или славено-росскаго) языка, т. е. принять какой-то искусственный видъ и усвоить нѣкоторые факты, никогда не существовавшіе въ живой рѣчи. Однимъ изъ средствъ помочь точной филологіи семитологовъ-европейцевъ является обнародованіе и переводъ возможно бо́льшаго количества восточныхъ филологическихъ сочиненій разныхъ школъ. Въ послѣднее время къ этому и стремятся въ Европѣ; между прочимъ, не малыя надежды можно возлагать на издаваемый въ настоящее время синтаксисъ Сибавейги. Отдѣльныя, сравнительно небольшія изслѣдованія, въ родѣ того, какое даетъ г. Коковцовъ, чрезвычайно симпатичны и могутъ помочь дѣлу. Матеріалъ, выбранный г. Коковцовымъ, чрезвычайно удаченъ: немногіе средневѣковые еврейскіе авторы обнаруживали такое знакомство съ арабской литературой, какъ ибнъ-Барунъ; а что касается, въ частности, арабской грамматической и лексикографической литературы, то въ этой области г. Коковцовъ ставитъ автора «Китаб-оль-мовазене» («книги сравненія») выше всѣхъ,—слѣдовательно, не исключаетъ даже такого знатока арабскаго языка, каковъ Абуль Валидъ ибнъ-Дженахъ. Трудъ ибнъ-Баруна отличается строгой систематичностью изложенія, чего также нѣтъ у ибнъ-Дженаха. Подъ вліяніемъ изученія арабскихъ филологовъ, ибнъ-Барунъ обращаетъ на арабскій языкъ чуть ли не большее вниманіе, чѣмъ на свой: читая его сравнительную грамматику, читателю иногда кажется, что онъ имѣетъ дѣло, собственно, съ грамматикой арабскаго языка, въ которой лишь для указанія сродства между языками приведены вездѣ примѣры изъ еврейской грамматики. Изслѣдованіе г. Коковцова, если исключить введеніе (свѣдѣнія объ авторѣ «Китаб-оль-мовазене»), представляетъ, собственно, ничто иное, какъ вольный переводъ подлиннаго арабскаго текста съ опущеніемъ лишь нѣкоторыхъ полемическихъ мѣстъ и съ прибавленіемъ обстоятельныхъ комментаріевъ. Спеціально этнографическій характеръ нашего изданія не позволяетъ намъ распространяться въ подробностяхъ частнаго характера

о книгѣ г. Коковцова, но мы можемъ сказать, что всякій семитологъ найдетъ въ ней много для себя важнаго и интереснаго и будетъ благодаренъ автору.

А. Крымскій.

Оповідання про заздрих богів. Написав Михайло Драгоманов. Передрук із «Хлібороба». Коломия. 1894, 16°, стр. 54.

Эта небольшая книжка, составленная просто и живо, имѣетъ цѣлью популяризовать нѣкоторые выводы библейской критики и примыкаетъ къ ряду другихъ подобныхъ сочиненій того-же профессора: «Наука теологічна в Західній Европі», «Рай і поступ» і т. д. Въ настоящей книгѣ авторъ разбираетъ вѣрованія и преданія грековъ насчетъ зависти боговъ и систематически проводитъ параллель съ подобными же вѣрованіями у евреевъ.—Изложивши греческія преданія о зависти Зевса, о Прометеѣ (насадителѣ знаній, т. е. познающемъ добро и зло) и о грѣхопаденіи Пандоры и Прометея, проф. Драгомановъ вслѣдъ затѣмъ разсматриваетъ существовавшій у древнихъ евреевъ разсказъ о ревнивомъ богѣ Ягве (котораго онъ почему-то называетъ «Яве») и о грѣхопаденіи первой человѣческой четы; попутно проф. Драгомановъ уклоняется въ сторону, не нарушая однако замѣчательной связи рѣчи, и разсыпаетъ разныя побочныя свѣдѣнія: объ антропоморфическомъ политеизмѣ у древнихъ евреевъ, о вліяніи ассирійскаго искусства и т. п. Далѣе проф. Драгомановъ разсматриваетъ позднѣйшія греческія легенды о сынѣ бога (Зевса) человѣколюбцѣ Гераклѣ, о нисшествіи его и Прометеева друга Хирона въ адъ для искупленія Прометея, о примиреніи Зевса съ Прометеемъ и съ людьми,—и опять проводитъ параллель съ вѣрованіями и событіями еврейскими; онъ показываетъ, какъ старое библейское преданіе и новозавѣтные факты оказались сходны съ сказаніями греческими и вступили съ ними во взаимодѣйствіе, отчего появились новыя сказанія. Небольшое отступленіе дѣлается въ этой главѣ для сличенія еврейскихъ представленій о діаволѣ съ персидскими. Послѣдняя глава подчеркиваетъ остатки народныхъ вѣрованій въ зависть Божію у христіанскихъ народовъ, вплоть до послѣдняго времени.

Книжка, конечно, не можетъ претендовать на оригинальность и новизну выводовъ, но, какъ замѣчательный образчикъ популяризаторскаго труда, она стоитъ высоко. Недостаткомъ ея мы должны считать извѣстную политическую тенденцію, которую очень не трудно усмотрѣть, читая между строкъ. Мы бы и не касались этого пункта, если бы тенденціозность не увлекла г. Драгоманова, серіознаго ученаго и профессора исторіи, въ крупную историческую ошибку: исчисляя преимущества республиканскаго устройства и приводя въ примѣръ Грецію, онъ увѣряетъ, будто тамъ каждый свободно могъ «розбірати розумом усякі речі, що доторкались до віри» За что же, спрашивается, страдали Анаксагоръ, Сократъ и др.?! «Неправда—не просьвіта», скажемъ мы г. Драгоманову его же словами, брошенными когда-то одному изъ біографовъ Квитки-Основьяненка.

Языкъ проф. Драгоманова—ясный и простой. Есть руссицизмы.

А. Крымскій.

Georgian folk-tales, translated by Marjory Wardrop. Published by David Nutt in the Strand, London, 1894. Въ Англіи въ послѣднее время больше заинтересовались грузинской исторіей и литературой. Черезъ нѣсколько лѣтъ по появленіи въ англійскомъ переводѣ проповѣдей кутаисскаго епископа Гавріила, была напечатана обстоятельная книга Оливера Уордропа подъ заглавіемъ: „The Kingdom of Georgia: Notes of travel in a land of women, vine and song". Она заключаетъ въ себѣ историческій и литературные очерки съ хорошо подобранной библіографіей. Теперь сестра вышеупомянутаго Уордропа перевела и напечатала грузинскія народныя сказки, одобренныя еще въ рукописи извѣстнымъ антропологомъ Тэйлоромъ, какъ любопытные фольклористическіе образцы.

Въ предисловіи переводчица говоритъ, что Грузія, по своему географическому положенію между Востокомъ и Западомъ, служила долго передаточной инстанціей волновавшихъ въ старину умы человѣчества теченій. Религіозныя и политическія сношенія съ Византіей и постоянныя столкновенія съ Персіей и Турціей способствовали усвоенію Грузіей чертъ, принадлежавшихъ частью христіанству, частью же исламу, и здѣсь должны быть найдены отдѣльныя звенья въ длинной цѣпи историческихъ и литературныхъ изысканій.

Въ составъ перевода г-жи Уордропъ вошли: карталинско-кахетинскія сказки числомъ 16, мингрельскихъ—8 и гурійскихъ—14. Первыя заимствованы изъ книги г. Агніашвили (Тифлисъ, 1891, „Грузинскія народныя сказки"), вторыя изъ „Мингрельскихъ этюдовъ" проф. Цагарели, третьи изъ „Грузинскихъ народныхъ сказокъ", собранныхъ Бебуромъ Б. Переводъ близко стоитъ къ оригиналу и даетъ ясное представленіе о характерѣ грузинскихъ сказокъ. Трудъ посвященъ переводчицей Эд. Тэйлору. Первая страница книги открывается изображеніемъ грузинскаго герба, а текстъ сопровождается примѣчаніями, нужными для пониманія тѣхъ особенностей грузинской жизни, которыя отразились въ сказкахъ. Кое-гдѣ находимъ и указанія параллелей въ произведеніяхъ другихъ народовъ. Книга встрѣчена сочувственно въ англійской печати, и, между прочимъ, извѣстный славистъ, профессоръ оксфордскаго университета Морфилль далъ о ней лестный отзывъ въ журналѣ „The Academy" (1894, August, 4). Съ своей стороны, мы прибавимъ, что переводъ сдѣланъ весьма удачно и во многихъ мѣстахъ художественно воспроизведенъ грузинскій оригиналъ.

А. Хах-овъ.

А. А. Шахматовъ. Изслѣдованія въ области русской фонетики. Варшава 1893. Стран. 2+317. (Оттискъ изъ Русскаго Филологическаго Вѣстника, т. XXIX, XXX и XXXI). *).

Эта книга, заглавіе которой слишкомъ общее и не достаточно опредѣляетъ ея содержаніе, посвящена судьбѣ въ русскомъ языкѣ звуковъ е и о,

*) Отзывы о сочиненіи г. Шахматова уже были представлены Игн. Вик. Ягичемъ (Archiv für slavische Philologie. B. XVI, S. 284—286), Ал. Ив. Соболевскимъ (Ж. М. Н. Пр., 1894 г., апрѣль, стр. 421 — 434) и Бор. Мих. Ляпуновымъ (Зап. Харьк. Ун., 1894 г., кн. IV—128 страницъ).

а также звуковъ а и ѣ, насколько послѣдняя пара связана съ первою: главные вопросы, разсматриваемые авторомъ—это переходъ е въ о (ё), совпаденіе, въ извѣстныхъ предѣлахъ, звука ѣ съ е (отчасти обоихъ ихъ съ и), равно какъ измѣненіе звуковъ е и о безударныхъ—аканье и связанный съ нимъ переходъ е въ и, или въ а (я). Настоящее сочиненіе, какъ и прежніе труды автора, свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ основательно изучилъ исторію и діалектологію русскаго языка и стоитъ на высотѣ современной науки. Если же онъ самъ винится въ недостаточномъ знакомствѣ съ русскими говорами, то впадаетъ въ излишнюю скромность, и упрекъ этотъ, по справедливости, можетъ быть отнесенъ лишь къ самому состоянію русской діалектологіи, а не къ изученію ея нашимъ авторомъ. Въ настоящемъ трудѣ онъ и самъ представилъ нѣкоторыя дополненія къ діалектологіи, отчасти основанныя на личныхъ наблюденіяхъ въ Олонецкой губерніи, отчасти на отвѣтахъ по программѣ, разосланной имъ учителямъ и учительницамъ Ярославской губерніи. Въ большомъ количествѣ приводятся г. Шахматовымъ примѣры изъ старинной письменности, извлеченные имъ самимъ изъ рукописей: многочисленность примѣровъ, конечно, относительная, такъ какъ, вслѣдствіе несовершенства азбуки съ одной стороны и церковнославянскаго вліянія съ другой, русское произношеніе проявляется лишь въ отдѣльныхъ орѳографическихъ ошибкахъ. Изъ положеній автора весьма убѣдительно само по себѣ—хотя едва-ли можетъ быть доказано изъ рукописныхъ памятниковъ — утвержденіе, что звукъ е переходилъ въ о (ё) при посредствѣ ӧ, такъ что между теперешнимъ выговоромъ с'ола *) и древнѣйшимъ с'ела предполагается переходная ступень с'ӧла. Невѣроятнымъ однако мнѣ кажется существованіе звука ӧ въ общеславянскомъ (напр. жӧна), въ виду повсемѣстнаго сохраненія звука е у южныхъ славянъ и у чеховъ: особенно невѣроятны такія формы какъ шӧсть, гдѣ предполагается расширеніе передъ полумягкими, а не передъ твердыми согласными. Любопытно распредѣленіе на нѣсколько группъ памятниковъ, смѣшивающихъ ѣ съ е, при коемъ обнаруживается необходимость обращать больше вниманія на условія, при которыхъ происходитъ смѣшеніе: такъ иные памятники смѣшиваютъ ѣ съ е только передъ слѣдующими мягкими звуками, т. е. въ такихъ случаяхъ, гдѣ ѣ и е, надо думать, совпадали въ звукѣ узкаго е (е склоннаго къ і), тогда какъ въ другихъ случаяхъ они могли различаться. На особое положеніе, занимаемое словами съ буквою ѥ вмѣсто ѣ, напр., ѥхати—гдѣ можно думать о неточности въ передачѣ гласнаго элемента, изъ желанія выразить согласный элементъ j, — было указано Шахматовымъ еще въ „Изслѣдованіи о языкѣ новгородскихъ грамотъ". Вполнѣ убѣдительнымъ мнѣ кажется объясненіе древнепсковской замѣны а (ѧ) черезъ е (ѣ) внутри словъ и смѣшаннаго употребленія этихъ буквъ въ конечномъ открытомъ слогѣ, напр., провѣщелъ, възпиюше, сл҃нце и сл҃ница, слава моѥ, житиѥ своѩ и т. д. Шахматовъ здѣсь видитъ суженіе а въ е и совпаденіе зву-

---

*) Апострофомъ послѣ согласной мы означаемъ ея мягкость, по недостатку шрифта (у автора мягкія согласныя отмѣчены акутомъ надъ ними).

ковъ а и е въ одномъ среднемъ между ними звукѣ, причемъ то и другое было обусловлено сосѣдствомъ со звуками j, ж, ч, ш, щ, а также съ мягкими с, з и ц, каковые звуки могли отличаться преимущественною передъ другими мягкими согласными мягкостью (не даромъ псковское письмо смѣшивало не только ч и ц, какъ и сѣвернорусское, но также ж и з, ш и с, такъ что надо предполагать попарное совпаденіе этихъ звуковъ въ весьма мягкомъ ч и въ таковыхъ же ж и ш). Изъ діалектическихъ указаній Шахматова особенно любопытно указаніе на олонецкое (въ рядѣ говоровъ Петрозаводскаго, Повѣнецкаго и Пудожскаго уѣзда) и Ярославское (въ Покровоситской волости Моложскаго уѣзда) произношеніе ѣ передъ всѣми согласными какъ узкое е, такъ что сущ. вѣра содержатъ такое же е, какъ глаголъ вѣрить (нѣкоторое указаніе въ этомъ смыслѣ сдѣлано уже въ книгѣ о Новгородскихъ грамотахъ); любопытно также существованіе въ олонецкомъ говорѣ, въ южной и средней части Петрозаводскаго уѣзда, подъ удареніемъ, звука о, склоннаго къ у (франц. о въ beau, нѣм. о въ roth)—въ словахъ: кожа, народъ, сотскій и др. (Стран. 165 и 296).

Недостаткомъ разсужденія Шахматова, съ моей точки зрѣнія, является нѣкоторая страсть къ предположенію новыхъ звуковыхъ переходовъ: держусь того взгляда, что, такъ какъ человѣческая рѣчь является всегдашнимъ подражаніемъ рѣчи другихъ и хранимымъ въ собственной памяти образцамъ, то слова чаще всего измѣняются путемъ подражанія, путемъ примѣненія къ другимъ словамъ. Авторъ же нашъ иногда даже на единичныхъ случаяхъ основываетъ звуковые законы: такъ онъ въ русскомъ имперфектѣ *хотяхоу*, который легко объясняется примѣненіемъ къ *играхоу*, *любляхоу* и т. д., видитъ доказательство тому, что ѣ передъ а самъ переходилъ въ а: хотѣахоу дало-де хотѧахоу, а затѣмъ хотѧхоу (стран. 13); встрѣчающійся у окальщиковъ род. пад. прилагательныхъ на ова (дóброва, простóва, и т. п.), гдѣ естественно видѣть примѣненіе къ существительнымъ, побуждаетъ Шахматова говорить о *переходѣ* конечнаго безударнаго о въ а *). Безъ подражательныхъ измѣненій („аналогіи"), конечно, дѣло не обходится и у нашего автора, притомъ иногда подражаніе допускается имъ безъ всякой надобности, или бываетъ мало вѣроятнымъ: южнорусское чатыр*и* вмѣсто четыр*е* объясняется примѣненіемъ къ три (стр. 274), тогда какъ его можно считать древнею формою женскаго и средняго рода; въ словахъ моленный, обыкновенный, степенный и т. п., сказалось-де вліяніе словъ моленье, обыкновенье, степень (стран. 187), тогда какъ древнее окончаніе *ьныи*, конечно, дало первоначально *н'ный* съ первымъ н мягкимъ, который и могъ помѣшать переходу е въ о (ё), отчасти здѣсь могло быть и книжное вліяніе; конечное е въ малорусск. городúще, лицé, тýче! молодúце!—объясняется у Шахматова заимствованіемъ у словъ, какъ мóре, зазýле! (стр. 60), тогда какъ проще думать, что въ исходѣ вообще не происходило расширенія. (Въ добавокъ формы

---

*) Смущающія Шахматова формы евó, товó, ковó позволительно оправдывать тѣмъ, что ударяемый слогъ могъ быть устойчивѣе безударнаго.

городи́що, лицо́, ту́чо, если бы возникли, нашли бы себѣ опору въ словахъ твердаго окончанія). Въ одномъ мѣстѣ авторомъ допускается даже совсѣмъ странная „звуковая“ аналогія: ярославскій выговоръ егнёнокъ, запрегú, ставится въ зависимость отъ близости звуковъ о открытаго и а, причемъ „чередованіе, въ которое вступаетъ звукъ о, напр., сёло́ и въ селѢ́, мётла́ и метлѢ́—естественно переносилось на звукъ а“ (стран. 305—306).

Во внѣшнемъ отношеніи разсужденіе Шахматова страдаетъ немаловажнымъ недостаткомъ: оно изложено чрезвычайно тяжело. Уже самый порядокъ изложенія неудачный: было бы гораздо удобнѣе начинать съ явленій живой рѣчи, потомъ указывать соотвѣтствіе имъ въ старинномъ правописаніи и наконецъ уже построить выговоръ прарусскій и праславянскій; авторъ же избралъ обратный порядокъ. Впрочемъ и при такомъ порядкѣ можно бы было значительно облегчить чтеніе этой книги, начавши ее съ систематическаго, хотя бы и сжатаго изложенія легшихъ въ ея основаніе взглядовъ на праславянскій вокализмъ проф. Фил. Ѳед. Фортунатова. Взгляды эти, которыхъ авторъ видимо не желалъ предвосхищать въ печати, все равно у него излагаются, но только отрывочно и неполно. Казалось бы также желательнымъ, чтобы авторъ при своихъ объясненіяхъ исходилъ отъ извѣстныхъ читателю объясненій своихъ предшественниковъ, каковыя объясненія онъ, конечно, могъ бы подвергать самой строгой критикѣ,—усвоенное авторомъ полное воздержаніе отъ полемики можетъ быть истолковано не только въ смыслѣ миролюбія, но и въ смыслѣ пренебреженія. Тяжелость Шахматовскаго изложенія отчасти происходитъ отъ нѣкоторыхъ неловкостей въ терминологіи: у него являются, напр., говоры А, В и С, говоры α и β, коимъ онъ не умѣетъ, или не рѣшается дать названій *); еще онъ нерѣдко усложняетъ дѣло оговорками, которыя слѣдовало сдѣлать разъ навсегда во введеніи: такъ постоянно говорится объ е узкомъ глухомъ („е закрытое“—пишется é), какъ объ особомъ звукѣ, отличномъ отъ настоящаго узкаго е (eⁱ), а стоило оговориться въ началѣ книги, что въ извѣстныхъ слогахъ е узкое (какъ и е широкое, какъ и о, а также и а) становится глухимъ, неявственнымъ звукомъ, и можно бы было обойтись однимъ знакомъ и однимъ названіемъ. Вообще чтеніе разбираемой книги настолько затруднительно, что рекомендовать ее можно лишь завзятымъ грамматистамъ.

Романъ Брандтъ.

В. Ф. Демичъ. Очерки русской народной медицины. СПБ. 1894. Ц. 60 к. О предыдущихъ работахъ автора по настоящему же вопросу мы говорили на страницахъ „Этногр. Обозр.“. Настоящій трудъ, представляющій собою законченное цѣлое, служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ продолженіемъ „Очерковъ русской народной медицины“, каковы: а) „Акушерство у народа“,

*) Говоръ А могъ бы быть названъ узкоятевымъ (ѣ въ немъ всегда звучитъ, какъ е въ словѣ день), В—двоякоятевымъ (ѣ звучитъ то узко, напр., мѣритъ, то широко—мѣра), С—троякоятевымъ (ѣ даетъ е широкое, е узкое и еще я, напр. бядá); говоры α можно бы назвать ёкальскими (говорятъ сёло́), говоры β—екальскими (говорятъ село́).

b) „Гинекологія у русскаго народа“, c) „Педіатрія у русскаго народа“. Въ вышеуказанномъ трудѣ содержится описаніе лихорадочныхъ заболѣваній и ихъ лѣченіе у русскаго народа. Вопросъ этотъ во многихъ отношеніяхъ интересенъ и заслуживаетъ серьезнаго вниманія не только со стороны врачей, но и этнографовъ. Д-ръ Демичъ отнесся съ полнымъ вниманіемъ къ разсматриваемому имъ вопросу и представилъ массу интересныхъ свѣдѣній для каждаго интересующагося настоящимъ вопросомъ. Онъ съ возможною полнотою собралъ и сгруппировалъ относящіеся сюда литературные матеріалы, отмѣтилъ резонныя стороны народнаго самоврачеванія отъ преобладающей массы безтолковыхъ, грубыхъ, суевѣрныхъ способовъ лѣченія, съ указаніемъ на вредъ, приносимый этими послѣдними народу.

Кажется, ни при какой другой болѣзни нѣтъ столько средствъ у народа, сколько предлагается при лихорадкѣ, изъ коихъ одни поражаютъ своею оригинальностью, другія же отличаются безсмысліемъ. Кромѣ лѣченія всевозможными амулетами, привѣсками, отчитываніями и заклинаніями, авторъ говоритъ о врачеваніи лихорадокъ страхомъ, водою и разными механическими пріемами „до площадной ругани и сѣченія розгами включительно“. Кромѣ того, въ названномъ трудѣ мы встрѣчаемъ указанія относительно гигіеническихъ правилъ, ухода и діэтетики при заболѣваніи лихорадкою.

Въ первой главѣ говорится о тѣхъ названіяхъ лихорадки, которыя даны ей въ различныхъ мѣстностяхъ; во второй—народныя представленія о причинѣ и происхожденіи лихорадки (чаще всего представляютъ ее въ образѣ женщины); въ третьей—гигіена, діэтетика и уходъ за лихорадочными больными у народа. Переходя къ лѣченію лихорадки, авторъ раздѣляетъ эти средства на три группы: на суевѣрныя и симпатическія пособія отъ лихорадки (4-я глава), техническіе способы: лѣченіе лихорадки страхомъ и водою (5-я глава) и на эмпирическія средства: минеральныя, растительныя и другія (6-я глава). Перечислить всѣ указанныя способы лѣченія въ краткой замѣткѣ нѣтъ возможности, но должно замѣтить, что нѣкоторыя эмпирическія народныя противолихорадочныя средства испробованы и одобрены врачами (лавровыя листья, подсолнечникъ, квасцы, adonis vernalis и др.).

Въ заключеніе мы должны отмѣтить, что всякій, интересующійся народною медициною, найдетъ въ названной работѣ автора немало интереснаго. Желательно было-бы, чтобы на будущее время при собираніи этнографическихъ свѣдѣній обращалось вниманіе и на этотъ вопросъ.

Д. Никольскій.

Д-ръ К. Н. Бобрицкій: Матеріалы къ вопросу о физическомъ развитіи современнаго студенчества. 1893 г. ц. 50 к.

Для рѣшенія вопроса о физическомъ развитіи учителя въ университетѣ, авторомъ были произведены надъ 518 студенами VII семестра медицинскаго факультета въ Харьковѣ различныя измѣренія: ростъ, объемъ груди, измѣреніе головы, лицевой уголъ, длина полнаго размаха рукъ, мышечная сила, жизненная емкость легкихъ, вѣсъ, температура, пульсъ, ды-

ханія и остроты зрѣнія. Какъ видно, данныя очень полныя, и на основаніи ихъ получились очень интересные выводы, съ которыми мы и познакомимъ читателей. Краткая библіографія замѣтокъ не позволяетъ остановиться на деталяхъ названной работы. Небольшое число студентовъ-медиковъ VII семестра придется на возрастъ 23—25 лѣтъ; евреи представляютъ собою наибольшій элементъ среди студентовъ; по сословіямъ наибольшее число—мѣщане и дворяне. Средній ростъ равенъ 168,85 стм., средній вѣсъ равенъ 62,-92 килогрм. Периметръ груди въ среднемъ равняется 86,6 стм. Величина большаго размаха рукъ дастъ среднюю величину, равную 170,99 стм. Большинство студентовъ брахицефалы, лицевой уголъ Кампера заключается между 66 и 76°. Средняя величина жизненной емкости легкихъ равна 3825 куб. снтм. Близорукость является весьма распространеннымъ заболѣваніемъ среди студентовъ: она наблюдается почти въ половинѣ изслѣдованныхъ студентовъ (49,3°/₀.) Эммегропія же и гиперметропія составляютъ въ одинаковой степени, по 23—25°/₀ и лишь только 1,4°/₀ приходится на астигматизмъ.

Затѣмъ изъ анамнестическихъ данныхъ получились небезынтересныя слѣдующія свѣдѣнія: большинство студентовъ—66,4°/₀ курятъ и 58,3°/₀ употребляютъ спиртные напитки. Куреніе болѣе всего распространено среди малороссовъ, казаковъ и грековъ; спиртные же напитки, главнымъ образомъ, употребляются грузинами, армянами и казаками и затѣмъ, уже въ меньшемъ количествѣ—русскими и евреями. По сословіямъ куреніе табаку наичаще наблюдается среди купцовъ. По вопросу о занятіяхъ искусствами, которыя наиболѣе распространены между студентами, найдено, что чтеніе у нихъ является наиболѣе распространеннымъ занятіемъ, довольно часты наблюденія гимнастики, рѣже встрѣчается пѣніе и охота и, наконецъ, музыка изучается лишь только въ рѣдкихъ, немногихъ случаяхъ.

Вообще работа д-ра Бобрицкаго интересна во многихъ отношеніяхъ, и желательно было бы, чтобы въ другихъ университетахъ были произведены подобныя же наблюденія. *Д. Никольскій.*

Д-ръ И. И. Минкевичъ. Камни, какъ медицинское средство и какъ предметъ обожанія на Кавказѣ. «Прот. засѣданій Императ. Кавказк. Мед. Общ.». 1893 г. № 13 (1-го декб). Отд. отт.

Многія простонародныя медицинскія средства имѣютъ свой смыслъ и значеніе; но въ то-же время еще большая часть не имѣетъ никакого значенія и вся сила этихъ средствъ держится среди народа на незнаніи и суевѣріи. Къ числу послѣднихъ относятся и камни, культъ которыхъ развитъ особенно среди народовъ Средиземнаго моря: у арабовъ, финикіянъ, египтянъ сирійцевъ, ханаанцевъ, евреевъ. Авторъ въ вышеуказанной работѣ, обстоятельной и интересной съ медико-этнографической стороны, даетъ очеркъ того, какъ относится населеніе Кавказа къ камнямъ, какъ лѣчебнымъ средствамъ. Предпославъ историческія свѣдѣнія по этому поводу и высказавъ, что едва-ли найдется какой-либо народъ, у котораго не найдено было-бы въ различныхъ періодахъ его развитія, доказательства существованія культа камня, подъ какою бы то ни было

формою, авторъ описываетъ самые камни, ихъ составъ, форму и т. п., которые онъ находилъ у жителей Кавказа. Въ коллекціяхъ подобныхъ камней, находились известняки, мочевые камни человѣка, распиленные пополамъ (камни эти варятъ и даютъ пить страдающимъ каменною болѣзнью или труднымъ мочеиспусканіемъ), различныя окаменѣлости, головка змѣи, кусочки стекла, какая-то смола, янтари, нанизанныя на шнуркѣ, различныя печатки съ вырѣзанными изображеніями и т. п. Метеориты, падающіе камни, фульгуриты и др. камни, благодаря своему черному цвѣту, своей формѣ, сдѣлались даже священными, предметомъ обожанія,—они оказываютъ вліяніе на судьбу не только отдѣльныхъ личностей, но и на судьбу народовъ. Но между ними особенно цѣнились и цѣнятся тѣ, которые облегчаютъ страданія человѣка. Авторъ приводитъ примѣры, при какихъ страданіяхъ та или другая народность примѣняетъ эти камни. Нужно замѣтить, что чаще всего къ ихъ цѣлебной помощи прибѣгаютъ женщины; такъ бездѣтныя женщины, отправляясь на богомолье, гдѣ находятся такіе камни, ложатся на нихъ голымъ животомъ. Есть камни, которыми лѣчатъ отъ укушенія змѣй, лихорадку, тифъ, воспаленіе соединительной оболочки глазъ, особенно трахому, лѣчатъ мелкимъ порошкомъ изъ жемчуга, красныхъ коралловъ и т. п.

Затронутый авторомъ вопросъ, интересный самъ по себѣ, желательно было бы болѣе подробно выяснить, для чего необходимы подобныя наблюденія и свѣдѣнія изъ другихъ мѣстъ. *Д. Н-кій.*

Д-ръ Ростовцевъ. Замѣтки о врачебной помощи инородческому населенію въ Россіи. «Еженедѣльникъ» 1894, № 32.

Вопросъ о врачебной помощи инородцамъ и объ отношеніи ихъ къ врачамъ и т. п. у насъ какъ въ общей, такъ и спеціальной печати затронутъ очень мало. А между тѣмъ дѣло это должно обращать на себя вниманіе. Врачи, живущіе среди инородцевъ, могли бы дать по этому вопросу интересныя свѣдѣнія. Авторъ вышеуказанной замѣтки даетъ краткія свѣдѣнія о башкирскомъ населеніи Уфимской губ., гдѣ ему пришлось въ 92 и 93 г. дѣйствовать въ качествѣ эпидемическаго и земскаго врача, затѣмъ посвящаетъ нѣсколько строкъ организаціи медицинской помощи башкирскому населенію до учрежденія земства и потомъ уже даетъ краткія свѣдѣнія о заболѣваемости башкиръ Салиховскаго участка, въ которомъ 30,900 душъ об. пола, изъ нихъ: башкиръ 20,954 или 67,8%;—русскихъ—9,941 или 32,2%. Для сравненія о числѣ обращеній за медицинскою помощью русскихъ и башкиръ беретъ только два мѣсяца—май и іюнь 93 г. Конечно, на основаніи этого нельзя дѣлать выводовъ—причемъ оказывается, что въ маѣ башкиръ обращалось 39,2% изъ общаго числа обращеній, русскихъ—60,8; въ іюнѣ было—33,6% и русскихъ 66,3%. Вообще башкиры обращались въ 3—4 раза рѣже русскихъ. Причину этому явленію авторъ видитъ въ томъ, что медицинская помощь приспособлена только для русскаго населенія, для инородческихъ же она является какъ бы чужою: ни въ больницѣ, ни въ амбулаторіи башкиръ, вотякъ и т. д. не сумѣютъ объяснить своихъ жалобъ; врачебный персоналъ не

сумѣетъ ихъ выяснить, ни дать должнаго наставленія». Въ виду этого, по словамъ автора, *русская* медицина среди инородцевъ не можетъ пользоваться популярностью—съ чѣмъ мы не можемъ согласиться, какъ на основаніи личныхъ опытовъ, такъ и на основаніи наблюденій другихъ врачей, *долго* живущихъ среди инородческаго населенія.—А что нужно дѣлать для правильной организаціи медицинской помощи населенію—авторъ отвѣта не даетъ и говоритъ только, что инородческое населеніе не будетъ пользоваться русскою медициною до тѣхъ поръ, пока не обрусѣетъ. А что же было до этого времени? Вотъ вопросъ, на который нужно обратить вниманіе. *Д. Никольскій.*

В. Н. Сторожевъ. Тверское дворянство XVII в. Вып. 1—3. (Тверь 1891—1894. изд. Тверск. Уч. Архивной ком.). **Его-же: Воронежское дворянство по десятнямъ XVII в. Вып. I.** (изд. Ворон. Г. Стат. Ком. 1894). Указанныя работы г. Сторожева составляютъ, такъ сказать, отдѣльныя звенья въ цѣпи предпринятаго имъ изданія десятенъ. Какъ источникъ изученія исторіи русскаго дворянства, десятни имѣютъ большое значеніе; въ частности, такъ какъ за именемъ служилаго лица отмѣчается или составъ вооруженія, въ которомъ онъ долженъ явиться на службу, или количество его оклада помѣстнаго или денежнаго, то десятни даютъ возможность познакомиться и съ экономическимъ состояніемъ служилаго класса древней Руси; этой послѣдней стороной онѣ могутъ быть полезны и для русской исторической этнографіи. Другое значеніе десятенъ для этнографіи заключается въ томъ, что пользованіе ими даетъ возможность пополнить списокъ русскихъ некалендарныхъ именъ, равно какъ и прослѣдить постепенное вымираніе въ теченіе XVII в. обычая давать лицамъ, кромѣ христіанскаго имени, еще другого, некалендарнаго *). Если вообще источниками для знакомства съ вопросомъ о распространенности по времени и мѣсту указаннаго обычая могутъ служить и другіе документы, то десятни имѣютъ то преимущество, что онѣ, касаясь исключительно служилаго сословія, даютъ возможность прослѣдить этотъ обычай у высшихъ слоевъ тогдашняго общества; далѣе, такъ какъ каждая десятня обнимаетъ служилыхъ людей извѣстной мѣстности, то облегчается трудъ по точному опредѣленію района, гдѣ то или другое имя встрѣчается, что не всегда бываетъ возможно прослѣдить на основаніи другихъ видовъ списковъ служилыхъ людей.

Обычай давать некалендарныя имена и употреблять ихъ въ общежитіи вмѣсто христіанскихъ постепенно выходитъ изъ употребленія въ теченіе XVII в. Исчезновеніе этого обычая идетъ отъ высшихъ слоевъ къ низшимъ: такъ, напр., въ многочисленныхъ спискахъ служилыхъ людей, просмотрѣнныхъ нами въ Моск. Архивѣ Мин. Юстиціи, мы за XVII в. не встрѣтили ни одного некалендарнаго имени среди представителей русскихъ княжескихъ фамилій, въ то время, какъ подобныя имена еще сравнительно часто встрѣчаются среди другихъ представителей служилаго сословія.

*) См. объ этомъ замѣтки въ предыдущихъ кн. „Этн. Обозр."

Такъ, напр., въ одномъ изъ подобныхъ списковъ 1625 г., при 1160 именахъ, некалендарныя составляютъ $7^1/_2$ %; въ другомъ спискѣ (Арзамасск. у.) 1625 г., при 400 именахъ некалендарныя составляютъ 10,1%; въ спискѣ 1640 г., при 1750 именахъ служилыхъ лицъ Веневскаго у., некалендарныя составляютъ около $4^1/_2$ %. На вымираніе обычая давать некалендарныя имена указываетъ и сравненіе % отчествъ съ % личныхъ именъ: такъ напр., въ 1-мъ изъ указанныхъ нами списковъ % некалендарныхъ отчествъ равняется 13%; во 2-мъ — $20^1/_4$ %; въ 3-мъ — около 10%, т. е. изъ извѣстной группы служилыхъ людей въ старшемъ поколѣніи число лицъ съ некалендарными именами было вдвое больше, чѣмъ въ младшемъ. Уничтоженіе этого обычая едва-ли шло съ одинаковою интенсивностью въ разныхъ мѣстностяхъ, вслѣдствіе чего изученіе некалендарныхъ именъ по годамъ и мѣстностямъ на основаніи между прочимъ и десятенъ, дастъ возможность освѣтить исторію указаннаго вопроса, причемъ нельзя не признать, что опубликованіе имѣющихъ къ вопросу отношеніе документовъ, предпринятое систематически, какъ это сдѣлано В. Н. Сторожевымъ относительно десятенъ, въ значительной степени облегчитъ работу изслѣдователя. *Н. Х.*

П. Еруслановъ. **Очеркъ быта и преданій восточныхъ черемисъ.** Его-же: **Жертвоприношенія черемисъ Бирскаго у. (Уфимской губ.) по случаю неурожая.** (*Изв. Оренбургск. Отд. И. Р. Геогр. Общ., вып. 4. 18 стр. 8°. Оренб. 1894*). Въ то время, какъ о горныхъ и луговыхъ черемисахъ имѣется довольно обширная этнографическая литература, черемисы восточные, живущіе въ Уфимской и Пермской губ., почти совершенно не были предметомъ изученія. (Срв. „Э. О. XXII, 34“). Между тѣмъ уже тотъ фактъ, что современные восточные черемисы состоятъ изъ потомковъ той части черемисской народности, которая удалилась на востокъ подъ напоромъ русской колонизаціи, не желая подчиниться новымъ завоевателямъ, что они, сравнительно съ горными и луговыми, поздно пришли въ столкновеніе съ русскимъ элементомъ и до настоящаго времени мало подверглись его вліянію, заставляетъ предполагать, что именно въ ихъ средѣ должны были сохраниться въ бо́льшей степени слѣды старины въ обычаяхъ, обрядахъ, вѣрованіяхъ и пр. Статьи г. Ерусланова какъ нельзя лучше доказываютъ это: несмотря на ихъ небольшой объемъ, онѣ свидѣтельствуютъ, какой обильный матеріалъ можетъ найти изслѣдователь быта среди этой вѣтви черемисовъ. Сообщаемыя авторомъ интересныя свѣдѣнія о переселеніи черемисовъ, способахъ ихъ расселенія, современныхъ юридическихъ обычаяхъ и жертвоприношеніяхъ, въ которыхъ живо отражаются слѣды родового быта и культа предковъ, заставляютъ надѣяться, что дальнѣйшія изысканія въ этихъ областяхъ быта среди восточныхъ черемисовъ будутъ вознаграждены добычей цѣнныхъ научныхъ результатовъ. Насколько намъ извѣстно, г. Еруслановъ продолжаетъ свои изслѣдованія: намъ остается въ интересахъ науки этнографіи пожелать ему полнаго успѣха въ дальнѣйшей работѣ.

Н. Х.

Живая Старина. Періодическое изданіе Отдѣленія Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, подъ ред. *В. И. Ламанскаго.* Годъ 4. Выпускъ I. Спб. 1894.

Въ первомъ отдѣлѣ этого выпуска находимъ статьи: *В. Н. Перетца* «Деревня Будагоща и ея преданія»; *Н. Ѳ. Лѣскова* «Отчетъ о поѣздкѣ къ Олонецкимъ Кореламъ лѣтомъ 1893 года», и *Филиппа Зобнина* «Изъ года въ годъ» (Описаніе круговорота крестьянской жизни въ селѣ Усть-Ницынскомъ, Тюменскаго округа). Въ статьѣ г. Перетца собрано нѣсколько интересныхъ данныхъ относительно воззрѣній крестьянъ Тихвинскаго уѣзда, Новгородской губерніи, на лѣшаго, водяного (омутника), баннаго и рижнаго хозяина. Банный является существомъ большею частью добродушнымъ, рижный—трусливымъ и завистливымъ. Отсылая читателей для сравненія приводимыхъ данныхъ къ напечатаннымъ уже матеріаламъ, напр. къ Новгородскому Сборнику, авторъ, къ сожалѣнію, не отмѣчаетъ, въ какомъ отношеніи новы и оригинальны записанные имъ варіанты. Такое сопоставленіе было бы чрезвычайно важно для характеристики міровоззрѣнія крестьянъ изслѣдованной мѣстности и, сверхъ того, подвинуло бы впередъ разработку нашей демонологіи. Не лишены значенія, какъ этнографическій матеріалъ, и разсказы о мертвецахъ, распадающіеся на двѣ группы: одни о мертвецахъ добрыхъ, другіе—о злыхъ.

Животрепещущимъ интересомъ проникнута статья г. Лѣскова. Авторъ съ свойственнымъ ему мастерствомъ рисуетъ мрачную картину глубокаго невѣжества и крайней безпомощности Олонецкихъ кореляковъ. Онъ исходилъ и изъѣздилъ, главнымъ образомъ, Петрозаводскій и Олонецкій уѣзды. Пути сообщенія самые невозможные; почтовая дорога такова, что каждую минуту рискуешь свалиться въ котловину вмѣстѣ съ экипажемъ.

Въ городѣ Олонцѣ, за исключеніемъ базарнаго дня, остальные шесть дней царитъ мертвая тишина, нарушаемая развѣ лаемъ собакъ и крикомъ гусей, принадлежащихъ одному изъ «властей», которые, кстати сказать, и сами говорятъ по-корельски. «Проходящихъ на улицахъ такъ мало, что невольно приходитъ въ голову сказка о сонномъ царствѣ, гдѣ всѣ граждане мирно почивали». Не говорится ни слова ни о такъ называемой, общественной жизни, ни объ умственныхъ интересахъ города: всего этого нѣтъ, очевидно. Если такою жизнью живутъ въ уѣздномъ центрѣ, то можно себѣ представить глушь и мертвенность, царящую за его предѣлами. Свои слова авторъ иллюстрируетъ, на этотъ разъ, описаніемъ тѣхъ пріемовъ воспитанія дѣтей, которые практикуются тамъ донынѣ. Дѣти уже съ 3, 4 лѣтъ предоставляются самимъ себѣ; хлѣбъ ребенку дадутъ, коекакъ одѣнутъ, а тамъ—никакихъ мамокъ и нянекъ, его оставляютъ даже одного, уходя въ лѣсъ на работу. И корельское дитя «проказитъ въ лѣтніе дни вволю, «досыта», безпомощно тонетъ въ рѣкахъ и озерахъ, захлебывается въ колодцахъ и зажигаетъ нерѣдко цѣлыя селенія». При родахъ иногда употребляется, между прочимъ, слѣдующій варварскій способъ: родильницу привѣшиваютъ къ продольнымъ и поперечнымъ перекладинамъ отъ одной стѣны къ другой, съ силой нажимаютъ животъ и такимъ путемъ выдавливаютъ ребенка, почему-либо запоздавшаго появиться

на свѣтъ въ извѣстное время. Крещеніе совершается безъ всякой торжественности, даже отецъ и мать не присутствуютъ на обрядѣ по извѣстнымъ примѣтамъ; на шею ребенку привѣшивается мѣдный крестикъ съ множествомъ различныхъ амулетовъ: ртуть въ тряпочкѣ, цвѣтъ ржи, медвѣжій коготь, кусочекъ кожи съ вырѣзанной звѣздой — отъ дѣйствій «раһа», нечистаго, и др. Всевозможными примѣтами и суевѣріями обставлена вся жизнь ребенка вообще. Кормятъ дѣтей всѣмъ, что найдется въ домѣ подъ руками, коровьимъ молокомъ, ржаными разжеванными хлѣбомъ, кашей, рыбой, ягодами, печеной рѣпой, картофелемъ. «И болѣетъ корельское дитя чуть ли не всѣми дѣтскими болѣзнями, какія только существуютъ на свѣтѣ. Но всѣ болѣзни, какъ сглазъ, отъ котораго лѣчатъ въ жаркой банѣ повертываніемъ внизъ головой надъ банной матицей, или «съ вѣтру», отъ котораго кладутъ ребенка въ квашню, куда предварительно опущенъ горячій, только что испеченный хлѣбъ («пусть, молъ, онъ подышетъ теплымъ паромъ, такъ тогда болѣзнь какъ рукой сниметъ»), ничто въ сравненіи съ оспой, производящей положительную панику въ корельской деревнѣ. «Сознаніе безсилія и полнѣйшей безпомощности парализуетъ медлительнаго отъ природы корелика и пришибаетъ его, какъ тяжелымъ ударомъ молота. Что дѣлать?... Ѣхать за фельдшеромъ—далеко, да и поможетъ-ли онъ? Вѣдь это не простая болѣзнь, въ родѣ порѣза или раздробленія кости, а «Божья болячка» — «Нюмалонъ руби», которую и лѣчить даже грѣшно. И остается два единственныхъ средства—или отнести больного въ баню и парить тамъ до тѣхъ поръ, пока вся болѣзнь не выйдетъ крикомъ; или же—испечь пироговъ и съ поклонами, ставъ на колѣни около больного, упрашивать, чтобы дорогая гостья—оспа смилостивилась, кротко обошлась-бы съ больнымъ, не попортила-бы его глазъ, рукъ и ногъ и не сдѣлала-бы на вѣкъ калѣкой»...

Съ большимъ интересомъ, по справедливому замѣчанію редактора, читается и статья г. Зобнина. Село Усть-Ницы лежитъ при устьѣ р. Ницы, при впаденіи ея въ Туру, и находится въ 73 верстахъ отъ Тюмени; заселено государственными крестьянами; основано около 1645 г. Жители занимаются земледѣліемъ и, «находясь вдали отъ городовъ и бойкихъ мѣстъ, болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, сохранили первобытную крестьянскую простоту, какъ въ складѣ своего ума, такъ и во внѣшности». Форма изложенія художественная и вмѣстѣ простая, характеризующая складъ крестьянской рѣчи. Вотъ образецъ: «за христовской заутреньей въ первый разъ говорятъ и поютъ, «Христосъ воскресь». Ребята сказывали, что къ этому времени надо приготовить виннаго (пиковаго) туза и вмѣсто «воистину воскресь» сказать попу «винный тузъ есть» —тогда съ этимъ тузомъ можно сдѣлаться настоящей невидимкой и все доставать,—словомъ, такой тузъ вполнѣ замѣняетъ собою цвѣтъ купоротника (папоротника)». Статья заключаетъ слѣдующіе отдѣлы: 1) весенніе заботы и работы, 2) пахота и рыболовство, 3) Троицынъ день, 4) меженное время (іюньскія жары) и страда. Статья снабжена нѣсколькими рисунками.—За статьей г. Зобнина слѣдуютъ замѣтки преосвященнаго Палладія, доктора Бретшнейдера, архимандрита Руварца и редактора по вопросу «Русь и Асы въ Китаѣ, на

Балканскомъ полуостровѣ, въ Румыніи и въ Угорщинѣ» (въ XIII—XIV вв.).

Во второмъ отдѣлѣ интересны: 1) Новая «Повѣсть» объ Ильѣ Муромцѣ, 2) Очеркъ литовскихъ свадебныхъ орацій, *А. Погодина*. Въ отдѣлѣ третьемъ (критика и библіографія) находимъ: «Свѣдѣнія о литовскихъ рукописяхъ», *С. Балтрамайтиса*, и отзывъ *А. Погодина* о «Русскихъ былинахъ старой и новой записи».

Вообще этотъ выпускъ отличается содержательностью и разнообразіемъ свѣдѣній. Редакція понимаетъ свои задачи очень широко. Ея взглядъ выраженъ въ примѣчаніи по поводу статьи Н. Ѳ. Лѣскова. «Этнографія, этнологія, говорится тамъ,—не фольклоръ. Пусть онъ довольствуется часто совершенно празднымъ собираніемъ и нанизываніемъ разныхъ пережитковъ, отыскиваніемъ всѣхъ явныхъ и незримыхъ слѣдовъ матріархата, придумываніемъ разныхъ натяжекъ въ пользу трансформизма и болѣе или менѣе остроумно предполагаемыхъ эволюцій и законовъ соціологіи. Задача этнографіи и этнологіи состоитъ въ изученіи и опредѣленіи мѣста, характера и значенія каждой расы, каждаго племени, каждой народности во всемъ ихъ мѣстномъ разнообразіи, какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ. Въ этомъ отношеніи народовѣдѣніе (этнографія и этнологія) имѣетъ великое значеніе и въ смыслѣ просвѣтительномъ, христіанско-человѣческомъ, и въ смыслѣ государственномъ».

Соглашаясь вполнѣ съ высказаннымъ въ послѣднихъ словахъ взглядомъ на народовѣдѣніе (этнографію и этнологію), мы однако позволимъ себѣ поставить нѣсколько вопросовъ, невольно возбуждающихся въ читателѣ при чтеніи выписанныхъ строкъ. А именно: 1) Если этнографія—не фольклоръ, то фольклоръ, стало-быть, не этнографія, или вѣрнѣе не часть ея, ибо кто же подъ словомъ фольклоръ понимаетъ этнографію въ ея цѣломъ? 2) Если онъ не долженъ довольствоваться *часто* совершенно празднымъ (а иногда, слѣдовательно, не-празднымъ) собираніемъ и даже нанизываніемъ культурныхъ переживаній, то что же ему *еще* дѣлать, и что ему дѣлать вообще? 3) Если отыскиваніе всѣхъ явныхъ (есть, стало быть, и такіе) и незримыхъ слѣдовъ матріархата и разнаго рода эволюціонныя и соціологическія предположенія предосудительны въ области этнографіи, то не отрицается-ли этимъ возможность и желательность появленія гипотезъ на культурно-исторической подкладкѣ? Наконецъ, 5) если гипотезы и фольклористическій матеріалъ будутъ признаны безполезными, то на основаніи чего и какимъ образомъ подходить къ изученію и опредѣленію «мѣста, характера и значенія каждой расы, каждаго племени, каждой народности» — *въ прошломъ*? Про *настоящее* мы не говоримъ: можно догадываться, что авторъ видитъ наилучшее средство къ изученію *современнаго* положенія этнографическаго матеріала въ серьезныхъ бытовыхъ очеркахъ, основанныхъ на дѣйствительномъ изученіи народа во всѣхъ отношеніяхъ, очерковъ вродѣ указанныхъ выше. Нѣтъ, сомнѣнія, что появись журналъ съ опредѣленной въ этомъ направленіи программой и правильной организаціей, ему предстояла бы симпатичная и плодотворная, будущность—будить, наряду съ широкой этнографической дѣятельностью далекую отъ какой бы то ни было партійности и шовинизма здоровую

общественную мысль. Писателю не пришлось бы гоняться тогда за читателемъ, такъ какъ, несомнѣнно, лучшія силы сгруппировались-бы вокругъ журнала, образовавъ въ то же время идейное направленіе въ этнографической литературѣ. А пока—желательно бы получить разъясненіе по поводу возникшихъ принципіальныхъ вопросовъ, безъ котораго немножко непонятно отчасти враждебное, отчасти высокомѣрное отношеніе редакціи къ ни въ чемъ неповинному фольклору. Ужели же ему такъ-таки ни за что и пропадать? *Евг. Л—кій.*

Кубанскій Сборникъ. Труды Кубанскаго Областнаго Статистическаго Комитета, изд. подъ ред. *Е. Д. Фелицына*, т. II, 1891; т. III подъ ред. *В. А. Щербины*, 1894. Екатеринодаръ.

Во II томъ „Кубанскаго Сборника" вошли статьи *П. П. Короленко*,—Атаманы бывшаго Черноморскаго (нынѣ Кубанскаго) казачьяго войска, *М. О. Поночевнаго*—Географическій очеркъ Босфорскаго царства, *Ф. А. Щербины*—Земельная община Кубанскихъ казаковъ, *Ф. Ф. Ланда*—Климатическія наблюденія въ г. Темрюкѣ, *Ф. А. Щербины*—Хозяйственно-экономическій бытъ казачьихъ поселеній по бассейнамъ рѣкъ: Пшехи, Пшиша и Псекупса къ Закубанскомъ уѣздѣ Кубанской области, *Ф. А. Щербины*—Табаководство въ Темрюкскомъ и Закубанскомъ уѣздахъ Кубанской области, *Е. Д. Фелицына*—Западно-Кавказскіе горцы и ногайцы въ XVII ст. по Пейсонелю. Матерьялы для исторіи Западно-Кавказскихъ горцевъ. Въ первой статьѣ сообщаются біографическія свѣдѣнія всѣхъ атамановъ Черноморскаго войска: Бѣлаго, Чепѣги, Головатаго, Котляревскаго, Бурсака, Матвѣева, Безкровнаго, Завадовскаго. Авторъ при этомъ пользовался прежнимъ запасомъ матеріаловъ, собранныхъ имъ при составленіи историческихъ статей „Черноморцы за Бугомъ и Черноморцы на Кубани". Г. Поночевный знакомитъ съ древнѣйшей исторіей Кубани, т. е. періода догреческаго, греческихъ колоній и Воспорскаго царства по классическимъ писателямъ. Г. Фелицынъ излагаетъ „Traité sur le commerce de la mer Noir", изд. въ Парижѣ въ 1787 г.

Въ III т. напечатаны: Майкопскій подъѣздный путь, *Ф. А. Щербины*; Къ вопросу объ изученіи растительности Кубанской области и замѣтки о собираніи и сохраненіи растеній, *Ф. И. Полторацкаго*; Матеріалы для исторіи Сѣвернаго Кавказа, *Е. Д. Фелицына*; Краткія историческія свѣдѣнія о Кавказскомъ конномъ полкѣ Кубанскаго казачьяго войска, *Н. Т. Могилевцева*; Переселеніе на Кубань казаковъ бывшаго Екатеринославскаго войска и образованіе изъ нихъ Кавказскаго коннаго полка Кубанскаго казачьяго войска, *Е. Д. Фелицына*; Программа для этнографическаго изслѣдованія народной жизни въ связи съ голодомъ и холерой, *М. А. Дикарева*, и Ейскій отдѣлъ В. *А. Щербины*.

А. Хах-въ.

Сборникъ свѣдѣній по Ярославской сельско-хозяйственной и промышленной выставкѣ 1893 г. Изд. Яросл. Общ. сельскаго хозяйства. Ярославль. 1894. 8°, V + VIII + 424 стр., съ 3 фототип. Ц. 1 р. 50 к.

Ярославское Общество сельск.-хоз. очень кстати отпраздновало свой 50-лѣтній юбилей въ 1893 г. устройствомъ выставки, которая дала полное и наглядное представленіе о состояніи народнаго хозяйства и промышленности въ Яросл. губ. Оставляя въ сторонѣ промышленность фабричную и заводскую, этнографъ могъ заинтересоваться на этой выставкѣ, во-первыхъ отдѣлами сельско-хозяйственными, а во-вторыхъ отдѣломъ мѣстной кустарной промышленности. Отчеты объ этой выставкѣ помѣщались въ свое время въ мѣстныхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, Земледѣльческой Газетѣ и др. Въ срединѣ прошлаго года вышло означенное изданіе, которое даетъ не простой отчетъ по выставкѣ, а является сборникомъ литературно-экономическаго содержанія, недурно составленнымъ (если не считать стилистической стороны, отзывающейся устарѣлыми формами оффиціальныхъ бумагъ), благодаря стараніямъ Л. А. Кириллова при участіи нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Составители, воспользовавшись всѣми имѣвшимися въ ихъ распоряженіи свѣдѣніями объ отдѣльныхъ экспонатахъ и экспонентахъ, о постановкѣ ихъ хозяйствъ, промышленныхъ заведеній и пр., постарались кромѣ того дать новѣйшія общія свѣдѣнія о состояніи сельскаго хозяйства, кустарныхъ промысловъ, ремеслъ и прочей промышленности губерніи. Эти общія статейки обыкновенно предпосылаются описаніямъ соотвѣтственнаго отдѣла, при чемъ сообщаются новѣйшія статистическія данныя. Ярославская губернія давно извѣстна своею промышленностью, и эта наклонность въ ярославцахъ къ разнаго рода промысламъ не только не оскудѣваетъ, но напротивъ растетъ, и теперь оказывается, что „число ярославскихъ промышленниковъ умножилось сверхъ потребности". Но, „посвящая себя промысламъ, крестьяне ярославскіе не совершенно покидаютъ сельское хозяйство, хотя оно мало приноситъ имъ денежной прибыли, даетъ скудные урожаи хлѣбные и не всякій годъ снабжаетъ хлѣбомъ въ достаточномъ для продовольствія семействъ ихъ количествѣ". Напротивъ, „уменьшеніе выгоды отъ промысловъ принудило здѣшнихъ промышленныхъ крестьянъ пробовать обратиться къ сохѣ, примѣровъ тому много". „Но,—говоритъ далѣе составитель,—скудность дохода, получаемаго отъ трехпольнаго хозяйства на нашихъ тощихъ земляхъ, при недостаткѣ въ лугахъ; невозможность переходить отъ 3-польнаго къ другимъ, болѣе выгоднымъ, сѣвооборотамъ, коихъ и образцовъ предъ собою мало имѣютъ; недостатокъ въ земледѣльческомъ образованіи; наконецъ, самая тягость земледѣльч. трудовъ, отъ коихъ отвыкли,—все это отнимаетъ у нихъ охоту обратиться отъ мало приносящихъ прибыли промысловъ къ земледѣлію, еще менѣе прибыльному теперь, и вмѣстѣ съ тѣмъ приводитъ многихъ крестьянъ ярославскихъ въ затруднительное и недостаточное состояніе, которое, если не ошибаюсь, долженствуетъ для нихъ съ каждымъ годомъ увеличиваться". Средства помочь этому указываются, съ одной стороны—улучшеніе сельскаго хозяйства, съ другой—улучшеніе и усиленіе домашнихъ промысловъ и ремеслъ, что, казалось бы тѣмъ легче достижимо, что ярославскіе крестьяне, по замѣчанію составителя, болѣе другихъ образованы и менѣе другихъ имѣютъ предубѣжденій противъ нововведеній (стр. 31—32). Въ книгѣ помѣщнеры также: 1) указа-

тель литературы по хозяйству Ярославской губ., 2) указатель новѣйшей русской научной сельско-хозяйственной литературы. Все это дѣлаетъ названный сборникъ общеинтереснымъ. Въ качествѣ отдѣльной подробности укажемъ еще на свѣдѣнія о русскомъ отдѣлѣ на Чикагской выставкѣ (изъ америк. газеты „The mercantile and financial Times“). Успѣхъ русскихъ женскихъ рукодѣлій (въ томъ числѣ коллекція г-жи Шабельской изъ Москвы), за которыя присуждено 98 медалей и дипломовъ, подалъ мысль объ образованіи въ Нью-Іоркѣ постояннаго музея и склада русскихъ рукодѣлій, который и былъ открытъ княжною Шаховскою и состоитъ въ завѣдываніи г-жи Погосской (New-York City. 130. East, Twenty-third street). Со стороны американской публики расширяется спросъ на русскія кустарныя работы, и она начинаетъ пользоваться ими для украшенія своей домашней обстановки (стр. 256). *Н. Я.*

---

2. Обзоръ журналовъ и газетъ.

Anthropologie. 1894 г. № 1. *G. Capus.* Les migrations ethniques en Asie Centrale au point de vue géographique. Авторъ дѣлаетъ попытку объяснить изъ условій рельефа центральной Азіи, равно какъ и изъ условій почвенныхъ, распредѣленіе различныхъ племенъ и намѣчаетъ вѣроятные, по его мнѣнію, пути, которыми въ древности должны были прійти въ центр. Азію арійскія и тюрко-монгольскія народности. № 2. *Delafosse.* Les Hamites de l'Afrique orientale, d'aprés les travaux les plus récents. Небольшая статья, объединяющая новѣйшія свѣдѣнія о народахъ Данакиль, Сомали и Галла. Въ концѣ статьи приведена библіографія важнѣйшихъ сочиненій по восточной Африкѣ. № 3 *R. Collignon*: La race basque. Въ этой статьѣ авторъ излагаетъ вкратцѣ выводы, добытые имъ путемъ антропометрическихъ наблюденій надъ басками Франціи и Испаніи. Типы басковъ въ обѣихъ странахъ представляютъ рѣзкія отличія (во Франціи они, напр., брахицефаличны, въ Испаніи долихоцефаличны). Наиболѣе чистый типъ—во Франціи, гдѣ они не подвергались смѣшенію, какъ въ Испаніи. Баски поселились въ предѣлахъ Франціи, по мнѣнію автора, лишь въ концѣ VI-го в. по Р. X., и пришли съ юга, откуда они были вытѣснены новыми завоевателями Испаніи. На сѣверъ они не переходили современныхъ границъ ихъ распространенія. Коллиньонъ считаетъ басковъ вѣтвью берберскихъ племенъ: ихъ первоотчизну можно искать на сѣверѣ Африки или въ юж. Европѣ, но отнюдь не въ Азіи. № 4. *A. Jully:* Funérailles, tombeaux et honneurs rendus aux morts à Madagascar. Подробное описаніе устройства гробницъ у разныхъ народностей на Мадагаскарѣ (приложены рисунки). № 5. *M. Delafosse:* Note sur une figure du Dahomé représentant une femme enceinte. Описаніе и рисунокъ найденнаго въ Дагомеѣ талисмана, употребительнаго для облегченія родовъ; общія замѣчанія о распространенности въ Дагомеѣ разныхъ талисмановъ, изготовляемыхъ магометанами. № 6. *Dr. Desson*: Rites funéraires en usage chez les Betsiléos. Подробныя свѣдѣнія о погребальныхъ обрядахъ и устройствѣ могилъ у этой народности Мадагаскара (рисунки). Служитъ дополненіемъ къ статьѣ г. Жюлли.

Baltische Monatsschrift. 1895. H. 1. *Fr. Hunnius:* Ueber Hexenprocesse.—**H. 2.**—Ein finnisches Volkslied auf die Eroberung Riga's (im Jahre 1621) mitg. von *Fried. v. Keussler.*—

Бесѣда (изд. въ Варшавѣ). **1894. 10.** Около 50 пословицъ—**19.** Галицкая и Угорская Русь (съ рисунками типовъ).

Владимірскія Г. В. 1894. 25. *Н. Добрынкинъ*, Археологич. экскурсія въ Муром. у. (Осмотръ гр. П. С. Уваровой древнихъ храмовъ въ с. Борисоглѣбскомъ).—**26.** *Н. Добрынкинъ*, Ископаемыя находки въ Муром. и Меленковск. у. (Замѣтка и перечисленіе нѣкот. находокъ).—**27.** Народн. праздникъ Ивана-Купала (Замѣтка изъ «Прав. В.»).—**29.** Промыслы город. и сельск. населенія Владим. г.—**30, 31.** *Свящ. П. Ильинскій*, Богословская церковь въ г. Переяславлѣ-Залѣсскомъ. (Матеріалъ для ист. и археологіи Владим. г.).—**30.** Ильинская пятница (въ народномъ почитаніи, изъ «Прав. В.»).—**34.** *Свящ. П. Ильинскій*, Ильинская церковь въ г. Переяславлѣ-Залѣсскомъ (матер. для ист. и археол. Влад. г.).—**35.** *Н. Добрынкинъ*, Село Дѣдово, Муром. у., (мат. для ист. и арх. Влад. г.). Метеорологія чувашъ (чувашскія примѣры собраны въ приложеніи къ сельско-хоз. обзору Казанск. губ., изд. мѣстнымъ Губ. Стат. Ком—омъ.—**36, 37, 38.** Пятница въ народн. почитаніи (изъ «Прав. В.»). - **39.** *Свящ. П. Ильинскій*, Дикій камень на берегу Клещина озера у г. Переяславля-Залѣсскаго (его ист. значеніе, какъ предмета поклоненія древнихъ язычниковъ—аборигеновъ Мерянъ).

Волынскія Еп. Вѣд. 1894.—13. Радоница.—**16.** Прощи, или «подзѣньковaнья».—**25.** Социніанское движеніе на Волыни въ XVI—XVII в.— Историко-статистич. описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи (прод. въ № 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33).—**30.** Описаніе памятниковъ древности, вновь поступившихъ въ Волынское древлехранилище (тоже въ № 31, 32, 33).

Вѣстникъ Европы 1894. Декабрь. *Черевковъ В.*, Изъ новѣйшей исторіи Японіи 1854—1894. (Оконч.).—*Птицынъ* В., Памиръ. Русская община на границахъ Монголіи.—Рец. на кн. *Г. Н. Сазонова*: Ростовщичество и кулачество. Наблюденія и изслѣдованія. Спб., 1894.

Вятскія Г. В. 1894. 77.—Прошлое племени башкиръ (Заимств. изъ Прав. Вѣстн. № 187 ст. «Древніе обитатели Уфимской губерніи»).—**85.** *Св. Елабужскій.*, Къ демонологіи некрещеныхъ вотяковъ Елабужскаго уѣзда.—**86.** О вятскихъ кустарныхъ промыслахъ (выдѣлка гармоникъ, гипсовый промыселъ, ткачество, мебельное производство и др.).

Галичанинъ. 1894. 273. *Л. Малиновскій* нашелъ пергаментные отрывки церковно-славянскаго евангелія-апракосъ, писаннаго въ 1438 г. въ Перемышлѣ. Краковская Академія наукъ вскорѣ напечатаетъ новооткрытые отрывки. **277.** Замѣтка о новомъ изданіи грамотъ и актовъ Львовскаго Ставропигійскаго братства: Monumenta confraternitatis stauropigianae, edid. *Melkowicz.* **1895. 4—10.** Праздникъ Богоявленія въ Палестинѣ на Іорданѣ. **7.** Замѣтка о выходѣ I кн. малорусскаго этнографическаго журнала: «Житье і Слово». **51.** Рецензія на изслѣдованіе *Ив. Фран-*

ка: «Z dziejów synodu brzeskiego» (изъ «Kwartalnika Historycznego»).

Gazeta Radomska. 1895. 1. *Ksawery.* Krakowiaki (пѣсни) z okolic Klimontowa.—*Szczęsny Jastrzębowski.* «Ucieczka» Mickiewicza, «Lenora» Bürgera w ustach ludu powiatu Opatowskiego (по поводу статейки въ «Wisle» 1890 г., съ перепечаткой сказки).

Гродненскія Губ. Вѣд. 1894. 93. «Игрище»—описаніе рождественскихъ вечеринокъ въ Бѣлоруссіи (изъ «Минск. Листка»).

Иверія. 1895. 17. Мать (легенда). *Григ. Абашидзе*—**33.** Нѣсколько словъ о «Русуданіани» (Сборн. груз. сказокъ XIII в.). *А. Хаханашвили.*

Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отд. И. Р. Геогр. Общ. XXV. № 2—3 (Иркутскъ. 1894). *А. Еленевъ*, Сообщеніе о Бирюсинскихъ пещерахъ за 8881 г. Изслѣдованіе, начатое г. Еленевымъ въ 1886 г. и повторенное въ 1888 г., пещеръ, лежащихъ при устьѣ р. Бирюсы (притоки Енисея съ лѣв. стороны) въ 50 вер. отъ Красноярска, приводитъ автора къ убѣжденію, что пещеры были обитаемы въ недавнее время. Слѣдовъ доисторическаго человѣка въ нихъ открыть не удалось.—*И. И. Поповъ*, Открытія на Орхонѣ и дешифрированіе древнихъ надписей.—Свѣдѣнія объ экспедиціи *Д. А. Клеменца* по Монголіи въ 1894 г. Путешественникъ осмотрѣлъ Хангай, часть Гобійскаго Алтая, и на обратномъ пути съ Алтая прошелъ черезъ ставку Саинъ-Нойона и Эрдени-Цзу и вышелъ на Улясутайско-Ургинскій большой трактъ. Кромѣ географическихъ результаотвъ экспедиція отмѣтила нѣсколько интересныхъ въ археологическомъ отношеніи пунктовъ.—*Свящ. Іаковъ Чистохинъ*, Матеріалы по народ. творчеству монголовъ. Матеріалы записаны въ части Монголіи, прилегающей къ Иркутской губ. Напечатаны: 1) Сказка о сынѣ Мигрэ-Богдо-хана Оюнъ-Тунгулукъ-Ая-Тайжи и дочери богатаго Гомбо-Доноя; 2) Хвалебная пѣснь въ честь первой прибѣжавшей лошади на хуралѣ (религ. пиршествѣ); 3) пѣсня Дошкинъ-Ноинъ-Хатухты Бадагаръ-Шаилы и 4) благожеланіе монголовъ при выпивкѣ тарасуна.

Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общества за 1894 г. вып. I. *Г. И. Танфильевъ.* По тундрамъ тиманскихъ самоѣдовъ (стр. 1—41). Географическій очеркъ, перекочевки самоѣдовъ, упадокъ оленеводства, пища, одежда, чума, обряды, понятіе о собственности, преступленіи, экономическій бытъ.—«Вѣсти изъ экспедицій» В. И. Роборовсаго и В. А. Обручева.—**Вып. II.** *А. Поздняевъ*, Поѣздка по Монголіи въ 1892—93 гг. (Между пр., о численности монголовъ, торговлѣ русскихъ, эконом. состояніи). Вѣсти изъ экспед. *Роборовскаго, Гедина и Березовскаго*—Въ отчетахъ о засѣданіяхъ Отд. Этнографіи слѣд. сообщенія: *Э. Вольтеръ*, О значеніи литовскаго яз. для русск. археологіи и палеоэтнологіи.—*А. Л. Погодинъ*, О племени Корси.—*А. Селивановъ*, О поѣздкѣ въ Сванетію.—*С. Рыбаковъ*, О поѣздкѣ въ Уфимскую и Оренбурскую губ. (татары, башкиры, тептяри).—**Вып. III.** *Ѳ. М. Истоминъ и С. М. Ляпуновъ*, Отчетъ объ экспедиціяхъ для собиранія русск. нар. пѣсенъ съ напѣвами въ 1893 г.—Въ отчетахъ о засѣд. въ Отд. Этногр.: *Ѳ. М. Истоминъ.*

О соврем. положеніи пѣсеннаго дѣла въ сѣв. губ. Россія (Вологодской, Вятской и Костромской).—*С. Г. Рыбаковъ*, О пѣсняхъ уральскихъ инородцевъ.—*В. Н. Перетцъ*, Объ изученіи нар. лирической пѣсни—*В. И. Ламанскій*, О русскихъ полонянникахъ у турокъ въ XVI и XVII вв.—*А. Ѳ. Селивановъ*, О поѣздкѣ въ Нальчикскій округъ Терской области.—**Вып. VI.** Вѣсти объ экспедиціяхъ *Роборовскаго, Обручева и Гедина*.—**Вып. V.** *А.* В. *Елисѣевъ*, Махдизмъ и современное положеніе дѣлъ въ Суданѣ.—Въ отчетахъ о засѣд. Этн. Отд.: *М. А. Брещинскій*, О полосѣ зажиточности въ Алтаѣ.—*А. В. Елисѣевъ*, О доисторич. могилѣ Ливійской пустыни.—*Кн. П. А. Путятинъ*, О трудахъ Чиро Трухелки по археологіи Босніи.

Искра. Всѣкимѣсечно научно-литературно и общественно списание. (Год. V. Шуменъ). Томъ I: **Кн. 5—6.** *Дмитрій Анучинъ*. Търново и Шипка въ юлѣ и августѣ 1877 г. (прод.).—*С—въ Е.*, Рахманъ Балавца. (Поэма изъ жизни албанцевъ и болгаръ въ Македоніи).—*Николчевъ Г.*, Къ исторіи болгарскаго царства на Волгѣ. (Извлеченіе изъ изслѣдованія В. *Корнієвскаго*: Инородцы средняго поволжья,—помѣщ. въ журн. «Новь», 1891 г.)—*Ф—въ*, *П.*, Рѣка Мѣста въ своемъ верхнемъ теченіи (II глава: Историко-этнографическія и общественно-экономическія замѣтки) (неок.). — Томъ II: **Кн. 7.** *Дмитрій Анучинъ*, Търново и Шипка (прод.).—*Ф—въ*, *П.*, Рѣка Мѣста въ своемъ верхнемъ теченіи (прод.): историч. и этнографич. замѣтки, жилища и постройки, одежда.—Народн. пѣсня: Пожаръ въ Кот(е)лѣ, — записано отъ г. Б. Р. коорый ее слушалъ отъ витаянки А. Х. П. въ с. Тичѣ. Въ ней описывается пожаръ, опустошившій г. Котелъ этимъ лѣтомъ. Пѣсня интересна со стороны фонетики и какъ примѣръ современнаго народнаго творчества.—**Кн. 8.** *Дмитрій Анучинъ*, Търново и Шипка (прод.).—*Ф—въ*, *П.*, Рѣка Мѣста въ своемъ верхнемъ теченіи (прод.): говоръ (сходство съ разложскимъ членъ при собств. именахъ, исчезновеніе *л* въ срединѣ нѣкоторыхъ словъ, непроизношеніе звука *х*, глаг. 3 л. мн. ч. съ гласнымъ окончаніемъ: *бера*, *идаа*, *караа* и т. д., *л* и *н* въ исходѣ словъ произносятся «легко», въ «Бабяченахъ» (около Якоруда) съ особенной акцентовкой произносится дифтонгъ *іе*: тіебе, міене, ніегу, зіелъ, ріекѫ и т. д., *а* выговаривается вмѣстѣ съ Ж впереди него: МуЖата, воудЖата, дЖскЖа, гурЖата и т. д.; говоръ бабяченцевъ по своей гибкости приближается къ русскому; слова произносятся отчетливо); пѣсни (болгарскія, съ болгарскими героями, встрѣчаются черты греко-латинскія; якорудцы знаютъ турецкій языкъ); характеръ и общественный бытъ (неок.).

Кавказъ, 1984. 318. Библ.: Die Sprachen des Kaukasischen Stammes von *R. von Eckert*. Wien.—1895. *Н. З.*—**322, 324.** Въ области р. Чороха. (Путевыя замѣтки). *Заѣзжій*.—**331.** Библ. Записки и Извѣстія кавказ. отд. И. Р. Г. О. (кн. XVI и X № 1),—**338.** Кавказ. буйволъ. *А. Натроевъ*—**341.** Х конгрессъ оріенталистовъ въ Женевѣ. *А. Х—въ*.

Карсъ 1894, 43. † И. С. Шахтахтинскій. (Сотрудникъ «Каспія»,

«Карса», «Нов. Обозр.» и др. по части описанія быта кавк. мусульманъ).

Квали (еженедѣльн. груз. журналъ). **1894, 51, 52.** Замѣтки туриста по Рачѣ.—**1894, 1.** Елка (истор. эскизъ).—**5.** Легенда о монастырѣ Лашкиндари.

Ковенскія Губ. Вѣд. 1894. 79, (прибавл.). Легенды относительно происхожденія табаку (восточныя, безъ указанія источника). **84,** (приб.). Свадебные обряды арабовъ (безъ указ. источн.).

Кубанскія Областн. Вѣд. 79—84. Объ устройствѣ земскихъ повинностей въ Кубанской области (съ введеніемъ госуд. поземельн. налога). **88.** О станичныхъ архивахъ. — **98.** Историческія замѣтки по Кубан. области.

Листокъ (изд. въ Унгварѣ). **21.** Очеркъ угро-русской письменности Иванъ Мондокъ.

Минскій Листокъ. 1894.—17. Исторія масляницы. (Изъ «О. Л.»).—**20.** Народное образованіе въ Минской губ.—**23.** Замѣтка объ открытіи въ Витебскѣ культурно-историческаго и естественно-научнаго музея. - **25.** О народныхъ чтеніяхъ въ Ковнѣ.—**31.** Замѣтка объ изданіи «Галицко-Русскаго Вѣстника».—**36.** Бывшее Пинское княжество. Историческая справка (изъ «Прав. Вѣст.»).—**40, 41, 42.** Попытка учрежденія еврейскихъ земледѣльческихъ колоній въ Юго-Зап. и Сѣв.-Запад. краяхъ.—**51.** *С. Г.*, Нашъ край. Замѣтка о работахъ *А. Субботина* по изслѣдованію западно-двинской и днѣпровской системъ.—**61.** Корреспонд. изъ Борисовскаго у. о деревенскихъ адвокатахъ.—**74.** *Сѣверо-западный бардъ*, Суроцы (сглазъ). Бытовой очеркъ.—**76** *А. Богдановичъ*, Пережитки въ міросозерцаніи бѣлоруссовъ.—**77.** *К. З.*, Прошлое Вильны (по даннымъ XX т. актовъ виленской археограф. ком.).—**80.** *М. Довнаръ-Запольскаго.* Солнышко и мѣсяцъ въ бѣлорусской свадебной поэзіи.—**81**. Нашъ край. Замѣтка объ отношеніи населенія къ этнографамъ-записывателямъ.—**84** *М. Ш—о*, Игрище. Бытовой очеркъ.—**85.** Замѣтка о 35-ти лѣтнемъ юбилеѣ *П. В. Шейна.*—**86.** Бѣлорусская библіографія за октябрь мѣсяцъ. Указаны: 1) отдѣльныя изданія: *Е. Ѳ. Карскій.* О языкѣ, такъ называемыхъ, литовскихъ лѣтописей.—*С. Писаревъ.* Смоленскъ и его исторія.—Княжеская мѣстность и храмъ князей въ Смоленскѣ. 2) газетныя статьи (кромѣ указаныхъ): «Витебскія Губ. Вѣд.». Очерки простонароднаго житья-бытья въ Витебской Бѣлоруссіи и описаніе предметовъ обиходности. *Н. Я. Никифоровскаго.* (Продолженіе). 78—85.—Баря въ сто лѣтъ. Бѣлорусская легенда. *Е. Р. Радимича.* 78—81.—«Виленскій Вѣстникъ». Стыдно обижать, повѣсть изъ жизни крестьянъ бѣлоруссовъ. 213, 221 и 225.—Виленскій бывшій старый зеленый мостъ, *З. Спрогиса.* 212.—**90.** *Сѣверо-западный бардъ.* Тетка - лихорадка. Бытовой очеркъ.

Міръ Божій. 1894 г. Декабрь. *Пименова Э.*, Изъ японской жизни.—*Добротворскій Петръ*, Въ глуши Башкиріи (разсказъ). — Изъ иностр. жизни и литературы: Африканская археологія (Слѣды семитическаго племени въ Машоналандѣ, притомъ заѣзжаго изъ далекихъ краевъ).

Mittheilungen d. Anthropologishen Gesellschaft in Wien XXIV. Bd. 1894. № 1. *Ferd. v. Andrian*, Ueber Wetterzauberei. Обширная статья, въ которой собранъ большой матеріалъ о заклинаніяхъ и дѣйствіяхъ, употребительныхъ у разныхъ народовъ для вызыванія дождя, хорошей погоды и пр. Авторъ разсматриваетъ относящіяся къ вопросу свѣдѣнія какъ у дикарей Австраліи, Меланезіи Полинезіи, Америки, Африки, такъ и у арійскихъ и семитическихъ народностей.—Въ отд. протоколовъ: *A. Peez*, Kirchenpatrone und Volkskunde (о перенесеніи чергъ др. германскихъ боговъ на христіанскихъ святыхъ). *O. v. Hovorka*, Ueber den bei einigen Völkern vorkommenden Nasenschmuck. Наиболѣе первобытныя украшенія этого рода—въ Австраліи, болѣе сложныя на Н.-Гвинеѣ и др. о-вахъ, населенныхъ папуасами, въ Индіи они чрезвычайно развиты въ Африкѣ, Америкѣ, причемъ въ послѣдн-й встрѣчается ещ и деформація носа.—Некрологъ: *Л. Шренкъ*.—№ 3. *Franz Boas*. Der Eskimo-Dialekt des Cumberland-Sundes. Словарь.—*F. R. Bünker*: Typen von Bauernhäusern aus der Gegend von Oedenburg in Ungarn (съ 14 рис.).—*O. Hovorka*, Verstümmeluungen des männlichen Gliedes bei einigen Völkern des Alterthums und der Jetztzeit (съ 12рис.). Авторъ разсматриваетъ какъ самые виды операціи, такъ и цѣли, которыя она преслѣдуетъ.—Въ отд. протоколовъ: *W. Hein*, Tänze und Volksschauspiele in Tirol uud Salzburg. Объ употребленіи деревянныхъ масокъ въ назв. мѣстностяхъ при плясках и нар. представленіяхъ.—№ 4. *M. Haberlandt*, Die Eingeborenen der Kapsulan-Ebene von Formosa (съ 37 рис.). Этнографическій очеркъ; антропометрическія свѣдѣнія; приведена библіографія по этнографіи о. Формозы.—№ 5. *W. Hein*, Die geographische Verbreitung der Todtenbretter (съ 2 рис.). Расиространеніе обычая (Богемія, Баварія и пр.) ставить доску, на которой лежалъ покойникъ до положенія его въ гробъ, въ опредѣленныя мѣста (у дорогъ). Устройство украшенія досокъ; надписи на нихъ. Статья В. Гейна является продолженіемъ и дополненіемъ его-же работы: Die Todtenbretter im Böhmerwalde (въ Mit. d. Anthr. G. in Wien. Bd. XXI.). Къ обѣимъ статьямъ приложена библіографія вопроса.—*A. Weisbach*, Die Oberösterreicher. Данныя о физическомъ типѣ.—*E. Zuckerkandl*, Zur Craniologie der Nias-Insulaner (на основаніи 28 череповъ).

Моамбе (ежемѣсяч. груз. журналъ). **1894. 11, 12.** Народная поэзія и ея педагогическо-эстетическое значеніе. *М. К—дзе*.—Путешествіе по Кавказу, *Эм. Левье*.—**1895**, *1, 11.* Народная поэзія. *М. К—дзе*, *11.* Грузинская музыка, *Г. Карцаретели*. (Извлеч. изъ доклада, чит. въ Этногр. Отдѣлѣ И. О. Л. Е. А. и Э.).

Мцкемси, 1895. 1, 2. О сотвореніи міра (въ стихахъ, съ рукописи И. Публ. Библіотеки).

Новое Обозрѣніе. 3774. Грузинская журналистика въ 1894 г. *Ал*.—**3784.** *Гр Уварова*. Матеріалы по археологіи Кавказа, вып. IV. Отчетъ *А Хах—ва*.—**3790.** Празднованіе Новаго года у грузинъ. В. *Окропиров*.

Олонецкія Г. В. 1894. 80, 81, 83, 85. *А. Олонецкій*, Олонецъ и Олончане (историко-филологическій очеркъ, въ которомъ разбирается происхожденіе словъ: Олонецъ, Олончане, въ связи съ исторіей края и появленіемъ въ данной мѣстности корелъ).—**85, 87, 88**. Изъ быта и вѣрованій корелъ (ихъ развлеченія, посидѣлки, хороводы, праздники).—**86, 87, 88, 91, 92, 93, 95, 97, 98.** *А. Олонецкій*, Аборигены Олоніи (продолженіе изысканій, начатыхъ въ предыдущемъ очеркѣ того-же автора). Придя къ заключенію, что финны не были исконвыми обитателями Олоніи, авторъ пытается рѣшить вопросъ, кто былъ ими; приводя данныя для выясненія вопроса о первоначальномъ заселеніи Россіи славянами, противопоставляя свою теорію теоріи финской, отмѣчая ея крайности, авторъ мѣстами, кажется, самъ впадаетъ въ крайность хотя бы напр., производя названіе р. Торнео отъ Торной или Черной рѣки и др.—**100.** *П. П.*, Экономическій бытъ крестьянъ Тепеницкаго прихода.

Пензенскія Г. В. 1894. 143—145. Татарскій языкъ въ пензенскомъ духовномъ училищѣ (истор. справка).—**148.** *Н. Долинскій*, Странники и прохожіе.—**211.** *Н. Долинскій*, Пензенскій крендельщикъ. (Очеркъ изъ мелкой промышленности).—**246.** Дѣло о знахарѣ, лѣчившемъ заговоренной водкой въ с. Лачѣ, Наровчатскаго уѣзда Пенз. губ.—**261.** Въ средѣ старообрядцевъ (Казачья-Пелетьма Мокшан. уѣзда, Пенз. губ.).

Периодическо Списание на българското книжовно дружество въ Срѣдецъ. 1894. **Кн. XLVI.** *) *Начовъ, Н. А.*, Замѣтка о Паисіевой исторіи.—*Дацовъ, С. Ж.*. Огъ Софіи до Пранги (путевыя замѣтки и воспоминанія).—*Ивановъ, М.*, Къ изученію болгарскихъ діалектовъ. (окон., см. кн. XLV).—Болг. народн. произведенія: Дѣтскія игры: а) пѣсенки: изъ Торно-Джумайска и Прилѣпа (1—9), б) игры (10—25), в) подыгорныя стихотворенія (26—46) (не ок).—*Н. А. Н.*, Прибавленіе къ статьѣ о Паисіевой исторіи.—**Кн. XLVII.** *С. А.*, Старые и новые труды по этнографіи, географіи и исторіи культуты румынъ.—С., Марново, (описаніе этой горной области, Прилѣпскаго округа). *Уста-Генчовъ, Д.*, Въ Старую Планину (путевыя замѣтки). — *Его же*, Народная пѣснь изъ Габровска про Димитраки Хаджи Тошова, съ замѣткой къ ней редакціи. — Болгарскія народ. произведенія: По говору села Витолища (Марновско-Прилѣпско въ Македоніи), сообщ. *А.* П. *Стоиловъ*: пѣсни, пословицы, загадки, лексич. матеріалъ.—*Его же*, Матеріалъ для болгарскаго словаря города Прилѣпа.

Пермскія Г. В. 1894. 79. Волненія среди татарскаго населенія Камскаго края по поводу слуховъ объ обращеніи татаръ въ христіанство и о дозволеніи татарскимъ женщинамъ посѣщать мечети («Бирж. В.»).—**81—99.** Описаніе коллекціи (*Теплоуховыхъ*) древностей пермской чуди на выставкѣ пермской комиссіи Уральскаго О-ва. Люб. Естествознанія.—**82.** Уральское О-во Люб. Естествознанія въ 1893 г. (очеркъ дѣятельности о-ва).—**95.** О происхожденіи выраженія волжскихъ матросовъ: «подъ табакъ», употребляемаго ими при измѣреніи глубины; это

*) Кн. XLIV и XLV въ редакцію присланы не были.

выраженіе употреблялось бурлаками въ старину и означало, что вода подходитъ подъ мышку, гдѣ бурлаки сохраняли кисетъ съ табакомъ, когда имъ приходилось итти бечевой по водѣ.—**101—103.** Пермская чудь и ея культурная обстановка (публичное сообщеніе), *Ѳ. Теплоухова.*—**102.** Приближеніе къ полюсу трехъ экспедицій.—2,000-лѣтній телефонъ (между двумя индусскими храмами въ г. Паньи открытъ проволочный проводъ).—Происхожденіе слова «Берлинъ»: по изысканіямъ чешскаго ученаго *Крупки* Berlin происходитъ изъ чешскаго brlin (мѣсто за свайной плотиной), при чемъ Крупка въ своей догадкѣ опирается на существованіе въ Богеміи мѣстечка «Brlin», лежащаго близъ свайной плотины.—**112.** Мнѣніе антрополога *Пирсона* о будущности бѣлаго племени.—Путешествіе проф. *Якобія* для изученія положенія остяковъ на рыболовныхъ промыслахъ въ Тобольскомъ округѣ.—**133.** Изъ исторіи кустарныхъ промысловъ.—**128, 134, 138, 146.** *Гр. Шурыгинъ.* Левшинская пристань. Культурно-историческій очеркъ.—**135.** Изъ исторіи башкиръ.—**140.** Изъ-за Камы (знахарство среди пермяковъ; «Шере-ешланъ»).—**141.** Корейцы въ Россіи.—**143.** Празднованіе «Заярета» (поминовеніе усопшихъ) у мусульманъ. («Астр. Вѣстн.»).—**144.** Экспедиція проф. *Иностранцева* въ Алтайскій округъ.—**146.** Изъ японскихъ обычаевъ.—Японско-китайская письменность.—**147.** Новый трудъ по этнографіи Пермской губерніи (этнографическая карта *Н. Г. Остроумова*).—«Сукси-Мукси»—празднество мусульманскихъ женщинъ въ Оренбург. губ. («Сам. Газ.»).—**167.** Грамотность татаръ.

Русскій Вѣстникъ. 1895. Январь. Рец. на кн. *кн. Ухтомскаго*: Путешествіе на Востокъ Его Имп. Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича 1890—91. Часть III. Рец. на кн. *Г. Н. Сазонова*: Ростовщичество и кулачество. СПБ. 1894.—Рец. на кн.: Русскіе путешественники-изслѣдователи. Путешествія по Туркестану, И. А. Сѣверцова и А. П. Федченко Изложено по ихъ подлин. сочин. *М. Л. Лялиной.* Изд. Девріена, СПБ. 1894.—**Февраль.** *И. Н. К—а,* Конфуцій и его ученіе—Рец. на кн.: По бѣлу свѣту. Очерки и картины изъ путешествія *д-ра А.* В. *Елисѣева* по тремъ частямъ Стараго Свѣта.—Въ отд. «Обозрѣніе русск. и иностр. журналовъ»—небольшая замѣтка о статьѣ *Птицына*: Памиръ (В. Евр.), о статьѣ *О. Эллерса*: Vier Wochen im Königreiche Corea (Westerm. Illustr. deutsche Monatshefte 1895, I).

Смоленскій Вѣстникъ. 1984. 138. Смѣсь: О религіозныхъ обрядахъ въ Индіи.—**142.** Библіографія: перепечатки рецензій изъ «Этн. Обозр.» (94 г., № 3) на труды С. П. *Писарева* и поручика *А. К. Ильенко* по исторіи Смоленска. — **146** и (1895 г.) **3,** *Деревенскій житель,* Дневникъ сельскаго обывателя.—**147.** Путешествіе въ Африку (Экспедиція Н. С. Леонтьева, изъ «Нов. Дня»).—**149.** Г. *Грачевъ,* Курганы Смоленской губерніи. (Смол., Бѣльск., Духовщ., Дорогобужск., Порѣчск., Юхновск уу.).—**1895. 2.** *А Кушнеревъ,* Николинъ день (изъ Гжатск. у., съ пѣснями).—**5.** Корр.: Дорогобужскій уѣздъ (обычай «казематовъ»—вечеринки, устроиваемыя молодежью, по почину дѣвушекъ, сильно-интимнаго характера).—**9.** Смѣсь: Поцѣлуй (распространенность этого обычая

въ Парагваѣ и избѣганіе его у финновъ).—**11**. Смѣсь: Статистика разводовъ.—Исторія носового платка (первый 350 лѣтъ тому назадъ).

Ставропольскія Епархіальныя Вѣдомости. 1894. 22. Крещеніе калмыковъ.—**23**. Калмыцкіе хурулы.

Сѣверный Вѣстникъ 1894. Сентябрь. *Л. Прозоровъ*, Провинц. печать. Вятскія «лѣсныя женщины».—«Царскіе мужики» въ Саратовск. губ.—Изъ жизни и литературы: Замѣтки о буддизмѣ японскаго священника.—**Октябрь.** Рец. на брош.: Какъ возникаютъ и распространяются кустарные промыслы. Вятка 94 г.—**Ноябрь.** *Д. Корженевскій*, Въ странѣ отверженныхъ. Изъ путевого альбома (Очень живо описано посѣщеніе богатаго араба авторомъ).—Изъ жизни и литературы: Раскольничій бракъ и многобрачіе.—**Декабрь.** *Л. Павловъ*, Страна восходящаго солнца. Очеркъ посвященъ Японіи и ея жителямъ.

Трудъ. 1894. Январь. Въ отдѣлѣ: «За границей» (М. А. Орлова) довольно обстоят. замѣтка: Гигіеническій способъ погребенія, примѣняемый въ Китаѣ. Духовный міръ дикихъ народовъ, возстановленный по ихъ религіозн. вѣрованіямъ (по статьѣ г-жи Кукъ въ Westminster Review). Страна и племя Машона, въ Южн. Африкѣ. Японскія красавицы («гейши».—**Февраль и Мартъ.** П. *Линдау*, Современая Мексика. Изъ путев. замѣтокъ (Пер. Д. А. Коропчевскаго).—**Апрѣль.** П. *Линдау*, Современная Мексика. (Окон.). Въ путевыхъ замѣткахъ автора читатель можетъ найти мелкія замѣтки этнографич. характера. Гл. V, f. посвящена древне мексиканскому искусству.—Рец. на кн.: Китайскія сказки. Пер. съ франц. подъ ред. В. Зеленскаго. М. 1893.—**Май.** Въ отд. За границей (М. Орлова): Анатомическія и физіологическія воззрѣнія камбожійцевъ. Театръ въ Японіи. Отцы въ роли роженицъ.—**Іюнь.** Въ отд. За границей: Причины сильнаго разселенія въ Китаѣ.—**Іюль.** Въ отд. За границей: Способы измѣренія и исчисленія времени у разныхъ народовъ.—Рец. на кн. *Л. Субботина*: Волга и Волгари. Путев. очерки. Т. I. СПБ., 94.—**Сентябрь.** Въ отд. За границей: Китайцы—открыватели и цивилизаторы Америки. Переживаніе нравовъ и обычаевъ.—**Октябрь.—Ноябрь.** Въ отд. За границей: Африканскіе карлики, изслѣдованные Дыбовскимъ. Корейскій языкъ и китайск. поэзія.—**Декабрь.** Въ отд. За границей: Бирманцы и ихъ бракъ. Предразсудокъ относит. неудачи супружествъ, заключенныхъ въ маѣ.

Тульскія Г. В. 31. Счастливое сочетаніе «старой пра ды» съ «новой» (перепеч. изъ «Русск. Вѣд.» ст. *Щербины* «Большая семья»).—**71, 87, 88.** Средства противъ лихорадки у народа.

The Fortnightly Review. 1895. February. *R. S. Gundry*, Ancestor Worship in China.

Черниговскія Губ. Вѣд. 1894. 266. Старинная церковная утварь въ церквахъ г. Нѣжина. Древне-американскій Геркуланумъ (изъ «Прав. Вѣст.»). **257.** Изъ прошлаго. Невельской и о. Сахалинъ (изъ Тюрем. Вѣст.).—**252.** Гр. Г. А. Милорадовичъ (біографія).—**245.** Остатки языческихъ вѣрованій и обрядовъ у самоѣдовъ Канинской тундры (изъ Арх. Губ. Вѣд.).—Переводъ Евангелія на лопарскій языкъ (изъ Арх. Епарх. Вѣд.)—

210. Легенда о происхожденіи чумы (корресп. «Temps» изъ Шанхая).— 212. Оригинальный способъ ловли дикихъ утокъ царанами (крестьянами) въ Бессарабіи (изъ «Русскаго Охотника»).—217. Колесный промыселъ въ Глух. уѣздѣ (изъ «Кіевлянина»).—237. Клыкъ мамонта (въ Щигров. у., Кур. губ.)—241. Раскопка гаганскаго могильника (изъ «Волгаря»).

Чтенія въ Обществѣ Любителей Духовнаго просвѣщенія. 1893. Январь. *Глаголевъ*, С., О происхожденіи и первобытномъ состояніи рода человѣческаго.—*П. Л—въ*, Христіанство въ пониманіи русск. народа по духовнымъ стихамъ.—С. Г. (Замѣтка), Евреи въ Палестинѣ до Моисея.— Сентябрь. *Миловидовъ*, Н. *И*., IX Археологическій съѣздъ въ гор. Вильнѣ.—Ноябрь. *Глаголевъ* С., Антропологическая проблема въ настоящее время (прод.).—Декабрь. *Глаголевъ*, С., Антропологич. проблема въ настоящее время.—1894. Февраль. Мелкія статьи. Чинъ пещнаго дѣйствія (пер. изъ «Кіевлянина».)—Мартъ. *Глаголевъ*, С., Древность человѣка.—Май—Іюнь. *Добронравовъ*, *Н. свящ.*, Ветхо-завѣтный праздникъ Пятидесятницы.—Сентябрь. *Муретовъ*, *М*., Древность преданія о погребеніи Адама на Голгоѳѣ или Лобномъ мѣстѣ.

Обозрѣніе Эстонской періодической печати за 1894 годъ.

1) Газета „Walgus". 5. Записанныя изъ устъ народа три эстонскія сказки: 1, „Поѣздъ стараго бѣса", который въ сказкѣ называется „большимъ бариномъ", также „петербургскимъ бариномъ", 2, „Сказка о богатомъ помѣщикѣ", который всю жизнь любилъ танцовать и котораго бѣсъ съ танцовальнаго вечера увелъ прямо въ адъ. 3, „Сказка о томъ, какъ образовалась Эбаверская гора".—„Исторія возникновенія православія въ Прибалтійскомъ краѣ (продолж. въ № 9 и 14).—5—7. Право патронатства надъ Лютеранскими церквами.—7. Характеристика жителей острова Кюно. Открытіе земледѣльческаго общества въ Галлистѣ.—8. О вліяніи дворянской корчмы на бытъ жителей острова Эзеля—порча нравовъ и разореніе.— 11. Переселенческое дѣло на островѣ Даго: рѣшеніе крестьянъ къ переселенію вызвано недоразумѣніемъ и обманомъ, вынудившимъ оффиціальное объясненіе губернской власти въ Эстляндскихъ Губ. Вѣдомостяхъ. 12 и 14. О праздновании 75-лѣтія освобожденія эстовъ отъ крѣпостной зависимости. 14. Положеніе крестьянъ-собственниковъ въ Эстляндской губерніи. Положеніе ремесленниковъ.—16. Распространеніе секты „пробужденныхъ братьевъ" въ Кузальскомъ Лютеранскомъ приходѣ.—21 и 25. Кто освободилъ эстовъ отъ крѣпостного рабства—императоръ Александръ I, или прибалтійскіе помѣщики? 21 и 35. О правахъ на рыбную ловлю по берегамъ Балтійскаго моря?—26. Описаніе 75-лѣтняго юбилейнаго празднества въ Юрьевѣ 18, 19 и 20 іюня въ память освобожденія эстовъ. Ликвидація имущества закрытаго эстонскаго литературнаго общества.— 39. Затруднительное положеніе крестьянскаго землевладѣнія въ Прибалтійскихъ губерніяхъ—съ одной стороны отъ высокихъ платежей и арендъ

и—съ другой—отъ дешевизны хлѣба и картофеля.—**38**. Выставка произведеній скульптора Вейценберга въ Ревелѣ. Свѣдѣнія о жизни эстовъ переселенцевъ въ Тверской губерніи, Вышневолоцкомъ уѣздѣ, Старопазонской волости на земляхъ помѣщика Брандта.—**41**. Собраніе Ревельскаго Эстонскаго Земледѣльческаго Общества въ Раппелѣ 25 сентября.—**42**. Некрологъ Эстляндскаго губернатора князя Серг. Влад. Шаховского († 12 окт. 1894 г.) и его благодѣянія эстамъ. Замѣтка о безполезности и даже вредности для крестьянскаго землевладѣнія въ Эстляндіи дѣятельности крестьянскаго банка безъ нормировки цѣны на землю.

2) Газета „**Eesti Postimees**“. **3**. Воззваніе доктора Гурта къ собирателямъ эстонскихъ древностей въ виду участія его съ собраннымъ археологическимъ матеріаломъ на археологическомъ съѣздѣ въ Ригѣ въ 1896-мъ году. Воззваніе комитета по устройству пѣвческаго празднества въ 1894 г. въ память 75-лѣтія освобожденія эстовъ отъ крѣпостной зависимости къ отдѣльнымъ пѣвческимъ хорамъ.—**5**—**9**. Списокъ пѣвческимъ и музыкальнымъ хорамъ, заявившимъ готовность участвовать въ юбилейномъ торжествѣ (дополн. въ № 12). —**7**. Дагенцы массами стремятся къ переселенію въ Сарапульскій уѣздъ, Вятской губерніи. Засѣданіе ученаго Эстонскаго Общества: 25-лѣтній юбилей предсѣдательства профессора Мейера.—**9**. Проектъ узкоколейной желѣзной дороги Ревель—Раппель—Вейсенштейнъ. 96-ой отчетъ доктора Гурта по собиранію матеріала для Эстонской археологіи (слѣдующіе отчеты въ №№ 16, 19, 34, 39, 41, 42, 47, 50 и 53).—**10**. Потребность въ улучшеніи почтовыхъ сообщеній въ Эстляндіи. Засѣданіе Ученаго Эстонскаго Общества. Собраніе Тарвастскаго общества трезвости.—**11**. О преобладаніи нѣмецкаго языка въ эстонскихъ обществахъ.—**13**. Значеніе для эстовъ 26-го марта. Собраніе Ревельскаго Эстонскаго земледѣльческаго общества. Собраніе Юрьевскаго общества трезвости, на которомъ постановлено просить начальника губерніи о запрещеніи продавать на предстоящемъ пѣвческомъ праздникѣ въ Юрьевѣ спиртные напитки.—Сказки, записанныя у эстовъ Витебской губерніи (продолж. въ № 14).—**14**. Описаніе торжества 26 и 27 марта. О мѣрахъ противъ засухи.—**17**. Прогрессъ въ жизни эстовъ. Описаніе юбилейнаго праздника въ Петербургѣ.—**19**. Воззваніе къ единству въ эстскомъ правописаніи протяжныхъ гласныхъ. Маёвка Ревельскаго Общества „Лоотусъ“. Суевѣрія въ Ниггенѣ, Юрьевскаго уѣзда.—**34**. Засѣданіе Галлистскаго земледѣльческаго общества.—**36**. Статья о воспитаніи дѣтей. Наставленіе Эйзена собирателямъ эстонской древности—записывать подлинно народныя сказанія безъ примѣси собственныхъ измышленій.— **37** и **39**. Юрьевская сельско-хозяйственная и ремесленная выставка.— **50**. Воззваніе къ основанію капитала для вспомоществованія воспитанникамъ высшихъ учебныхъ заведеній изъ Эстовъ.—Воззваніе Аудернскаго пастора Голста о доставленія ему свѣдѣній объ эстонскихъ поселеніяхъ въ разныхъ мѣстностяхъ европейской и азіатской Россіи.—Въ Аудернскомъ приходѣ, Перновскаго уѣзда, сохранился еще обычай, по которому невѣста послѣ обрученія ходитъ по знакомымъ, угощаетъ водкою и собираетъ шерсть, пряжу, холстъ и т. п. на приданое.—**53**. Собраніе Галлистскаго Земледѣльче-

скаго Общества. О напиткахъ изъ хлѣбныхъ зеренъ и яблокъ. Рекомендація нѣсколькихъ Эстонскихъ календарей.

3) Газета „Olewik". 1. Привѣтствуя новый юбилейный годъ, устанавливаетъ истинное понятіе о народѣ и народности. Народъ существуетъ вѣка, а народность имѣетъ давность около 25 лѣтъ. Собираясь праздновать память освобожденія народа, отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ этимъ событіемъ вопросъ о народности, дабы не причинить зла народу. Дѣятельность обществъ трезвости въ Алацкиви и Петербургѣ. Несчастіе съ рыбаками на озерѣ Пейпусѣ.—4. Отчеты обществъ трезвости въ Цинтенгофѣ и Феллинѣ.— 6. Уменьшеніе рыбы.— 7. Вѣдомость о кражахъ въ Юрьевскомъ уѣздѣ по приходамъ и мѣсяцамъ.—9. Будущій археологическій съѣздъ въ Ригѣ. О борьбѣ съ проказою въ Лифляндской и Эстляндской губерніяхъ.—12. Очерки изъ времени крѣпостничества. Ожиданія свободы. Освобожденіе. Сродственные эстамъ народы. Вопросъ о дорожной повинности въ Такерортѣ.—14. Празднованіе въ разныхъ мѣстностяхъ 75-лѣтняго юбилея освобожденія эстовъ отъ крѣпостной зависимости (также въ №№ 15—17, 25—27). Свѣдѣнія о количествѣ корчемъ въ краѣ (на разстояніи 10 верстъ отъ Юрьева расположены 18 корчемъ).— 15 и 16. Эстонскій вопросъ. 100 афоризмовъ Гренцштейна объ эстонской народности и политикѣ. Документальныя свѣдѣнія изъ времени освобожденія крѣпостныхъ.—16. Наши корчмы.—18. Пріемъ въ казну острова Вормса и экономическій бытъ его жителей.—19. Эсты не могутъ имѣть самостоятельнаго развитія. Совѣты переселенцамъ.—24. Эстонскій танецъ: мотивъ на нотахъ.—28. Списокъ Эстонскимъ изданіямъ за время отъ 1-го сентября по 31-е декабря 1893 года. Объ Эстонскомъ музеѣ.—30—32. Слѣды эстонскаго языка у восточныхъ народовъ, напримѣръ у осетинъ.— 30—31. Поѣздка на островъ Кюно.—34 и 38. Собраніе Галлистскаго земледѣльческаго общества.—35. Какое назначеніе должны имѣть корчмы? Древности въ Тарвасто, Феллинскаго уѣзда.—36. Юрьевская земледѣльческая выставка. Труды по изслѣдованію языка Ливовъ.—37. Древности въ окрестностяхъ Пейпуса. Языкъ и письменность Ливовъ.—39. Альбомъ эстонскихъ студентовъ.—42. Печальные отголоски юбилейнаго года: пьянство, развратъ, раздоры, страсть къ модамъ и т. п. остатки рабства.

Священникъ К. Тизикъ.

Ревель, 28 янв. 1895 г

„Тифлисскій Вѣстникъ", **1873**, 4. Библ. замѣтка о „Кребули" и „Мнатоби". *Д. Э.*—8. Изъ путешествія по Кавказу. Voyage en Russie, au Caucase et en Perse, par T. M. Chevalier Lycklama A. Nijeholt. Paris. 1872. T. I. **N.—28.**— Дѣятельность кн. Г. Эристова, какъ національнаго писателя.—44, 65. Пастбищныя, выгонныя и лѣсныя угодья *З. Эристовъ.*—49, 82. Библ. „Кребули" № 10, 11, 12 за 1873 г. *Д. Эр—въ.*— 72, 74, 76, 78, 79 Безпорядки въ Грузіи въ 1802, 1804 и 1811 гг.—87—9, Современ. армян. общество въ Турціи соч. кн. Дадіани (Revue de deux Mondes 1867 г. кн. 15).—91—3. Библ. „Мнатоби" и „Кребули".—134. Замѣтка о статистической таблицѣ народонаселенія Кавказскаго края, помѣщенной во II т. „Извѣстій" Кавк. Отд. И. Р. Г. О.

1874, 28. Библ.: Опыты драмат. литературы мусульм. востока (Karatali „la fatalité" drame turce, joué à Constantinople 1872. Considérations sur les essais d'une litterature dramatique dans l'Orient musulman par Barbier de Meynard, Revue critique № 5, 31 janvier 1874).—53, 54. О сѣти желѣзнодорожныхъ сооруженій по Закавказью.—57. Библ.: Путеводитель по Кавказу М. Владыкина. М. 1874.—84, 85, 94. Майкопъ и его жизнь. *Е. Фелицынъ.*—91. Шуша и Лагодехи.—96. Ѳеодосія. *Л. Исарловъ.*—97. Николай Георгіевичъ Верзеновъ и его литерат. дѣятельность. *Д. Бакрадзе.*—98. По поводу якобы религіозныхъ реформъ у магометанъ (изъ турецкой газеты „Яланджи").—106. По дорогѣ къ Баку.—117. Яффа и Іерусалимъ. *Евгеній Казариновъ.*

1875. 6. Изъ путевыхъ записокъ (Сухумъ). *Л. Исарловъ.*—7. Библ.: Compaigning on the Oxus and the Fall of Khiva. *Макъ-Кегана.*—28. Алавердскій заводъ. *Вл. К—нъ.*—32. Замѣтка о нашихъ земледѣльцахъ.—35, 36, 42, 43 Кавказ. минеральн. воды, ихъ прошедшее и настоящее. *Евг. Фелицынъ.*—37, Библ.: „Сбор. свѣд. о кавказ. горцахъ" подъ р. Н. И. Воронова, в. VIII.— 38. Наши этнологи.—44. Вагаршапатъ.—47. Прототипы „Горе отъ ума", *Д. Эристовъ.*— 48. О колонизаціи сѣверо-восточ. береговъ Чернаго моря *Л. Исарловъ.*—50. Христіанскія древности въ турецкой Грузіи. *Л. Исарловъ.* —67. Воспоминаніе о „Кавказской старинѣ". *П—чъ.*—68. † Н. К. Усларъ.—*Л. З—скій.*—83. Майкопъ. *Евг. Фелицынъ.* — 86. Безпорядки въ Сванетіи. — Отъ Владикавказа до Грознаго.—95. Турецкая Грузія.—99. Библ. „Дроэба" за 1866—1875 гг.—109. Крестьяне собственники.—110, 111, 113. Южные славяне и ихъ литература (Le monde slave par Louis Leger. Paris. 1873).—122, 123, 124. Библ. Искаженіе добытыхъ наукою фактовъ по этнографіи Кавказа въ соч. Риттиха „Племенной составъ контингентовъ русской арміи". Спб. 1875. *Л. Загурскій.*—133. Чайно-географ. карта г. Сталинскаго.

1876. 8. На Сурамскомъ перевалѣ (съ грузинскаго). — 12, 13, 16, 17, 18. Матеріалы для уголовной статистики Закавказья.—16. Между молоканами. *П. М.* —17. Николай Бараташвили (поэтъ).—22. Изъ Осетіи (калымъ).—32, 38, 44. Замокъ Моди-Нахе.—49, 52, 53, 83, 84. Библ. Акты Кавказ. Археогр. Коммиссіи, т. VI, (Ермоловское время).—123. Жоржъ-Зандъ. — 125, 126, 131, 132, 138, 139, 145, 146, 149, 161, 167, *М. Г. М.*—Образованіе въ Закавказскомъ краѣ,— 150. Библ. Bibliographia Caucasica М. Міансарова.—168, 171. Общій обзоръ азіатской Турціи.—185, 189. Сербы, этногр. эскизъ.—210, 212, 218, 222, 231, 232, 237. Землевладѣніе въ Кубанскомъ уѣздѣ.—215, 216. Библ. „Пордзъ" (арм. жур.)— 246. Библ.: Сбор. статист. свѣд. о Ставропол. губ., вып. VII.— 265. Поѣздка по Турецкой границѣ. *Кн. Т. Ходжаминасовъ.*—287, 288. Къ вопросу о системѣ обученія въ кавказскихъ инородческихъ школахъ.

1877. 12, 15. Библ. „Пордзъ" („Опытъ" арм. журн.).—21. Положеніе крестьянъ въ Верхней Карталиніи.—30. Нѣчто о положеніи женщинъ у горцевъ-мусульманъ. *А. Гассіевъ.*—46. Замѣтки о журналахъ „Отеч. З." 1876, 10, 11. Бар. А. Розенъ о Тифлисѣ. — 50, 51. Сванетія. Путешествіе *А. Стоянова.*— 51. Взглядъ Корана на немусульманъ.—52. Грузинск. духовенство.—95, 98. Карсъ (истор. очеркъ).--102. Баязетъ.—116, 117. Армянскій полкъ.—132. Отъ Ахалцыха до Ардагана.—144, 145, 152, 161—165. Участіе армянъ въ завоеваніяхъ Россіи въ Закавказьи. — 180. Чиновничій классъ въ Закавказьи.— 192, 193. Карталинія. — 216. Городъ на Вулканѣ. — 259. Путевыя картинки

(Кутаис. г.).– 265, 269. Библ.: Armenia and Lebanon by S. W. Probyn, esq. published for the Eastern Question Association by Cassel Petter et Çacpin. London, 1877.—275, 277. Кавказ. евреи.

1878. 30. По поводу возстанія кавказскихъ горцевъ. *Евг. Фелицынъ.*— 39. Сутки въ Бежатубани.—46. Мехти Умміевъ Кайтагскій, одинъ изъ предводителей возстанія въ Дагестанѣ.—60. Физическій очеркъ Арменіи (пер. съ армянскаго), *Рубенли.* — 79. Сел. Славянка (населеніе, костюмъ, наружность, бытъ, грамотность).—86. Кобулеты. *Ковальскій.*—98. Конференція и армяне.— 139. Библ.: „Пордзъ" № 4 1878 г. — 228. Картинки кавказ. провинціальной жизни.—241. Библ.: Меджгануашвили, повѣсть Л. Ардазіани.—262. О судопроизводствѣ въ Закавказьи. *А. К. Церетели.*

1879. (изд. К. Бебутовъ, ред. Д. Эристовъ). 4, 5, 7, Между сектантами.— 10. Груз. спектакль (дебютъ Сапаровой).– 15, 18, 21. Изъ письма по М. Азіи. *Г. Церетели.* — 24. А. С. Грибоѣдовъ. *Д. Эристовъ.* — 92, 93. Два грузина Отія Месхи и Адамъ Бебуришвили, произнес. *Ак. Церетели.* — 119. 25 лѣтъ (1842 — 67) на Кавказѣ А. А. Зиссермана. *М. Л.* — 167. Съ антропологической выставки.—180. Библ. Очерки Чуруксу и Батума. *А. Френкеля. А—нъ.*— 195. Грузинская труппа. — 220, 221, 223, 226, 228. Десять дней въ горахъ Дагестана. *Вл. Микеладзе.*—243. Паата Темуршвили. Народн. герой временъ Ираклія II.—249. V Археол. съѣздъ въ Тифлисѣ.

1880. (изд. К. Бебутовъ, ред. Г. Чикоани). 6. Рождественская сказка. *Ковальскій.* — 22. Библ.: Царь Миріанъ и св. Нина. *Дм. Бакрадзе.*—50. Оджахисъ-асули, драма *I. Церетели. (Изданіе прекратилось).*

Тифлисскій Листокъ, 1886. (Ред. изд. І. Б. Поповъ).— 53. Артистъ Адамьянъ (біографія) *В. Михеева.*— 54. Китайскій театръ.— 58. Семейный бытъ персовъ (изъ „Рус. Вѣд.").— 119. А. Н. Островскій.— 124. Выборъ невѣсты китайскому императору.—187—9. Изъ Тифлиса въ Абастуманъ.–228. „Подруга жизни", драма въ переводѣ А. Мочхубаридзе.—261, 262. Мемуары арабской принцессы.

1887. (Врем. ред. С. Кегулихесъ-Кегульскій, потомъ К. Бѣгичевъ, изд. Х. Хачатуровъ). — 13. Два всадника (мингрельская легенда).— 38. Будни въ кахетинской деревнѣ. —86. Послѣднее слово по женскому вопросу.—112. Кабульскіе армяне.—145, 147. Изъ поѣздки въ Палестину. *С. А.*—168. Этнографическій этюдъ.— 234. Восточная сказка. *В. В.*— 250. Похороны Д. И. Кипіани.— 272. Армянское купечество на стр. „Ардзаганкъ".

1888. (Врем. ред. И. Хачатуровъ).—81—3. Прекрасная Ава.—172. Оправдаютъ ли? (Этюдъ изъ кавказской жизни).— 204. Восхожденіе Е. С. Маркова на Араратъ.—232. Пропавшіе путешественники въ ледникахъ.

1889. 1, 2 — 4, 7 — 10, 13. Лорисъ-Меликовъ.— 85. † К. П. Паткановъ (арменистъ).— 125, 129, 130. Женщины въ Китаѣ (съ итальянскаго).— 171. Археолог. находка (въ сел. Вани).— 188. † Н. А. Короваевъ.—189. Грузин. царица и мѣдныя деньги.—200. Библ.: „Цда". *Д. Сослани.*—210—214. Кавказ. выставка.—278. Литератур. распри о Ш. Руставели, *Д. Сослани. (Дальнѣйшіе годы см. въ „Этн. Обозр." съ 1890 г.).*

Новости этнографической литературы.

а) Русскія.

Акты Московскаго государства, изданные Имп. Академіей Н. подъ ред. *Н. А. Попова*. Томъ II.

Разрядный приказъ. Московскій столъ. 1635—1659. Спб. 1894. 8°. XLV+773, 400 экз. Ц. 5 р.

Акты, собранные Кавказскою Археографич. Коммиссіею. Архивъ Главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ. Томъ XII, ч. 1-я. (1846—62 гг.), подъ ред. *Е. Д. Фелицына* и *А. П. Наумова*. Тифл. 1 93. 8°, 732+20 стр., 112 экз.

Безсоновъ И. Слово о полку Игоревѣ. Памятникъ изящной рус. словесности XII в. Одесса. 1894. 8°, бр.

Бегдановичъ, А. Про панщину. Разсказъ изъ бѣлорусской жизни временъ крѣпостного права. Гродно. 94, 8°, 31 стр. 100 экз.

Болсуновскій, К. В. Дрогичинскія пломбы. Ч. I, съ XXI табл., въ отдѣльной тетради (972 двухсторон. изображенія). Кіевъ. 1892—94. folio. Ц. 5 р.

Бѣляшевскій, Ник. Случайныя находки на Княжей горѣ въ 1893 г. (Оттискъ изъ «Кіевск. Стар.»). К. 94. 8° 10 стр. 105 экз.

Веселовскій, Н. Киргизскій разсказъ о русскихъ завоеваніяхъ въ Туркестанскомъ краѣ. Текстъ, переводъ и приложенія. Спб. 1894. 8°.

Вивліоѳика (Древняя россійская), или собраніе разныхъ древнихъ сочиненій, яко-то: россійскія посольства въ другія государства, рѣдкія грамоты, описаніе свадебныхъ обрядовъ и другихъ историческихъ и географическихъ достопамятностей и многія сочиненія древнихъ русскихъ стихотворцевъ,—издававшаяся помѣсячно *Николаемъ Новиковымъ* въ Спб., въ 1773—75 г. Часть I. Янв.—іюнь. 1773. Мышкинъ. 1894. 8°, 2+216+2 стр. 300 экз. Ц. 1 р. 75 к.

Византійскій временникъ, издаваемый при Имп. Акад. Наукъ, подъ ред. В. Г. Васильевскаго и В. Э. Регеля. Томъ I, вып. 1-й. Спб. 94. 8°, 262 стр. 610 экз.

Владиславлевъ, В. Къ аграрному вопросу въ Лифляндіи (изъ «Ж. М. Н. П.», авг. 1894 г.). Спб. 94 г. 8°, 60 стр. 100 экз.

Волланъ(-де), Григорій. По бѣлу свѣту. Путевыя замѣтки. Ч. 2-я. (Бирма, Ява, Китай, Тонкинъ, Кохинхина, Камбоджа, Сіамъ). Спб. 1895. 8°, 371 стр. Ц. 2 р. 25 к.

Гаркави, А. Извѣстія караима Абу-Юсуфа Якуба Аль-Киркисани объ еврейскихъ сектахъ (Отд. отт. изд. «Запис. Вост. Отд. Имп. Руск. Археол. Общ.»). Спб. 94. 8°, стр. съ 247 по 321. 60 экз.

Гильфердингъ, А. Ѳ. Онежскія былины, записанныя лѣтомъ 1871 года. Томъ I-й. Изд. 2-е. Спб. 94 г. 8°, XXII+597 стр. 110 экз.

Грековъ, А. М. Среди донскихъ обывателей (Новочеркасскъ, Ростовъ, Таганрогъ, Нахичевань). Областные очерки-параллели. Р.—на—Д. 94 г. 8°, 75 стр.

Грицько-Кобзарь. Сборникъ малороссійскихъ народныхъ пѣсенъ. Въ 2-хъ частяхъ. Части 1-я и 2-я. Москва. 94 г. 16°, 176+Ш стр. 7.500 (?) экз.

Гробницы древняго Египта (По кн. Бэдж'а «The Mummy»). Изъ «Прав. Вѣстн.». 1894, № 73. Брош. 8°, 16 стр.

Дагелайскій, В. Крылатыя фигуры въ античномъ искусствѣ. (Отт. изъ «Запис. Имп. Русск. Археол. Общ.). Спб. 94. 8°, 23 стр. 120 экз.

Джаншіевъ, Гр. А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ. Историко-біографическія справки. М. 1894 г. 8°, 4+195+51 стр. 1.200 экз. Ц. 1 р.

Дмитріевъ, В. Экскурсія на Чатырдагъ, къ источнику Салгира и въ пещеры Кизиль-хаба въ 1893 г. Одесса. 8°, 27 стр. и 1 карта. 100 экз.

Доливо-Добровольскій, А. І. Этюды и картинки изъ кругосвѣтнаго плаванія. (Въ имперіи богдыхана. На парадномъ китайскомъ обѣдѣ. Сорокъ семь могилъ. Черная королева. Роковой островъ. Аборигены Японіи. Святая ночь въ океанѣ). Кронштадтъ. 94 г. 16°, 264 стр. 396 экз. Ц. 50 к.

Дѣдловъ. Переселенцы и новыя мѣста. Путевыя замѣтки. Спб. 94 г. 8°, 201 стр. 2.400 экз.

Записка, историческая и статистическая, о дворянскомъ сословіи и дворянскихъ имуществахъ Черниговской губ. Составлена черниг. губ. предводителемъ дворянства *А. М. Марковичемъ* въ 1838 году. Издана гр. Гр. А. Милорадовичемъ. Черниговъ. 1894. 16°, 56 стр. (Говорится и о казацкомъ и сельскомъ сословіи и проч.) *).

Ермаковъ, Н. Я. Пословицы русскаго народа. Спб. 1894, 8°, 48 стр. Ц. 30 к.

---

*) Была впервые напечатана въ „Матеріалахъ для статистики Россійской имперіи, издав. съ Высоч. соизв. при статистическомъ отдѣленіи Совѣта Мин. Внутр. Дѣлъ“. СПБ. 1841, 8°, отд. IV, стр. 3—25 (а не во II т. 1852 г. этого изданія, какъ говоритъ гр. Милорадовичъ въ предисловіи).

Ред.

278 засѣданіе Имп. одесскаго общества исторіи и древностей 31 мая 1894 г. Од. 8°, 15 стр. 200 экз.

Зенкевичъ, Хр. Хр. Керчь въ прошедшемъ и настоящемъ. Историко-археологическій и географическій очеркъ, съ приложеніемъ описанія достопримѣчательностей города и его окрестностей, хронологическаго указателя, статистическихъ свѣдѣній и рисунковъ. Керчь. 94 г. 8°, V+162 стр. 1.200 экз.

Ивановскій, А. О. Manjurica I. Образцы солонскаго и дахурскаго языковъ. Изд. И. Ак. Н. Спб. 1894. 8°, XIV+79 стр. Ц. 80 к.

Извѣстія Таврической Уч. Архивн. Коммиссіи. № 21, подъ ред. *Арсенія Маркевича*. Симфероп. 1894. 8°, 140 стр.

Изъ исторіи города Пскова второй половины XVI столѣтія. Святой Николай Салосъ, Христа-ради юродивый. **Д. П.** Немировъ. 94 г. 8°, 16 стр., 200 экз.

Историко-статистическое описаніе Харьковскаго каѳедральнаго Успенскаго собора. Харьковъ. 8°, 331+4 стр. 900 экз.

Историческое описаніе Свято-Троицкаго Анзерскаго скита на Анзерскомъ островѣ. Изд. Солов. монастыря. Архангельскъ, 8°, 36 стр. 3.000 экз.

Историческое описаніе Зеленогорскаго общежительнаго женскаго монастыря. Новгородъ. 8°. 12 стр. 2.000 экз.

Историческое описаніе ставропигіальнаго Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго, монастыря. Москва. Изд. 2-е, 87 стр.

Каталогъ выставки археологическихъ коллекцій и предметовъ древности Пермскаго края, устроенной пермскою учен. архивн. комиссіею Уральскаго общ. люб. естествознанія въ Перми 6-го—19-го іюня 94 г. Пермь. 94. 8°, 84 стр. 500 экз. Ц. 30 к.

Катановъ, Н. Ѳ. Мусульманскія легенды. Тексты и переводы. (Приложеніе къ LXXV тому «Зап. Имп. Ак. Н.» № 3). 8°, 44 стр. 200 экз. Ц. 40 к.

Катановъ, Н. Ѳ. О погребальныхъ обрядахъ у тюркскихъ племенъ центральной и восточной Азіи. Казань. 94 г. 8°, 34 стр. 100 экз.

Кирпичниковъ, А. Сужденіе дьявола противъ рода человѣческаго (Памятники древней письменности (CV). Спб. 94 г. 8°, 23 стр. 310 экз.

Кудринскій, Ѳ. Утопленница. Этнографическій разсказъ (Отт. изъ «Кіевск. Стар.»). Кіевъ. 94. 8°, 57 стр. 100 экз.

Кунцево и Знаменскій храмъ въ Кунцевѣ (150-ти-лѣтній юбилей церкви). Москва. 16°, 31 стр.

Лайдынь, А. Русско-Латышскій словарь ко 2-му выпуску «Русская рѣчь», М. Вольнера. Рига. 94 г. 8°, 55 стр. 5.000 экз.

Лаоси. Тао-те-Кингъ. Переводъ съ китайскаго, съ введеніемъ Д. П. Кониси. Изъ ж. «Вопросы Философіи и Психологіи». М. 94 г. 8°, 48 стр. 300 экз. Ц. 40 к.

Лаппо, И. И. Тверской уѣздъ въ XVI вѣкѣ. Его населеніе и виды земельнаго владѣнія. (Этюдъ по исторіи провинціи Московскаго государ-

ства. Изъ «Чт. въ Имп. общ. ист. и др. росс. при моск. унив.»). М. 94. 8°, 238 стр. 200 экз.

Латышевъ, В. В. Дополненія и поправки къ собранію древнихъ надписей сѣвернаго побережья Чернаго моря. Ш. (Отт. изъ «Запис. И. Р. А. О.»). Спб. 94. 8°, 23 стр. 112 экз.

Малеинъ, А. І. Газеты у древнихъ римлянъ. Изд. редакціи ж. «Библіографъ». Спб. 94 г. 8°, 18 стр. 300 экз.

Маркевичъ, Арсеній. Taurica. Опытъ указателя сочиненій, касающихся Крыма и Таврической губерніи вообще (Изв. Таврич. Уч. Архивн. Коммиссіи. № 20). Симферополь. 1894. 8°, Ш+394 стр.

Матеріалы для статистики Красноуфимскаго уѣзда, Пермской губ. Вып. V-й. Ч. 1-я. (Заводскій районъ). Казань. 1894 г. 4°, 161+258 стр.

Мещерскій, А. В. кн., О заповѣдныхъ имѣніяхъ. Историческій очеркъ. Москва. 94 г. 8°, 20 стр.

Миллеръ, Вс. О Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, издаваемомъ управленіемъ кавказскаго учебнаго округа (Отзывы, напечатанные въ «Журналѣ М-ства Нар. Просв.»). Тифлисъ. 94 г. 8°, 30 стр. 200 экз.

Митькевичъ, Александръ. О формѣ завѣщаній. Историко-юридическій очеркъ. Тифлисъ. 8°, 101 стр.

Мочульскій, В. Къ исторіи малорусскаго нарѣчія. Житіе св. Саввы Освященнаго, по пергаментной рукописи XIII в. Одесса. 94. 8°, 24 стр. 300 экз.

Неклюдовъ, Е. Словарь-самоучитель 1.500 татарскихъ словъ и съ приложеніемъ индійскихъ, употребляемыхъ татарами въ письмѣ, цифръ и чиселъ, съ переводомъ на русскій и татарскій языки. Изд. 1-е. Каз. 94. 16°. 86 стр. 1.200 экз. Ц. 50 к.

Никоновъ, Серг. Поручительство въ его историческомъ развитіи по русскому праву. Спб. 1895. 8°, 216 стр. Ц. 2 р.

Нѣдзельницкій, Іоаннъ, свящ. Штундизмъ, причины появленія и разборъ ученія его. Елисаветградъ. 8°, 349 стр.

Оболенскій, Алексѣй, кн. Основная причина крестьянскаго нестроенія. (Отт. изъ ж. «Русск. Вѣстникъ»). Спб. 94. 8°, 31 стр. 100 экз.

Образованіе калмыковъ Астраханской губерніи и мѣры къ его улучшенію (Отт. изъ «Прав. Благовѣстника»). Москва. 94 г. 8°, 44 стр. 120 экз.

Оксеновъ А. Народная поэзія. Былины, пѣсни, духовные стихи. Съ введеніемъ и объяснительнымъ словаремъ. Редакція В. И. Шемякина. (Приходская библіотека). Москва. 94 г. 8°, XXIX+306 стр. 1.000 экз.

Олонецкій сборникъ. Матеріалы для исторіи, географіи, статистики и этнографіи Олонецкаго края. Вып. 3-й. Сост. *Благовѣщенскій*. Изд. Олон. статист. комитета. Петрозаводскъ. 94 г. 8°, VIII+556 стр. 600 экз. Ц. 2 р.

Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга 9-я. Москва. 94. 8°, VII+361+161 стр. 425 экз. Ц. 3 р.

Описаніе (Краткое историческое) смоленскаго Успенскаго каѳедральнаго собора. Смол. 8°, 32 стр. 2.000 экз.

Орнитоманія. Предсказывающія карты знаменитой прорицательницы дѣвицы Ленорманъ. Ключъ и руководство къ употребленію предсказывающихъ картъ. Спб. 32°, 30 стр. и 36 картъ. 2.000 экз.

Очеркъ изъ исторіи американской православной духовной миссіи. Спб. 8°, 292 стр. 3.000 экз.

Очеркъ (историческій) Смоленска. Спб. 1894. 8°, 61 стр. 7 фототип. снимковъ и 4 карты. 600 экз.

Отчетъ о дѣятельности рязанской ученой архивной комиссіи за 1893 годъ. Составленъ *С. Д. Яхонтовымъ*. Рязань. 94 г. 8°, 14+6 стр.

Палестина и Синай. Часть I. Вып. 3-й Изд. Имп. Прав. Пал. Общ. Спб. 94. 8°, V+176 стр. 600 экз.

Памятники древней письменности. CII. Отчеты о засѣданіяхъ Имп. общества любителей древней письменности въ 1893—1894 году, съ приложеніями. Спб. 94 г. 8°, 93 стр. 262 экз.

Памятники древней письменности. CIV. Апокрифическое пророчество царя Соломона о Христѣ, находящееся въ пространномъ житіи св. Константина философа, по списку XIII вѣка. Сообщеніе А. Н. Петрова. Спб. 94 г. 8°, 14 стр.

Покровскій, Н. Очерки памятниковъ православной иконографіи и искусства. Спб. 8°, 350 стр.

По чужимъ краямъ и по Сибири. Путешествіе Е. И. В Наслѣдника Цесаревича и В. Кн. Николая Александровича 1891—1892. Греція. Египетъ. Индія. Китай. Японія. Сибирь (Изд. «Семьянина»). Спб. 1894. 8°, 56 стр. Ц. 30 к.

Прошлое и настоящее Одессы. Составлено С. Ч. и просмотрѣно профессорами Новоросс. университета А. И. Кирпичниковымъ и А. И. Маркевичемъ. Одесса. 94 г. 8°, 48 стр. 15.000 экз. Ц. 25 к.

Птицынъ, В. В. Древніе адвокаты и наши присяжные Цицероны. Изданіе исправл. и дополн. Спб. 1894. 8°, 78 стр. 1.000 экз. Ц. 50 к.

П., Д. Свѣтлыя черты русской женщины. Немировъ. 1894. 8°, 34 стр.

Радловъ, В. Сибирскія древности. Матеріалы по археологіи Россіи, (изд. Имп. Археолог. Ком. № 15). Томъ I, вып. 3-й. Съ 8-ю табл. рис. и 30 политипаж. Спб. 1894. 4°, стр. съ 81 по 132+съ 53 по 146+XIX. 600 экз. Ц. 2 р.

Родосскій, А. Описаніе 432 рукописей, принадлежащихъ спб. духовной академіи и составляющихъ ея первое по времени собраніе. Спб. 8°, 427 стр. 600 экз.

Русскіе акты ревельскаго городского архива. Изданы археографическою комиссіею подъ ред. А. Барсукова. Спб. 94. 8°. 320 стр. стлб. 420 экз.

Русская народная лирика. Пѣсни семейныя. Пѣсни бытовыя. Пѣсни удалыя. Объяснительныя статьи (Русская классная библіотека, издаваемая подъ ред. А. Н. Чудинова. Пособіе при изученіи русской литературы.

Выпускъ XVIII). Изд. И. Глазунова. Спб. 94. 8°, VIII + 109 стр., 5.020 экз.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа Вып. 18-й. Изд. управленія кавказск. учебн. округа. Тифлисъ. 94 г. 8° 132+410 экз.

Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. акад. наукъ. Томъ 59 (Онежскія былины, записанныя А. Д. Гильфердингомъ лѣтомъ 1871 г. Изд. 2-е. Томъ 1-й). Спб. 94 г. 8°, XXII+597 стр. и 1 портретъ, 600 экз. Ц. 2 р. 50 к.

Сельско-хозяйственный обзоръ Тверской губерніи за 1893 годъ (годъ первый). Изд. тверск. губ. земства. Тверь. 93 г. 8°, III+140+59 стр.

Семеновъ, А. Э. Нѣсколько словъ о древне-критскихъ клятвенныхъ формулахъ (Отт. изъ «Записокъ Имп. Р. А. О.»). Спб. 94. 8°, 9 стр. 62 экз.

Семеновъ, В. И. Забытый путь изъ Европы въ Сибирь. Енисейская экспедиція 1893 года. Спб. 1894. 8°, 185 стр. и 1 карта. 1.200 экз.

Симонова. Л. 1) Лаача. Очерки изъ быта вогуличей. 84 стр. Ц. 40 к. 2) Эзе. Очерки изъ быта остяковъ. 90 стр. Ц. 50 к., съ 2 картинками. Спб. 1895. 8°, 3-е изд. Н. Н. Морева.

Смоленскій, А. В. Чувашскія примѣты о погодѣ и ея вліяніе на хозяйство. Казань. 94. 8°, 81 стр. 85 экз.

Соколовъ, В. Д. Москва—Самаркандъ. Путевыя впечатлѣнія. М. 1894. 8°, 53 стр. Ц. 40 к.

Статистика Россійской Имперіи. XXVII. Волости и населенныя мѣста 1893 года. Выпускъ 10-й. Тобольская губернія. Изд. Ц. Ст. Ком. М. В. Д. Спб. 94 г. 4°, 203+12+111 стр. 1.000 экз. Ц. 1 р. 25 к.

Суворинъ, А. Палестина. Вып. 14-й Спб. 2°, стр. 161 по 172. 3.000 экз.

Тайцъ, Б. Историческій очеркъ возникновенія и распространенія новѣйшаго спиритизма (По поводу 46-лѣтней годовщины возникновенія въ Америкѣ новѣйшаго спиритизма). Спб. 94. 8°, 40 стр. 600 экз. Ц. 35 к.

Титовъ, А. А. Тверскія Епархіальныя Вѣдомости. Списокъ и указатель статей, помѣщенныхъ въ неофф. части Вѣдомостей въ первыя семнадцать лѣтъ существованія: 1877 — 1893 г. Москва. 8°, 100 стр. 1.200 экз.

Указатели къ изданнымъ московскимъ городскимъ управленіемъ переписнымъ и межевымъ книгамъ XVII и XVIII столѣтій. М. 94 г. 4°, 42 стр. столб. 200 экз.

Указатель (систематическій) статей, помѣщенныхъ въ русскихъ журналахъ (апрѣль—іюнь), № 2. Спб. 1894. 8°, 36 стр. 700 экз.

Устимовичъ, М. П. Ловичъ, древняя резиденція и владѣніе примасовъ Польши. (Историч. замѣтка). Варшава. 94. 8°, 125 стр. 600 экз. Ц. 50 к.

Флоринскій, Тимоѳ. Лекціи по славянскому языкознанію. Часть первая. I. Введеніе. II. Юго-западные славянскіе языки (болг., сербо-хорв., словинскій). Кіевъ. 1895. 8°, (Изъ «Университ. Извѣстій» 1892—95 гг.). Стр. 526. Ц. 3 р. Печатается 2-я часть (сѣверо-западные языки).

Чемена, К. А. Происхожденіе и сущность ессейства. Опытъ историко-критическаго изслѣдованія. Черкасы. 94 г. 8⁰, 500+II стр. 310 экз. Ц. 2 р. 50 к.

Черепнинъ, А. И. Борковскій островъ и его древности (изъ «Археол. Изв. и Зам.», 1894 г.). М. 94 г. 8⁰, 18 стр.

Шахматовъ, А. Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій (Оттискъ изъ «Р. Ф. В.»). Варшава. 94. 8⁰, 12 стр. 60 экз.

Вольвачивна, Маруся. Казка про таемни слова. Харьк. 1893. 16⁰, 46 стр.

Думы (Народны): Олексій Поповичъ.—Маты-удова и тры сыны.—Сестра и братъ. Кіевъ. Изд. Іогансона. 1890. 8⁰, 24 стр.

Чайченко, В. Дума про княгыню-кобзаря.—Сыратка.—Крюкъ, велика птыця.—Дурень думкою богатіе.—Рыбьячи танци.—Два морозы. (Стихотворныя переложенія народныхъ произведеній). Харьк. 1893. 16⁰, 43 стр.

б) Иностранныя.

Стоиловъ, А. Р., Сборникъ отъ български народни умотворения. Випускъ I, битови пѣсни. София. 1894. Стр. 54+IV. Цѣна 60 ст.

Славиеви Гори (Родопи). Мѣсечно списание за народни умотворения, наука и общественни знания. (Выходитъ ежемѣсячно, начиная съ апрѣля 1894 г. и лишь исключая мѣсяцы іюль и августъ,—издается въ с. Орѣхово, Рупчоска околия).

Apocrypha anecdota. A collection of thirteen apocryphal books and fragments now first edited from manuscripts by Montague Rhode James. Cambrige. 1893.

Bacon, Alice M., A Japonese interior. (Уже раньше вышла того же автора книга: «Japonese Girls and Women». Авторъ «мастерской рукой рисуетъ теченіе національной. жизни въ Японіи»).

Bastian, A., Buddhismus, als religions-philosophisches System. Berlin. 1893.

— Controversen in der Ethnologie. Die geographischen Provinzen in ihren culturgeschichtlichen Berührungspunkten. Sociale Unterlagen für rechtliche Institutionen. Ueber Fetische und Zugehöriges. Berlin. 1893—94.

Bishop, Isabella L., Among the Tibetans. With illustrations. (Авторъ знакомитъ съ Тибетомъ и тибетцами. «Многія черты тибетской жизни производятъ отталкивающее впечатлѣніе, но въ общемъ народъ обладаетъ симпатичными сторонами характера и привлекаетъ своимъ дружелюбіемъ»).

Brinton, D. M., Nagualism. A study in American Folklor and History. Philadelph. 1894.

Brintz, J. Deutsche Kulturbilder aus sieben Jahrhunderten. Hamburg. 1894.

Borchardt, W. Die sprüchwörtlichen Redensarten im deutschen Volksmunde nach Sinn und Ursprung erläutert (2 изд.). Leipzig. 1894.

Černy, Ad. Třeča zbörka lužiskoserbskich pěsni. Budyšin. 1893. (Z. Časopisu Mačicy serbskeje 1893).

Dunger, H. Kinderlieder und Kinderspiele aus dem Vogtlande. Ein Vortrag über das Wesen der volksthümlichen Kinderlieder (2 изд.). Plauen, 1894.

A Dictionary of British Folklore. Edited by G. Laur. Gomme. Part. I. The traditional Games of England, Scotland and Irland with Tunes, Singing-rhymes and Methods of playing according to the variants extant and recorded in different parts of the Kingdom, collected and amutated by Alice Bertha Gomme. 1. vol. Accroshay-Nuits in May. London. 1894.

Eckart, E. Niederdeutsche Sprichwörter und volksthümliche Redensarten. Braunschweig. 1894.

Eckart, Rudolph. Allgemeine Sammlung niederdeutscher Rätsel. Leipzig. 1894.

Eggers, Alex. Der arische (indo-iranische) Gott Mitra. Eine sprach- und religiosgeschichtliche Studie. Jurjew. 1894. 8°, 75 стр. (магистерская диссерцація).

Ewert, M. Ueber die Fabel: «Der Rabe und der Fuchs». Berlin. 1894.

Eynatten, Carol. Deutsche Sagen u. Geschichten. Bonn. 1894.

Franke, I. H., Kulturbilder aus der Kultur-und Sittengeschichte der Menschheit älterer und neuerer Zeit. Zürich. 1894.

Grooke, W. Introduction to the popular religion of Northern India. Allahabad. 1894.

Gill, William. From Darkness to light in Polynesia. (Авторъ «описываетъ свою (за 33 года) миссіонерскую дѣятельность и жизнь среди полудикихъ племенъ», населяющихъ острова Тихаго океана. Христіанство идетъ тамъ «успѣшно». Кромѣ того, авторъ собралъ тамъ «много легендъ и пѣсенъ»).

Goblet d'Alviello. La loi du progrès dans les religions. Bruxelles. 1894.

Haddon, A. C. and **Browne. C. R.** The Ethnography of the Aran Islands, Country Galway. (Отт. изъ Proc. Roy. Irish. Academy. 1893).

Hadaszczok, J. prof. Führer durch die Beskiden. Острова. 1894 г. 72 стр. (съ картой зап. Карпатъ).

Hauser, Chr. Sagen aus dem Poznaun und dessen Nachbarschaft. Innsbruck. 1894.

Hickmann. Karte der Verbreitungsgebiete der Religionen in Europa. Berlin. 1894.

Hirt's, F. Bilderschatz zur Länder-und Völkerkunde. Leipzig. 1894. (на стр. 43 чешско-слав. народность).

Jiriczek, O. Dr. Anleitung zur Mitarbeit in volkskundlichen Sammlungen. Brünn. 1894.

Kieswetter, K. Faust in der Geschichte und Tradition. Leipzig. 1894.

Knopp, O., Sagen und Erzählungen aus der Provinz Posen. Posen. 1894.

Köhler, R. Aufsätze über Märchen und Volkslieder. Aus seinem handschriftlichen Nachlass herausgegeben von Joh. Bolte u. Erich Schmidt. Berlin. 1894.

Letourneau, Ch. L'évolution littéraire dans les diverses races humaines. Paris. Bibliothèque anthropologique. (**«Представивъ въ предыдущихъ своихъ трудахъ эволюцію нравственности, брака, семьи, собственности, политическихъ и юридическихъ учрежденій и религіи у различныхъ человѣческихъ расъ, Летурно теперь занялся изслѣдованіемъ эволюціи литературы, разсматривая литературу, какъ одно изъ многочисленныхъ выраженій народной жизни въ наиболѣе широкомъ смыслѣ этого слова». Наиболѣе ярко «народная жизнь отражается въ той литературѣ, истинно-народной, наивной и непосредственной, которая всюду предшествовала ученой литературѣ, существовала десятки тысячъ лѣтъ и послужила почвою для всей остальной искусственной литературы, являющейся продуктомъ позднѣйшей цивилизаціи». «Летурно вездѣ старается показать, въ какой тѣсной зависимости находится литература отъ соціальнаго и политическаго положенія даннаго народа»**).

Lewalter Joh. Deutsche Volkslieder in Niederhessen aus dem Munde des Volkes gesammelt. Hamburg. 1894.

Lubicz, Raf. Kilka zabytków języka staropolskiego. (Odbitka zt. IV—V «Prac Filologiczn.»). Warsz. 1894. 8⁰, 90 стр.

Monumenta confraternitatis Stauropigianae, edidit d-r W l a d i m i r u s M i l k o w i c z. Tomus I. Pars prima, continens diplomata et epistolas ab anno 1518—1593. **Львовъ** 1895 г. Стр. XVI+496. **Цѣна 5 гульд. (Содержитъ акты на языкѣ церковно-славянскомъ, старо-малорусскомъ, польскомъ, латинскомъ, греческомъ, итальянскомъ, арабскомъ и армянскомъ).**

Okresní národopisná výstava a sjezdy ve Hlinsku konané r. 1893. V Chotěboži, 1893.

Pelhau, H. Fr. Outlines of Roman History (**намѣчаетъ «главнѣйшія черты римской исторіи». Ожидается большое сочиненіе того же автора по римской исторіи.**

Peel, Helen. Polar Gleams, an account of a Voyage on the Yacht Blencathra. With a preface by the Marquess of Dufferin and contributions by Capt. I. Wiggins and F. G. Jackson (Arnord).

Peante (de la), Minna C. Other Lands and the people who live there.

Regnaud, P. Les premières formes de la religion et de la tradition dans l'Inde et dans la Grèce. Paris. 1894.

Reichlin-Meldegg (A. Baronin v.). Regensburger Volkssagen für Jung uud Alt. Regensburg. 1894.

Richter, A. Deutsche Redensarten. Sprachlich und kulturgeschichtlich erläutert (2 **изд.**). Leipzig. 1894.

Rohde, O. Die Erzählung vom Einsiedler und dem Engel in ihrer geschichtlichen Entwickelung. Leipzig. 1894.

Torr, Cecil. Ancient ships. Cambrige. 1894.

Tiersot, J. Les types mélodiques dans la chanson populaire française. (Extr. de la Revue des Trad. pop.). Paris. 1894.

Taylor, H. L'origine des Aryens et l'homme préhistorique. (Перев. съ англ. въ «Bibliothèque évolutionniste». «Тейлоръ очень подробно разбираетъ этотъ вопросъ въ своей книгѣ и рѣшительнымъ образомъ отвергаетъ параллелизмъ расъ и языковъ и выводы многихъ филологовъ».

Tarde, G. La logique sociale. 1895. («Авторъ даетъ логическое развитіе своихъ идей общей соціологіи, изложенныхъ имъ въ его «Законахъ подражанія», приходитъ къ цѣлому ряду весьма интересныхъ заключеній насчетъ дѣйствія религіи, языковъ, искусства, соціальныхъ и коллективныхъ чувствъ, какъ, напримѣръ, національная ненависть, народная гордость и т. д.»).

Tischer, Frant. Iindřich IV z Hradce. Nástin zivotopisný. V Indř. Hradci. 1894. (сост. по нѣмецкому труду N. Cori).

Tovaryšstvo. Sborník literárnych prác v storočnú pamät prvého «Učeného slovenského tovaryšstva», usporádol Fr. Richard Osvald. Rozumberhu. 1893. (Есть этнограф. статьи).

Torma, Sofie (von). Ethnographische Analogien. Ein Beitrag zur Gestaltungs-und Entwickelungsgeschichte der Religion. Iena. 1894.

Todaro, A. della Galia. Istituzioni di diritto civile russo. (Russia.— Tchernigof e Poltava. — Provincie Baltiche). Torino-Roma. 1894. 8⁰, 431 стр.

Varigny (de), Henry. En Amérique (Между прочими описаніями «не лишены интереса наблюденія надъ негритянскою расою и замѣчанія о будущности этой расы»).

Wolfram, E. H. Nassauische Volkslieder. Berlin. 1894.

ВОПРОСЫ и ОТВѢТЫ.

Нѣмота и косноязычіе.

Настоящая замѣтка вызвана помѣщенными въ „Этногр. Об." кн. XXII вопросами и составлена на основаніи свѣдѣній, собранныхъ въ Острожскомъ, Заславскомъ и Старо-Константиновскомъ у. Волынск. губ. разными лицами, между проч. воспитанниками Острожской прогимназіи, Альпериномъ, Липскимъ, Балюкомъ, Томпофольскимъ, Каменскимъ и Шварцемъ. Лица, представившія мнѣ собранныя ими свѣдѣнія, обращались съ вопросами къ людямъ разной національности (малороссы, поляки, евреи) и разныхъ профессій (медики, священники, повивальныя бабки, наконецъ, крестьяне—старики и старухи).

По собраннымъ свѣдѣніямъ, нѣмоту и косноязычіе народъ объясняетъ наслѣдственностью (если мать нѣма, то и ея дѣти часто бываютъ нѣмыми), сильнымъ ударомъ и испугомъ, грѣхами родителей и разными болѣзнями: сухоткой, золотухой и приростомъ языка. Чтобы предупредить возможность нѣмоты или другой какой болѣзни отъ испуга, въ г. Острогѣ поступаютъ такъ: надъ испуганнымъ ребенкомъ, во время сна, держатъ миску съ водой; на края миски кладутся крестообразно двѣ палочки; потомъ растапливаютъ воскъ и льютъ его въ миску, собираютъ его обратно, снова растапливаютъ и льютъ въ ту же воду, повторяя это 9 разъ. Произносятъ ли при этомъ какія слова, неизвѣстно.—Въ м. Бѣлой Церкви 7-лѣтній еврейскій мальчикъ, испугавшись бросившейся на него огромной собаки, онѣмѣлъ. Встрѣтившись вторично съ этой собакой, мальчикъ упалъ въ обморокъ, очнувшись отъ котораго, онъ, хотя и сталъ снова говорить, но неразборчиво. Отъ этого косноязычія лѣчила его повивальная бабка, заставляя мальчика часа по два въ сутки вытягивать и втягивать обратно въ ротъ языкъ; по словамъ лица, знавшаго этого мальчика, косноязычіе прошло, хотя и не совсѣмъ. У дѣтей нерѣдко замѣчается врожденный порокъ образованія языка, состоящій въ томъ, что уздечка подъ нижней поверхностью языка простирается впередъ дальше обыкновеннаго; иногда же, наоборотъ, сильно натянутая, вслѣдствіе своей ненормальной короткости, уздечка мѣшаетъ языку производить свободныя движенія, необходимыя при сосаніи и глотаніи. Народъ вѣритъ, что подобный приростъ языка

сѣданія Филіаціи 3 сент. 1894 г. Начальникъ изысканій Забайкальской жел. дор. Г. В. Адріановъ прочелъ докладъ о результатѣ изслѣдованій ввѣренной ему экспедиціи инженеровъ).

По порученію „Общества имени Шевченка" (въ Львовѣ), Иванъ Франко готовитъ къ изданію первый томъ „Памятників староруського письменьства по южноруським рукописам". Этотъ томъ (онъ долженъ появиться въ свѣтъ въ текущемъ году) будетъ состоять исключительно изъ ветхозавѣтныхъ апокрифовъ. Въ рукахъ г. Франка находится много рукописей, и въ томъ числѣ древній списокъ Палеи южнорусскаго извода. Большая часть матеріала является новинкою. Издаются только такіе тексты, которые по языку отличаются ясными южнорусскими оттѣнками, потому что издатель преслѣдуетъ и филологическія цѣли. Текстамъ предпосылается предисловіе, содержащее этюдъ объ апокрифахъ вообще и о печатаемыхъ въ книгѣ — въ частности, а въ концѣ книги будетъ помѣщенъ словарь и указатель. Издатель покорнѣйше проситъ всѣхъ интересующихся вопросомъ присылать ему рукописи или, по крайней мѣрѣ, описаніе извѣстныхъ имъ рукописей. Адресъ: Австрія, Галичина, Львовъ (Lemberg), ул. Глубокая 7, Ивану Франку.

Подъ редакціей того же И. Франка начинаетъ издаваться на малорусскомъ языкѣ цѣлая серія этнографическихъ сочиненій общаго характера. Въ первой книгѣ этой серіи идетъ переводъ съ англійскаго: „Popular tales and fiction, their migrations and transformations" Clouston'a („Народні казки та вигадки. Як вони блукають та перероблюються"). Переводъ сдѣланъ А. Крымскимъ.

Чехославянская этнографическая выставка, имѣющая быть этимъ лѣтомъ, быстро подвигается къ открытію и продолжится съ 15 мая до конца сентября. Уже къ январю была готова большая часть отдѣла, представляющаго цѣлую чехославянскую деревню, которая будетъ состоять изъ цѣлаго ряда характерныхъ избъ и др. строеній съ разныхъ концовъ Чехіи, Моравіи, Силезіи, Славоніи, а посреди деревни—старый деревянный костелъ. Въ дальнѣйшемъ планѣ выставка представитъ: 1) отдѣлъ систематическій, имѣющій дать полный и цѣльный обзоръ чехославянской народности съ точки зрѣнія антропологической, географической и культурной, 2) частные отдѣлы по народностямъ и мѣстностямъ, въ количествѣ до 20 мѣстностей. Къ этнографической выставкѣ примкнули кромѣ того выставки: школьнаго дѣла, искусства, земледѣлія и промышленности. Очень любопытна будетъ на выставкѣ такъ называемая „Старая Прага", гдѣ будетъ представленъ этотъ городъ въ видѣ маленькаго мѣстечка съ улицами, лавками, пивными и пр.,—все въ томъ видѣ, какъ было въ XVI столѣтіи. Къ открытію выставки изготовляется популярная брошюра о ней на чешскомъ и франц. языкахъ, которая будетъ разсылаема безплатно отъ комитета выставки. Издержки по устройству выставки достигли полумилліона злотыхъ; всѣ онѣ покроются изъ добровольныхъ вкладовъ, платы за входъ и выручки отъ разнаго рода продажи.

Итальянскіе ученые проф. Ottolenghi и d-r. Rossi выпустили интересное изслѣдованіе о сохранившемся доселѣ способѣ татуировки у простого народа въ окрестности Siena, преимущественно у арестантовъ, которые воспроизводятъ на своемъ тѣлѣ знаки животныхъ и т. п., знаменующіе родину каждаго обозначеніемъ городскихъ гербовъ или фамильныхъ тамгъ. (Nuova Antologia. 1895. II). Сообщаемъ это свѣдѣніе въ дополненіе къ замѣткамъ по этому вопросу, сообщеннымъ раньше. (См. „Этногр. Обозр". III, 132; V, 256).

ПОПРАВКИ.

Въ кн. XXIV:

Стран.	Строка.	*Напечатано:*	*Должно быть:*
47	10	рис. 4d	рис. 3b
—	11	рис. 4a	рис. 3b
81	5	Перестречи	Перестрога
84	18	Писаня	Писана
85	15	вазы	возы̆
86	44	бори	зори
87	5	козакмы	козаками
—	20	яхъ	якъ
89	18	примѣтами	примѣрами
93	35	памятна	понятна
96	2	грамматтики	грамматики
144	5 сн.	учителя	учащихся

Въ предыдущей (XXIII) книгѣ „Этнографическаго Обозрѣнія“ вкралась ошибка въ некрологъ проф. Ом. Огоновскаго (стр. 176): свѣдѣніе о братѣ покойника Владимірѣ не правильно и попало въ некрологъ по случайности.

Изданія Этнографическаго Отдѣла.

А) «Труды Этнографическаго Отдѣла».

Р. К.

Т. IV. Статьи *П. В. Шейна*, *Е. В. Барсова*, *В. Ѳ. Миллера*, *Ф. Д. Нефедова* и др. Сѣверный край, Бѣлоруссія, Поволжье и пр. (Вѣрованія, обряды, семейные обычаи, обычное право, путевыя наблюденія и пр.) . . . . 2 —

Т. V. *П. С. Ефименко*: Матеріалы по описанію русскаго населенія Архангельской губ.

Вып. 1. Внѣшняя обстановка, пища, одежда; нравы, вѣрованія, обряды, врачеваніе; расколъ 2 50

Вып. 2. Народное творчество (былины и пр.), языкъ 3 50

Т. VI. *Ѳ. Я. Трейландъ*: Матеріалы по описанію латышскаго племени. (Пословицы, загадки, заговоры, врачеваніе и пр.; тексты съ русскимъ переводомъ) 3 50

Т. VII. Статьи *Е. И. Якушкина*, *А. С. Пругавина*, *Д. И. Иловайскаго*, *Нила Попова*, *В. Ѳ. Миллера*, *Ѳ. Е. Корша*, *Д. Н. Анучина*, *Д. Я. Самоквасова*, *Н. М. Ядринцева*, *Макс. М. Ковалевскаго*, *В. М. Михайловскаго*, *Н. А. Янчука* и др. (Споры о народности гунновъ, обычное право, сектантство, кавказскія легенды и вѣрованія, свадьба у сѣдлецкихъ малоруссовъ, гиляки, черневые татары и пр.) . . . . 2 —

Т. VIII. Статьи *В. Ѳ. Миллера*, *М. М. Ковалевскаго*, *Е. А. Покровскаго*, *Н. Л. Гондатти*. Некр. гр. Уварова, Костомарова, Дюверnуа; юридическ. бытъ кавказскихъ инородцевъ; вѣрованія остяковъ; народн. игры. Прилож.: *Программы для собиранія свѣдѣній по этнографіи—Н. А. Янчука, по обычному праву—М. Н. Харузина* . . . . 2 —

Т. IX. Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія. Вып. I. Статьи *В. Ѳ. Миллера*, *Н. Н. Харузина*, *П. М. Богаевскаго*, *Н. А. Янчука*, *В. В. Кандинскаго* и др. (Юридическій бытъ, семейные обычаи, народн. космогонія, музыка; очерки Бѣлоруссіи, Олонецкой, Вятск., Тамб., Казан. губ. и др.) . 2 —

Т. X. *Н. Н. Харузинъ*: Русскіе лопари. (Очерки прошлаго и современнаго быта). Съ рис. и картой 3 50

Т. XI. Сборникъ свѣдѣній для изуч. быта крестьянскаго населенія. Вып. II. *Н. А. Иваницкій*: Вологодскій край. *Ю. Н. Мельгуновъ* и *М. Куклинъ*: Вологодскія пѣсни (съ нотами). . . . . 2 —

Вып. 3. *В. П. Тихоновъ*: Матеріалы для изуч. обычнаго права крестьянъ Вятской губ. *В. П. Племянниковъ*: Указатель къ „Трудамъ комиссіи по преообразованію волостныхъ судовъ" (рѣшенія вол. судовъ) . . . . 2 —

Т. XII. *В. М. Михайловскій*: Шаманство. (Сравнительно-этнографическіе очерки) 1 50

Т. XIII. *И. А. Житецкій*: Астраханскіе калмыки. Съ рис. 1 25

Б) «Алтайскіе инородцы».

Статьи и изслѣдованія *В. И. Вербицкаго* . . . . 2 —

В) «Русскія былины старой и новой записи».

Новый сборникъ, подъ ред. *Н. С. Тихонравова* и *В. Ѳ. Миллера* 2 50

Г) «Этнографическое Обозрѣніе».

За 1890—94 гг. по 5 р. за годъ.

Оставшуюся въ небольшомъ количествѣ брошюру **Евг. Ляцкаго**: **„Олонецкій сказитель Ив. Троф. Рябининъ и его былины"**, съ портретомъ сказителя, его напѣвами и текстами былинъ и стиховъ, можно получать черезъ редакцію „Этногр. Обозрѣнія". Ц. 40 к. съ перес.